

ИСТОРИЯ РАМПЫ

ЛОБСАНГ РАМПА

LITRU.RU

Брат мой, мы должны донести до ведома многих истину о том, что одна личность может добровольно покинуть свое тело и позволить другой личности занять и оживить покинутое тело. Твоя задача состоит в том, чтобы поделиться с людьми этим знанием`.

Так в стенах монастыря Потала поучал Престарелый Патриарх своего ученика Лобсанга Рампу. В своей замечательной книге доктор Рампа исполняет желание любимого Наставника. Он дает определение различным ответвлениям личности человека, его `я`, и вводит непосвященных в истины и конечную реальность реинкарнации.

Предисловие автора

— Никакой горечи, — сказал Издатель.

— Хорошо, — подумал я про себя, — а почему, собственно, должна быть горечь? Я просто стараюсь делать свою работу — написать книгу в соответствии с данными указаниями.

— Ничего против Прессы! — сказал Издатель.

— Господи Боже, — сказал я про себя. — За кого же он меня принимает? — Так и быть. Ни слова против Прессы. В конце концов, они тоже думают, что занимаются своим делом, а если их снабжают неверной информацией, что ж, тогда и спрос с них невелик. Что до моего мнения о Прессе — тут уж *нет*. Об этом ни слова.

Эта книга является продолжением *Третьего глаза* и *Доктора из Лхасы*. С самого начала хочу сказать, что все это не выдумка, а Истина. Все, что я написал в двух предыдущих книгах, суцая правда, и повествует она о том, что мне довелось пережить. То, о чем я собираюсь написать, касается разветвления личности человека, его «я», то есть речь пойдет о том, в чем мы, люди Дальнего Востока, сведущи как никто другой.

Впрочем, никаких предисловий. Книга — вот что важно!

Глава 1

Хранители

Зубчатые пики высоких Гималаев глубоко врезаются в яркий пурпур вечернего неба Тибета. Заходящее солнце, уже скрывшись за могучим хребтом, радужными переливами подсвечивает пенный шлейф снега, вечно парящий у высочайших вершин. Кристально чистый воздух бодрит и открывает глазам почти беспредельный обзор.

На первый взгляд эта пустынная, скованная морозом местность совершенно безжизненна. Ничто не двинется, ничто не шелохнется, кроме длинного снежного стяга, развевающегося высоко в небесах. Казалось бы, в этой промерзшей горной пустоши ничто не в состоянии выжить. Создается впечатление, что жизни здесь не было от самого начала времен.

И только если знаешь наверное, только когда тебе не раз и не два укажут, можно заметить, да и то с трудом, едва уловимые следы обитания человека. Одно лишь точное знание приведет твои шаги в это угрюмое, неприветливое место. И только тогда ты увидишь погруженный в густую тень вход в глубокую и мрачную пещеру, всего лишь преддверие в бесконечный лабиринт подземных туннелей и залов, словно соты пронизывающих суровый горный хребет.

Долгими месяцами облеченные наивысшим доверием ламы, взяв на себя труд носильщиков бесценного груза, отмеряли в тяжких переходах сотни миль от Лхасы, унося древние Тайны туда, где они вечно будут храниться в надежном укрытии от китайских вандалов и их приспешников — тибетских коммунистов. Сюда же, в самое сердце гор, ценой невероятных трудов и страданий были доставлены Золотые Изваяния прежних Инкарнаций, где они снова стали предметом поклонения. Священные Реликвии, древнейшие рукописи и наиболее почитаемые и ученые священнослужители также находились здесь в безопасном укрытии. Многие годы, обладая полным знанием о грядущем вторжении Китая, преданные делу настоятели монастырей время от времени тайно собирались на торжественные встречи, чтобы испытать и отобрать тех, кто отправится в дальний путь к Новому Дому. Один за другим священники подвергались испытаниям — причем не имели значения ни их познания, ни прошлое, — чтобы отобрать лишь лучших и наиболее совершенных духовно. Людей, чья подготовка и вера были таковы, что они выдержали бы самые страшные пытки от рук китайцев, не выдав жизненно важных сведений.

Вот так из оккупированной коммунистами Лхасы они пришли в свой новый дом. Ни один самолет с военным грузом не смог бы залететь так высоко. Никакие вражеские войска не выжили бы в этих безводных краях, лишенных почвы, каменистых, с предательски шаткими скалами и разверстыми пропастями. Края эти расположены так высоко, так бедны кислородом, что дышать там могут одни лишь закаленные горцы. Наконец здесь, в этом горном святилище, наступил *Мир*. Мир для трудов во имя будущего, для сохранения Древнего Знания, для подготовки к той поре, когда Тибет восстанет и освободится от агрессора.

Миллионы лет назад здесь был огнедышащий вулканический хребет, который извергал камни и лаву на меняющую обличье поверхность юной Земли. Мир тогда был наполовину пластичен и испытывал родовые муки новой эры. На протяжении бесчисленных лет постепенно угасало пламя и остывали оплавленные скалы. В последний раз вытекла на поверхность лава, газовые струи из недр Земли выбросили ее клочья в воздух, оставляя пустыми бесконечные туннели и переходы. Лишь немногие из них были завалены камнепадами, прочие остались нетронутыми, остекленевшими, подернутыми следами расплавленных когда-то металлов. Кое-где по стенам сочились горные ручейки, чистые и сверкающие в редких лучах света.

Сменяли друг друга столетия, а туннели и пещеры оставались пустыми и безжизненными,

известными лишь ламам — астральным путешественникам, которые могли бывать повсюду и видеть все. В поисках такого убежища астральные путешественники прочесали всю страну. Теперь же, когда над землей Тибета навис Террор, древние коридоры заселила духовная элита, люди, которым предназначено восстать, когда исполнится срок.

В то время как первые тщательно отобранные монахи прокладывали путь на север, чтобы приготовить дом в недрах горы, другие монахи в Лхасе упаковывали наиболее ценные вещи и готовились к незаметному уходу. Из мужских и женских монастырей потянулись тонкие ручейки избранных. Под покровом темноты они маленькими группами направлялись к дальнему озеру, где устраивали привал в ожидании остальных.

В «новом доме» был основан Новый Орден — Школа Хранения Знания, а возглавивший его Настоятель, мудрый старый монах, которому перевалило за сто лет, претерпев немыслимые тяготы пути, добрался до пещер в сердце гор. Вместе с ним прибыли и мудрейшие из мудрых — Ламы — Телепаты, Ясновидцы и Хранители Великой Памяти. Долгими месяцами они медленно забирались все выше и выше в горы, где воздух становился все более разреженным. Иногда их старые тела были в состоянии преодолеть всего одну милю в день, одну милю ползком по скалам на вечном ветру высоких перевалов, срывающем одежду, грозящем швырнуть в бездну. Временами глубокие расщелины вынуждали путников на долгие и изнурительные обходы. Почти целую неделю престарелый Настоятель был вынужден пробить в плотно закрытой палатке из шкуры яка, пока никому не ведомые травы и отвары не напоили спасительным кислородом его истерзанные легкие и сердце. Затем, прилагая сверхчеловеческие усилия, он продолжил свое немыслимое путешествие.

Наконец они достигли цели, но число их значительно уменьшилось, ибо многие не выдержали тягот перехода. Постепенно они стали привыкать к новому образу жизни. Писцы тщательно составляли отчет об этом путешествии, а Резчики неспешно готовили плиты для ручного книгопечатания. Ясновидцы заглядывали вперед, предсказывая будущее Тибету и другим странам. Эти безупречно чистые люди пребывали в контакте с Космосом и с Хрониками Акаши, Книгой, в которой все сказано о прошлом и настоящем повсюду, а также обо всех возможных вариантах развития будущего. И Телепаты были заняты делом, рассылая известия по Тибету, поддерживая телепатическую связь с членами Ордена, где бы те ни находились — в том числе и со мной!

— Лобсанг, Лобсанг! — Мысль прозвенела у меня в голове, выводя из глубокой задумчивости. Телепатические послания были для меня самым обычным делом, более обычным, чем даже телефонные звонки, но в этом обращении прозвучала особая настойчивость. Оно как-то отличалось от других. Быстро расслабившись, я сел в позу лотоса, раскрыл свой разум, придал телу непринужденное положение. Приготовившись принять телепатическое послание, я стал ждать. Какое-то время не было ничего, кроме осторожного прощупывания, словно «Некто» всматривался сквозь мои глаза и видел. Что видел? Грязную реку Детройт и высокие небоскребы города Детройт. Дату на стоящем передо мной календаре: 9 апреля 1960 года. И опять ничего. Внезапно, словно «Некто» принял какое-то решение, снова появился Голос.

— Лобсанг. Ты много страдал. Ты выстоял, но сейчас не время для самоуспокоенности. Есть еще задача, которую тебе предстоит выполнить.

Последовала пауза, словно Говорящего неожиданно прервали, и я с тяжелым сердцем замер в настороженном ожидании. За прошедшие годы на мою долю выпало более чем достаточно нищеты и страданий. Более чем достаточно перемен, погонь, преследований. Дожидаясь продолжения, я ловил мимолетные телепатические мысли прохожих. Девушки, нетерпеливо постукивающей каблучками на автобусной остановке под моим окном: «Нет на свете ничего хуже этих городских автобусов. Может, он вообще никогда не придет?» Человека, доставившего

посылку в соседний дом: «А не попросить ли мне у босса прибавку к жалованью? Милли даст мне чертей, если я не принесу ей денег!» — И только я от нечего делать стал размышлять о том, кто такая эта Милли, — так же как ожидающий у телефона человек, — как настойчивый Внутренний Голос отозвался снова.

— Лобсанг! Мы приняли решение. Пришло тебе время снова взяться за перо. Следующая книга станет делом всей твоей жизни. Главная тема, которую ты должен в ней отразить, — это то, что один человек может перейти в тело другого человека, если другой на это согласен.

Я смятенно вздрогнул и чуть было не прервал телепатическую связь. Опять я? И писать об этом? Я был «противоречивой натурой» и в силу этого ненавидел каждое мгновение писательского труда. Сам-то я знал, что я таков, каким себя описываю, и что все написанное мною до сих пор было истинной правдой, но как это поможет наскрести материал для прессы, впавшей в летнюю спячку? Это было выше моих сил. Я был смущен, ошеломлен, и на сердце было тяжело, как у приговоренного к смерти.

— Лобсанг! — В телепатическом голосе появились жесткие нотки; его скрипучая резкость электрическим разрядом пронзила мой смятенный мозг. — Лобсанг! Об этом судить не тебе, а нам. Ты увяз в сетях Запада. Мы же можем стоять в стороне и делать оценки. Тебе ведомо лишь то, что происходит поблизости, мы же видим весь мир.

Я скромно промолчал, ожидая продолжения послания и внутренне соглашаясь с тем, что «Им», несомненно, виднее. После небольшого перерыва Голос возник снова.

— Ты много и незаслуженно страдал, но страдал ты за правое дело. Твой предыдущий труд многим принес добро, но сейчас ты болен, и суждения твои относительно будущей книги неверны и предвзяты.

Слушая все это, я взял в руки древний кристалл, покоящийся на беспросветно черном сукне, и стал вглядываться в него. Вскоре стекло затуманилось и стало белым, как молоко. В тумане появился разрыв, и белые облака разошлись, словно занавес, открывая свет зари. Теперь я и видел, и слышал. Дальние гималайские вершины, укрытые снежными мантиями. Неожиданно острое ощущение падения, настолько реальное, что я почувствовал, как во мне поднимаются все внутренности. Обзор становится все шире, и вот, наконец, Пещера, Новый Дом Знания. Я увидел Престарелого Патриарха, воистину древнего старца, сидящего на сложенном коврике из шерсти яка. Несмотря на ранг Верховного Настоятеля, на нем было простое выцветшее ветхое платье, казалось, такое же старое, как и он сам. Высоколобая голова блестела, как старый пергамент, кожа старческих сморщенных рук туго обтягивала удерживающие ее кости. Это был глубоко почитаемый человек с сильной аурой власти, отличавшийся той невыразимой безмятежностью, какую дает истинное знание. По окружности, центром которой был он, сидели семеро лам высокого ранга. Сидели они в позе медитации, распрямив ладони, с пальцами, замершими в древнем символическом сплетении. Их слегка склоненные головы были повернуты ко мне. В кристалле все это было видно так, словно я находился вместе с ними в подземном вулканическом зале, словно я стоял перед ними. И беседовали мы так, словно между нами был физический контакт.

— Ты сильно постарел, — сказал один.

— Твои книги многим принесли радость и свет. Не дай обескуражить себя немногим завистникам и злопыхателям, — сказал другой.

— Железная руда может думать, что подвергается в печи бессмысленным пыткам, но когда закаленный клинок из прекрасной стали оглядывается назад, он уже думает иначе, — сказал третий.

— Мы теряем время и энергию, — сказал Престарелый Патриарх. — У него больное сердце, и он стоит в тени Иного Мира. Нам не следует чрезмерно истощать его силы и здоровье, ибо

перед ним поставлена четкая задача.

Снова наступила тишина. Но теперь это была исцеляющая тишина, ибо в это время Ламы — Телепаты вливали в меня животворную энергию, ту самую энергию, которой мне так часто не хватало после второго приступа коронарной недостаточности. Образ перед моими глазами, образ, частью которого, казалось, был я сам, становился все ярче, чуть ли не ярче моего реального окружения. Затем Старец поднял на меня глаза и заговорил.

— Брат мой, — сказал он, что было великой честью, хотя и сам я был полноправным настоятелем. — Брат мой, мы должны донести до вельмож многих истину о том, что одна «личность» может добровольно покинуть свое тело и позволить другой «личности» занять и оживить это покинутое тело. Твоя задача состоит в том, чтобы поделиться с людьми этим знанием.

Вот это был удар. *Моя* задача? Я никогда не хотел предавать такие сведения огласке, предпочитая помалкивать даже тогда, когда предоставление подобной информации сулило мне материальную выгоду. Я полагал, что большинству людей слепого в эзотерическом отношении Запада лучше ничего не знать об оккультных мирах. Мне встречалось великое множество «оккультистов», познания которых были на деле ничтожно малы, а малые познания очень опасны. Мое самонаблюдение было прервано Настоятелем.

— Как тебе хорошо известно, мы находимся на пороге Нового Века, Века, в котором Человеку предназначено очиститься от суетности и жить в мире с другими и самим собой. Народонаселение во всех странах стабилизируется, не сокращаясь и не увеличиваясь, уйдут в прошлое всякие воинственные намерения, поскольку страна с растущим населением неизбежно прибегает к военным действиям, чтобы обеспечить себе большее жизненное пространство. Мы дали бы людям знания о том, что тело может быть отброшено, подобно старой одежде, ставшей ненужной ее носителю, и передано другому для какой-либо определенной цели.

Я невольно вздрогнул. Да, мне было известно все это, но я никак не ожидал, что мне доведется об этом *писать*. Меня пугала даже сама эта мысль.

Старый Настоятель коротко усмехнулся и сказал:

— Я вижу, Брат мой, что эта идея, эта задача тебе не по душе. Однако даже на Западе, в том, что именуется христианской верой, отмечено множество случаев «одержимости». То, что большинство подобных случаев рассматривается как проявление сил зла или черной магии, достойно сожаления и отражает всего лишь точку зрения тех, кто мало знает об этом предмете. Твоей задачей будет написать так, чтобы имеющие глаза увидели, а те, кто к этому готов, — узнали.

— Самоубийства, — подумал я. — Люди бросятся сводить счеты с жизнью, чтобы бежать от долгов и неприятностей, либо предоставляя кому-то другому свое тело ради оказания услуги.

— Нет, нет, Брат мой, — сказал Старый Настоятель. — Ты заблуждаешься. Никто не может скрыться от своих долгов, покончив с собой, и никто не может покинуть свое тело и перебраться в другое, если отсутствуют особые условия, гарантирующие такой переход. Мы должны дожидаться полного прихода Нового Века, и никто не вправе покинуть свое тело, пока не истечет отведенный ему жизненный срок. До сей поры совершить такое можно лишь с разрешения Высших Сил.

Я смотрел на сидящих передо мной людей, наблюдая за игрой золотого сияния над их головами, за яркой синевой мудрости в их аурах, за переливами света от их Серебряных Нитей. Сверкающий живыми красками образ мудрых и чистых людей, суровых аскетов, отрешенных от мира, хладнокровных и уверенных в себе.

— Им-то хорошо, — пробормотал я. — Им не приходится испытывать на себе беспощадную сумятицу жизни на Западе.

С другого берега грязной реки Детройт волнами накатывал рев уличного движения. Под моими окнами в рейс по Великим озерам прошел утренний пароход, кроша и ломая речной лед. Западная жизнь? Грохот. Лязг. Оружие радиоприемники с их назойливыми воплями о сомнительных преимуществах одного торговца автомашинами перед другим. В Новом Доме царил покой, покой для работы, покой для размышлений, где нет нужды загадывать, как здесь, кому следующему всадят нож в спину ради нескольких долларов.

— Брат мой, — сказал Старец, — *Мы* живем в «беспощадной сумятице» оккупированной страны, где сопротивление угнетателям означает смерть после долгих пыток. Нашу пищу приходится доставлять пешком более чем за сотню миль по предательским горным тропам, где один неверный шаг или шаткий камень могут отправить человека кувырком в лапы смерти на дне тысячефутовой пропасти. *Мы* живем на одной чашке тсампы в день. Пьем мы воду из горных ручьев. Чай для нас — это излишняя роскошь, без которой мы научились обходиться, ибо удовольствие ценою смертельного риска для других людей есть настоящее зло. Вглядишься пристальнее в свой кристалл, Брат мой, и мы попытаемся показать тебе сегодняшнюю Лхасу.

Я поднялся со своего сиденья у окна и убедился, что все три двери в мою комнату надежно заперты. Не было, однако, никакой возможности заглушить неумолчный рев уличного транспорта и отдаленный пульсирующий гул Детройта здесь, на канадском берегу. Между мною и рекой ближе ко мне пролегла автомагистраль и шестирядная железная дорога. Шум? Да ему никогда не было конца! Бросив последний взгляд на стремительный современный пейзаж, я закрыл жалюзи и снова сел спиной к окну.

Кристалл передо мной пульсировал голубым свечением, которое за клубилось и стало меняться у меня на глазах. Когда я взял его в руки и ненадолго приложил к голове, чтобы восстановить «связь», пальцы ощутили тепло, верный знак того, что из внешнего источника на него направлена мощная энергия.

На меня ласково взглянул Старый Настоятель, и по лицу его пробежала мимолетная улыбка, а потом все словно взорвалось. Изображение разбилось в мозаику из мириада разрозненных цветковых пятен и завихрений. Внезапно передо мной словно распахнули дверь, дверь в небо, и я очутился на ее пороге. Исчезло всякое ощущение того, что я «смотрю в кристалл». Я был *там!*

Внизу мягко светилась в лучах заходящего солнца моя родина, моя Лхаса. Она уютно устроилась под защитой могучих горных хребтов, по зеленой долине стремительно неслась Счастливая Река. Новой болью отозвалась во мне тоска по родине. Вся ненависть к западному образу жизни с ее тяготами и лишениями вскипела во мне так, что сердце, казалось, вот-вот разорвется. Радости и печали суровой школы, которую я там прошел, сам образ моей родной земли пробудил во мне сильнейшее отвращение к жестокосердному бесчувствию жителей Запада.

Однако я оказался там не ради собственного удовольствия! Казалось, я медленно опускался с небес, словно снижаясь на воздушном шаре. В нескольких тысячах футов над землей я потрясенно вскрикнул. *Аэродром!* На окраинах Лхасы были *аэродромы!* Многие выглядело незнакомым, и, оглядевшись, я увидел, что через горные хребты проложены две новые дороги, уходящие куда-то в сторону Индии. По ним сновал транспорт, колесный транспорт. Под контролем тех, кто доставил меня сюда, я спустился ниже. Еще ниже, и я увидел котлованы, в которых рабы закладывали фундаменты под присмотром вооруженных китайцев. О ужас! По всем уголкам великолепного храма Потала расползлись мерзкие трущобы с сетью грунтовых дорог. Между домами беспорядочно тянулись провода, придавая местности неопрятный, неухоженный вид. Я поднял взгляд на Поталу и — клянусь Священным Зубом Будды! — Дворец был осквернен китайскими коммунистическими лозунгами! И зарыдав в горьком смятении, я отвернулся.

По дороге пронесся грузовик, промчался сквозь меня — ибо я находился в астральном теле, призрачном и нематериальном, — и, проехав несколько ярдов, рывком остановился. Из большого кузова гурьбой посыпались оружие китайские солдаты в мешковатой форме, таща за собой пятерых монахов. На каждом углу взревели громкоговорители, и под грубый лай команд площадь, на которой я стоял, быстро заполнилась людьми. Быстро, потому что китайские надсмотрщики штыками и кнутах подгоняли отстающих. Толпа тибетцев и китайских колонистов поневоле выглядела подавленной и истощенной. Они нервно переминались с ноги на ногу, поднимая облака пыли, уносимые прочь вечерним ветром.

Пятерых монахов, исхудавших и окровавленных, грубо швырнули на колени. Один из них, у которого выбитый глаз висел на щеке, был хорошо мне знаком, он был мальчиком-послушником, когда я уже был ламой. Помрачневшая толпа смолкла и замерла, когда от здания с вывеской «Управление Тибетской Администрации» подкатил джип русского производства. Объехав толпу, джип остановился футах в двадцати позади грузовика, и воцарилась напряженная тишина.

Охранники вытянулись по стойке смирно, и из машины надменно вышел диктаторского вида китаец. Ему навстречу заспешил солдат, разматывая на ходу длинный провод. Дойдя до начальника, солдат отдал честь и протянул ему микрофон. Губернатор, или Администратор, или как он себя еще величал, окинул презрительным взглядом толпу, прежде чем заговорить в микрофон.

— Вас здесь собрали, — сказал он, — чтобы вы стали свидетелями казни этих пятерых монахов, реакционеров, провонивших подрывную деятельность. Никто не должен стоять на пути великого китайского народа во главе с его мудрым руководителем товарищем Мао.

— Он отвернулся, и громкоговорители на крыше грузовика, щелкнув, умолкли. Губернатор дал знак солдату с длинным изогнутым мечом. Тот подошел к первому коленопреклоненному пленнику и немного постоял, широко расставив ноги и пробуя пальцем лезвие меча. Убедившись, что все в порядке, он встал в стойку и слегка коснулся мечом склоненной шеи жертвы. Затем поднял меч высоко над головой, поймав лезвием отблеск заходящего солнца, и с размаху опустил его вниз. Раздался какой-то хлюпающий звук, за которым сразу же последовал сухой треск, и голова человека скатилась с плеч, а из тела хлынул алый фонтан крови, толчками хлеставший до тех пор, пока не превратился в тонкую струйку. На пыльной земле лежало скрюченное обезглавленное тело. Губернатор плюнул на него и крикнул:

— Так подохнут все враги коммуны!

Монах с висящим на щеке глазом гордо поднял голову и громким голосом воскликнул:

— Да здравствует Тибет! Клянусь славой Будды, он еще восстанет из пепла!

Один из солдат уже готов был проткнуть его штыком, но Губернатор поспешно его остановил. С лицом, искаженным от ярости, он взвизгнул:

— Ты оскорбил великий китайский народ? За это ты умрешь медленно!

Он повернулся к солдатам, выкрикивая команды. Началась всеобщая суэта. Двое побежали в соседнее здание и так же бегом вернулись с тросами. Другие рассекли веревки, связывавшие монаха, рая попутно его руки и ноги. Губернатор метался из угла в угол, требуя, чтобы согнали побольше тибетцев посмотреть на сцену казни. Громкоговорители ревели, не умолкая, а грузовики, полные солдат, пригнали мужчин, женщин и детей, чтобы те «видели справедливость китайских товарищей». Один из солдат ударил монаха по лицу прикладом, раздавив висящий глаз и разбив ему нос. Не зная пока, куда себя деть, Губернатор покосился на все еще стоящих на коленях в грязи остальных трех монахов.

— Пристрелите их, — сказал он. — Стреляйте им в затылок, и пусть их тела валяются здесь.

Один из солдат шагнул вперед и достал револьвер. Приставив его к уху монаха, он нажал курок. Человек замертво свалился ничком, мозг его брызгами разлетелся по земле. Без малейшего волнения солдат подошел ко второму монаху и быстро расправился и с ним. Когда он направился к третьему, к нему обратился молодой солдат:

— Позволь мне, товарищ, а то я еще ни разу не убивал.

Кивнув в знак согласия, палач отошел в сторону, позволив дрожащему от нетерпения молодому солдату занять его место. Взведя курок, тот направил револьвер на третьего монаха, *зажмурился* и выстрелил. Пуля прошла сквозь обе щеки жертвы, и попала в ногу одного из смотревших на все это тибетцев.

— Давай еще раз, — сказал первый палач, — и держи глаза открытыми.

Теперь рука у него так дрожала от страха и стыда, что он и вовсе промахнулся, увидев, как осуждающе смотрит на него Губернатор.

— Приставь дуло к его уху, тогда стреляй, — сказал Губернатор.

Молодой солдат еще раз подошел к обреченному монаху, грубо сунул дуло револьвера ему в ухо и нажал курок. Убитый монах упал ничком рядом со своими товарищами.

Толпа за это время выросла, и оглянувшись, я увидел, что знакомого монаха привязали к джипу за левую руку и ногу. Его правая рука и нога были привязаны к грузовику. Ухмыляющийся китайский солдат забрался в джип и запустил мотор. Медленно, так медленно, как только мог, он включил передачу и тронулся с места. Рука монаха сильно вытянулась, напрягшись, как железный прут, потом раздался хруст, и она оторвалась от плеча. Джип двигался дальше. С громким треском сломалась кость и правая нога оторвалась от тела. Джип остановился, в него сел Губернатор, и машина поехала, волоча за собой по каменистой дороге истекающее кровью тело полумертвого монаха. Солдаты забрались в грузовик и тоже уехали прочь, таща окровавленную руку и ногу.

Отвернувшись в приступе дурноты, я услышал где-то за домом женский вскрик и следом грубый хохот. Потом китайское ругательство, когда женщина, по-видимому, укусила насильника, и захлебнувшийся вопль после ответного удара ножом.

А надо мной была глубокая синева ночного неба, щедро усеянная крохотными светящимися точками, где были иные миры. Многие из них, как я знал, населены. Сколько же еще на свете миров, думал я, таких же варварских, как Земля? Меня окружали трупы. Не погребенные трупы. Трупы, сохраняющиеся в морозном воздухе Тибета, пока их не сожрут стервятники или еще какие-нибудь дикие звери. Не осталось собак, которые могли бы в этом помочь, потому что китайцы перебили их себе в пищу. И кошки не охраняли более храмов Лхасы, потому что всех их тоже перебили. Смерть? Жизнь тибетца имела для коммунистических интервентов не большую ценность, чем сорванная травинка.

Передо мной возникли неясные очертания храма Потала. Теперь, в слабом свете звезд, грубые лозунги китайцев растворились в темноте и стали не видны. Прожектор, установленный над Священными Гробницами, злобным взглядом окинул долину Лхасы. Монастырь Чакпори, моя Школа Медицины, выглядел пустынным и заброшенным. С его башни донеслись обрывки непотребной китайской песни.

Некоторое время я пребывал в глубоком созерцании. Неожиданно Голос произнес:

— Брат мой, теперь ты должен удалиться, ибо ты долго отсутствовал. Поднимаясь, оглянись хорошенько вокруг.

Я начал медленно подниматься, раскачиваясь, словно пушинка на своевольном ветру. Взошла луна, заливая долину и горные вершины прозрачным серебристым светом. Я с ужасом увидел древние монастыри, разбомбленные и обезлюдившие, где повсюду были разбросаны никому больше не нужные убогие пожитки. Сваленные в беспорядочные кучи не погребенные

группы хранил от разложения вечный холод. Одни сжимали в руках молитвенные колеса, с других была содрана одежда, а тела изорваны в кровавые клочья взрывом бомбы или осколками металла. Я увидел уцелевшее Священное Изваяние, чей взгляд, казалось, был полон сострадания к впавшему в кровопролитное безумие человечеству.

На скалистых утесах, где отшельничьи пещеры прижимались в нежных объятиях к горным склонам, я видел одно убежище за другим, разоренные завоевателями. Отшельники, годами пребывавшие во мраке уединения в стремлении к духовному совершенству, мгновенно ослепли, когда солнечный свет вторгся в их кельи. Почти у каждого разрушенного убежища лежал мертвый отшельник и рядом с ним его преданный друг и слуга.

Больше у меня не было сил смотреть. Резня? Бессмысленное убийство ни в чем не повинных, беззащитных монахов? Какая от этого польза? Я отвернулся и попросил тех, кто меня направлял, удалить меня с этого кладбища.

Задача моей жизни, как я это знал с самого начала, была связана с человеческой аурой, тем излучением, которое полностью окружает тело человека. Переливы ее цветов указывают Адепту (Посвященному), честен человек или нет. По цветам ауры можно определить характер недуга больного человека. Все, должно быть, замечали в туманный вечер сияние вокруг уличного фонаря. Кому-то, возможно, даже приходилось изредка видеть «коронные разряды» вокруг проводов высокого напряжения. Так вот, человеческая аура в какой-то мере на это похожа. Она показывает жизненную силу человека. В старину художники изображали сияние или нимб над головами святых. Почему? Потому что они видели ауру этих людей. С момента публикации моих первых двух книг, мне начали писать люди со всего света, и кое-кто из этих людей тоже видит ауру.

Многие годы назад некий доктор Килнер, проводивший исследования в Лондонском госпитале, обнаружил, что при определенных условиях может видеть ауру. Он написал об этом книгу. Медицинская наука не была готова к такому открытию, и все, что было им обнаружено, подверглось замалчиванию. Я тоже на свой лад провожу исследования и зримо представляю себе инструмент, который поможет *любому* медику или ученому видеть ауру другого человека и вылечить «неизлечимые» недуги с помощью ультразвуковых колебаний. Деньги, деньги, в этом все дело. Исследования всегда требовали больших расходов!

А теперь, размышляя я, они хотят, чтобы я взялся за *еще* одну задачу! За смену телесной оболочки!

У меня за окном раздался оглушительный треск, потрясший весь дом до основания. О, — подумал я, — железнодорожники опять переводят стрелки. Теперь тишины еще долго не будет. На реке, словно корова, потерявшая теленка, скорбно прогудел грузовой пароход, уходящий в рейс по Великим озерам, а издалека эхом донесся ответный гудок другого парохода.

— Брат мой!

— Голос пришел ко мне снова, и я поспешно сосредоточился на кристалле. Старцы по-прежнему сидели вокруг Престарелого Патриарха. Теперь они выглядели усталыми, точнее даже было бы назвать их состояние крайним измождением, ибо они отдали много энергии, чтобы сделать возможным это импровизированное путешествие.

— Брат мой, ты ясно видел, в каком состоянии находится наша страна. Ты видел тяжкую десницу угнетателей. Перед тобой поставлена четкая задача, даже *две* задачи, и к славе нашего Ордена ты можешь преуспеть в обеих.

Усталый старец казался озабоченным. Он знал, как знал это и я, что я без урона для собственной чести могу отказаться от этой задачи. В свое время я был весьма превратно понят из-за лживых рассказней некоей враждебно настроенной ко мне группы. Тем не менее я был очень сильным ясновидцем и телепатом. Астральные путешествия для меня были легче, чем

прогулки пешком. Писать? Ну да, люди могли читать написанное мною, и даже если не все могли в это поверить, то поверили бы те, кто в достаточной мере развит, и познали бы таким образом истину.

— Брат мой, — тихо произнес Старец, — даже если неразвитые, непросвещенные люди сочтут твои труды вымыслом, все равно достаточная доля Истины проникнет в их подсознание и — как знать? — малое зернышко истины, возможно, прорастет в их нынешней или будущей жизни. Как сказал сам Великий Будда в притче о Трех Колесницах, цель оправдывает средства.

Притча о Трех Колесницах! Какие живые воспоминания пробудила она во мне! Как хорошо я помню уроки моего любимого Наставника и друга Ламы Мингьяра Дондупа в монастыре Чакпори...

Старый монах-врач старался рассеять страхи тяжело больной женщины с помощью безобидной «белой лжи». Я, тогда еще молодой и неопытный, со школярской самоуверенностью выразил возмущенное удивление тем, что монах говорит неправду даже перед лицом смерти. Мой Наставник подошел ко мне со словами:

— Пойдем в мою комнату, Лобсанг. Нам полезно будет заглянуть лишний раз в Писание.

Он улыбнулся мне с теплой, доброжелательной аурой удовлетворенности, повернулся и повел меня в свою комнату высоко наверху, откуда видна была вся Потала.

— Чай и индийские закуски, да, нам надо подкрепиться, Лобсанг, ибо с едой ты сможешь переварить информацию.

Монах-слуга, встретивший нас у входа, вскоре появился без вызова с моими излюбленными лакомствами, которые я получал благодаря расположению моего Наставника.

Некоторое время мы сидели, ведя неспешную беседу, вернее, говорил я, не отрываясь от еды. Затем, когда я покончил с едой, уважаемый Лама сказал:

— У каждого правила есть свои исключения, Лобсанг, и всякая монета или жребий имеет две стороны. Будда много беседовал со своими друзьями и учениками, и многое из сказанного им было записано и сохранено. Есть одна история, которая очень подходит к нашему случаю. Я тебе ее расскажу.

Он устроился поудобнее, прокашлялся и продолжал:

— Это история о Трех Колесницах. Названа она так потому, что в те времена колесницы пользовались у мальчиков большой популярностью, так же как в наши дни популярны ходули и индийское печенье. Будда беседовал с одним своим учеником по имени Шарипутра. Сидя в тени огромного индийского дерева, они беседовали о правде и лжи и о том, как иногда достоинства первой перевешиваются благими целями последней.

И Будда сказал: *«А теперь, Шарипутра, рассмотрим случай с очень богатым человеком, настолько богатым, что он мог позволить себе удовлетворить любой каприз своей семьи. Это старик, живущий в большом доме и имеющий много сыновей. С самого их рождения он делал все, чтобы уберечь их от опасности. Им была неведома опасность, и они никогда не испытывали боли. Однажды этот человек покинул свой дом и поместье и отправился по делам в соседнюю деревню. Возвращаясь, он увидел в небе клубы дыма. Он прибавил шагу и, приблизившись, увидел свой дом в огне. Пыхали все четыре стены, горела крыша. А сыновья его все еще играли в доме, ибо не осознавали опасности. Они вполне могли бы выбраться наружу, но им была неведома боль, ибо их от всего оберегали; они не понимали, что огонь опасен, потому что прежде видели огонь только на кухне.»*

Человек этот сильно встревожился, не зная, как он один сможет проникнуть в дом и спасти всех сыновей. Даже войдя в дом, он, возможно, успеет вынести одного, но остальные подумают, что все это игра и не тронутся с места. Среди них были совсем еще малыши; бродя по дому, они могли зайти прямо в огонь, которого не были приучены бояться. Отец подошел к двери и позвал

их, говоря: — Мальчики, мальчики, выходите. Выходите сейчас же.

Но мальчики не желали повиноваться отцу, они хотели играть и предпочли сгрудиться в глубине дома, подальше от нарастающего жара, причины которого не понимали. Тогда отец подумал: «Я хорошо знаю моих сыновей, знаю до мелочей все различия их характеров, все тонкости их нрава; я знаю, что они выйдут лишь тогда, когда подумают, что здесь их ожидает какая-нибудь выгода или новая игрушка». И он снова подошел к двери и громко позвал: «Мальчики, мальчики, выходите, выходите сейчас же. У меня за дверью для вас припрятаны игрушки. Колесницы с воловьей упряжкой, с козьей упряжкой и одна колесница быстрая, как ветер, ибо в нее запряжен олень. Выходите скорее, иначе вы их не получите».

И мальчики, не страшась огня, не страшась полыхающих стен и крыши, а боясь только остаться без игрушек, гурьбой бросились наружу. Они примчались наперегонки, пыхтя и толкаясь, каждый стремился первым добраться до игрушек, чтобы выбрать себе лучшую. И как только последний выбежал из дома, горящая крыша рухнула в туче искр и обломков.

Но мальчики, не обратив никакого внимания на опасность, которой только что избежали, подняли громкий крик: «Отец, отец, где же игрушки, которые ты нам обещал? Где эти три колесницы! Мы так спешили, а их нет. Ты же обещал, отец».

И отец, богатый человек, для которого потеря дома не была слишком тяжким ударом, увидев своих сыновей в безопасности, поспешил купить им игрушки, те самые колесницы, зная, что его хитрость спасла жизнь сыновьям».

Будда обратился к Шарипутре и сказал: *Итак, Шарипутра, разве не была оправданной эта хитрость? Разве невинную уловку отца не оправдал конечный результат? Не знай он так хорошо своих сыновей, их поглотило бы пламя.*

И Шарипутра обратился к Будде и сказал:

— Да, о Учитель, цель вполне оправдала средства и принесла лишь добро».

Лама Мингьяр Дондуп улыбнулся и сказал:

— Ты три дня просидел у ворот Чакпори, ты думал, что тебе отказано в приеме, а мы тебя испытывали, и это средство в конечном счете себя оправдало, ибо ты делаешь успехи в науках.

Я тоже применяю «средство, которое в конечном счете оправдывает себя». Я пишу вот это, мою *правдивую* историю, — хотя и *Третий глаз*, и *Доктор из Лхасы* тоже абсолютно правдивы — с тем, чтобы в дальнейшем я мог продолжить свой труд по ауре. Такое множество людей задавало мне в письмах вопрос, *почему* я пишу, что я решил объяснить: я пишу *правду* для того, чтобы люди на Западе узнали, что Душа человека есть нечто большее, чем все эти спутники или падающие при запуске ракеты. Рано или поздно Человек отправится к другим планетам с помощью астральных путешествий, как это делал я! Но Человек Запада никогда не будет на это способен, пока думает лишь о собственной выгоде, собственной карьере, не обращая внимания на права других людей. Я пишу *правду* с тем, чтобы впоследствии иметь возможность выдвинуть идею человеческой ауры. Вы только подумайте (а это непременно сбудется): входит пациент в кабинет врача. Не считая необходимым вдаваться в расспросы, доктор достает специальный фотоаппарат и делает снимок ауры пациента. Спустя минуту заурядный практикующий врач, отнюдь не ясновидец, держит в руках цветную фотографию ауры больного. Он изучает расположение полос, оттенки цветов подобно тому, как психиатр изучает запись колебаний головного мозга душевнобольного человека.

Сравнив цветной снимок с эталонными таблицами здорового человека, врач прописывает курсы лечения ультразвуком и в цветовом спектре, которые должны исправить отклонения в ауре больного. Рак? Он будет излечен. Туберкулез? И на него найдется управа. Смешно? Но ведь еще совсем недавно смешно было подумать о передаче радиоволн через Атлантику. «Смешно» было представить себе полет со скоростью более сотни миль в час. Утверждалось, что

человеческое тело не выдержит такого напряжения. «Смешно» было думать о полетах в космос. А обезьяны уже летали. Так и эта моя «смешная идея. *Я видел ее в действии!*

Снаружи в мою комнату прорвался шум, возвращая меня к настоящему. Шум? Грохочущие на стрелках поезда, рев пронесшейся мимо пожарной машины и громкая болтовня людей, стекающихся к ярким огням местного увеселительного заведения. «Позже, — сказал я себе, — когда стихнет весь этот жуткий грохот, я воспользуюсь кристаллом и скажу Им, что сделаю, как Они просят».

Растущее внутри меня «ощущение тепла» подсказывает, что «Они» уже знают и рады этому. Итак, вот она, правда, как мне и было указано, «История Рампы».

Глава 2

Мой путь

На рубеже XX столетия Тибет оказался зажатым в тисках многочисленных проблем. Британия на весь свет голосила, что у Тибета слишком дружественные отношения с Россией в ущерб интересам британского империализма. В просторных залах своего московского дворца царь всея Руси закатывался в визгливых жалобах на то, что Тибет все больше сближается с Британией. В императорском дворе Китая раздавались яростные обвинения в адрес Тибета за его чрезмерное сближение с Британией и Россией и, само собой, недостаточно дружественное отношение к Китаю.

По Лхасе толпами бродили шпионы разных стран, неумело переодетые нищенствующими монахами, паломниками, миссионерами, словом, кем угодно, лишь бы это служило достаточным оправданием для пребывания в Тибете. Вся эта разномастная публика сходилась под сомнительным покровом темноты, чтобы окольными путями выведать, какую выгоду может им принести напряженная международная обстановка. Великий Тринадцатый, Тринадцатая Инкарнация Далай-Ламы, и по праву великий государственный деятель проявлял самообладание, сохранял мир и порядок и уверенно вел Тибет к выходу из смуты. Вежливые послания глав крупнейших мировых держав с уверениями в вечной дружбе и искренними предложениями о «защите» то и дело доставлялись в Лхасу через хребты Священных Гималаев.

Вот в такой атмосфере тревоги и беспокойства я и появился на свет. Права была бабушка Рампа, говоря, что я родился для жизни, полной тревог, ибо всю жизнь я не знал покоя, причем едва ли по собственной вине! Ясновидцы и прорицатели не жалели похвал прирожденному дару «этого мальчика к ясновидению и телепатии. «Возвышенная личность», — говорил один. «Ему суждено оставить свое имя в истории», — говорил другой. «Великий Светоч нашего Дела», — говорил третий. И я, тогда совсем еще в нежном возрасте, громогласно и энергично протестовал по поводу такой глупости, как мое очередное появление на свет. Мои родственники, как только я начал понимать их речи, при каждом удобном случае напоминали, какой рев я тогда закатил; они радостно утверждали, что мои вопли были самыми пронзительными и неблагозвучными, какие им доводилось слышать.

Мой отец был одним из высших сановников Тибета. Будучи знатным аристократом, он оказывал значительное влияние на дела нашего государства. Мать тоже, по линии своей семьи, пользовалась большим авторитетом в делах политики. Сейчас, оглядываясь с расстояния в многие годы, я склонен думать, что мать почти всегда верно оценивала их значимость, и одно это делало ее личностью незаурядной.

Мое раннее детство прошло в нашем доме прямо напротив храма Потала, на другом берегу реки Калинг Чу, или Счастливой Реки. «Счастливой» потому, что она давала жизнь Лхасе, принимая в себя множество смешливых ручейков и затейливыми извилинами пробегая через весь город. Наш дом хорошо снабжался дровами, имел порядочный штат прислуги, и мои родители жили с поистине княжеской роскошью. Ну, а моим уделом была суровая дисциплина и жизнь, полная лишений. Отец очень тяжело пережил китайское вторжение в первом десятилетии нашего века, и, по-видимому, именно с тех пор в нем зародилась необъяснимая неприязнь ко мне. Мать, подобно многим светским дамам во всем мире, не имела времени для детей, считая их чем-то таким, что следовало как можно быстрее сбросить с рук, поручив заботам какого-нибудь наемного воспитателя.

Мой брат Пальджор пробыл с нами недолго; не дожив до семи лет, он покинул нас и

отправился в «Небесные Поля» и *Покой*. Мне тогда было четыре года, и с той поры отцовская неприязнь ко мне, казалось, начала расти с каждым днем. Моей сестре Ясодхаре было шесть лет, когда умер мой брат, и оба мы оплакивали не столько его потерю, сколько ужесточение дисциплины, начавшееся после его ухода.

Вся моя семья погибла от рук китайских коммунистов. Мою сестру убили за то, что она противилась грубым приставаниям оккупантов. Родителей — за то, что они были землевладельцами. Дом, из окон которого я во все глаза любовался великолепными парками, превратили в казарму для подневольных рабочих. В одном крыле дома были помещены женщины, в другом — мужчины. Все это супружеские пары, и если муж и жена хорошо себя ведут и выполняют норму, раз в неделю им разрешают увидеться на полчаса, после чего их подвергают медицинскому осмотру.

Однако в далекие дни моего детства все это было еще в будущем, было чем-то таким, о чем было известно, что оно произойдет, но что, подобно смерти в конце жизненного пути, не слишком мешало жить. Астрологи, правда, предсказывали все эти события, но мы жили повседневными заботами, счастливо не задумываясь о будущем.

Как раз накануне моего семилетия, того самого возраста, в котором мой брат покинул жизнь, был устроен грандиозный церемониальный прием, на котором Государственные Астрологи, изучив свои таблицы, определили, каким должно быть мое будущее. На прием явились все сколько-нибудь значительные персоны в государстве. Многие пришли без приглашения, подкупив слуг, чтобы те их впустили. Скопление народу было таким, что в нашей просторной усадьбе яблоку негде было упасть.

Священники, как это у них заведено, что-то долго и путано бормотали и, прежде чем объявить основные пункты моей грядущей карьеры, устроили целое представление. Справедливости ради должен заявить, что в предсказании ожидавших меня несчастий они оказались *абсолютно* правы. Затем они сказали моим родителям, что я должен вступить в монастырь Чакпори и получить там образование монаха-врача.

Я впал в глубокую печаль, потому что полагал, что ни к чему хорошему это не приведет. Никто меня, однако, не слушал, и вскоре, проходя первое испытание, я три дня и три ночи просидел у ворот монастыря, чтобы стало ясно, достаточно ли у меня выдержки, чтобы стать монахом-врачом. Это испытание я выдержал скорее из-за страха перед отцом, чем благодаря физической выносливости. Поступление в Чакпори было еще самой легкой ступенью. Наши дни были долгими, да и в самом деле непросто было начинать день в полночь, когда от нас требовалось денно и нощно лишь с небольшими перерывами присутствовать на богослужениях. Нас обучали и обычным академическим предметам, и религиозным обязанностям, вводили в мир метафизики и медицинской премудрости, ибо мы должны были стать монахами-врачами. Наши восточные методы были таковы, что медицинская мысль Запада по сей день не может их понять. Тем не менее западные фармацевтические фирмы прилагают значительные усилия, чтобы синтезировать сильнодействующие вещества, которые содержатся в применяемых нами травах. В случае успеха древнее восточное лекарство, теперь уже искусственно созданное в лаборатории, получает звучное название и превозносится как выдающееся достижение Запада. Но таков уж прогресс.

В восьмилетнем возрасте я подвергся операции, открывшей у меня «Третий Глаз», особый орган ясновидения, который у большинства людей пребывает в спячке, ибо они отрицают само его существование. С помощью этого прозревшего «глаза» я смог видеть человеческие ауры и разгадывать истинные намерения окружающих меня людей. Мне было — и остается по-прежнему — очень забавно слушать пустые слова тех, кто ради собственной выгоды распинался в заверениях дружбы, вынашивая в сердце черные замыслы убийства. Аура может рассказать все

и о состоянии здоровья человека. Определив, чего *недостает* в этой ауре, и восполнив эту нехватку с помощью особого излучения, можно добиться полного излечения больного.

Поскольку я обладал необычайно сильным даром ясновидения, меня очень часто призывал Наимудрейший, Великая Тринадцатая Инкарнация Далай-Ламы, чтобы приглядеться к аурам тех, кто наносил Ему «дружественные» визиты. Мой любимый Наставник, Лама Мингьяр Дондуп, сам весьма одаренный ясновидец, дал мне хорошую школу. Он преподавал мне также важнейшие секреты астральных путешествий, ставших теперь для меня не труднее пешей прогулки. Почти каждый человек, независимо от того, как именуется его религия, верит в существование души или «инога тела». В действительности существует несколько «тел», или «оболочек», но точное их количество не должно нас сейчас занимать. Мы верим — скорее *знаем!* — что можно покинуть свое обычное физическое тело (то, на котором держится одежда!) и совершать в астральной форме путешествия повсюду, даже вне пределов Земли.

Каждый из нас совершает астральные путешествия, даже те, кто считает все это «сплошной чепухой»! Они столь же естественны, как дыхание. В большинстве своем люди совершают их во время сна и потому ничего о них не знают, пока не будут к этому подготовлены. Сколь многие восклицают по утрам: «О, какой чудесный сон приснился мне сегодня ночью! Мне снилось, что я был с такой-то. Мы были очень счастливы вместе, и она сказала, что пишет письмо. Теперь, конечно, все это уже так смутно!» А потом, как правило, несколько дней спустя это письмо *действительно* приходит. Объяснение заключается в том, что один человек совершил астральное путешествие к другому, но поскольку оба не были к этому готовы, оно превратилось в сон. Путешествовать в астрале может почти любой. Сколько было и есть достоверных случаев, когда умершие люди приходили во сне к тем, кого любили, чтобы сказать последнее «прости». И это тоже астральное путешествие. Умиравший человек, чья связь с миром ослабевает, уходя, с легкостью посещает своих друзей.

Человек подготовленный может лечь, расслабиться и затем сбросить оковы, удерживающие его «я», или тело-компаньон, или душу, — называйте как хотите, все равно это одно и то же. Затем, когда единственной связью остается «Серебряная Нить», второе тело уплывает, словно воздушный шар на ниточке. Теперь вы можете отправиться куда вам взбрдет в голову, полностью сохраняя сознание и здравый рассудок, — если обладаете должной подготовкой. Состояние сна — это такое, в котором астрал человека путешествует, не ведая об этом, и приносит с собой смутные бессвязные впечатления. Если должная подготовка отсутствует, то по этой «Серебряной Нити» принимается великое множество впечатлений, которые все больше и больше запутывают «сновидца». В астрале вы можете отправиться *куда угодно*, даже за пределы Земли, ибо астральному телу не нужны ни воздух, ни пища. Все необходимое оно получает по «Серебряной Нити», которая в течение всей жизни постоянно связывает его с физическим телом.

«Серебряная Нить» упоминается в Библии христиан: «Пока не порвется Серебряная Нить, пока не разобьется Золотой Сосуд». «Золотой Сосуд» — это гало или нимб вокруг головы духовно развитой личности. У тех же, кто *не* развит духовно, гало совершенно иного цвета! Художники древних времен изображали золотое гало над головами святых, ибо на самом деле *видели* его, иначе они просто не стали бы его изображать.

Гало — это всего лишь малая часть человеческой ауры, но увидеть его легче, ибо обычно оно гораздо ярче.

Если бы ученые занялись исследованиями астральных путешествий и ауры вместо того, чтобы возиться с ракетами, вечно падающими, не успев выйти на орбиту, они получили бы в руки ключ к космическим путешествиям. Совершив астральный бросок, они посетили бы какой-нибудь иной мир и определили, какой тип корабля понадобится для физического полета; ибо у

астрального путешествия есть один недостаток — ни одного материального предмета нельзя ни взять с собой, ни принести обратно. Принести можно лишь знание. Поэтому ученым понадобится корабль, чтобы доставить образцы и фотоснимки и убедить тем самым недоверчивый мир. Ибо люди не в состоянии поверить в существование какой-либо вещи, пока не разорвут ее на кусочки, чтобы доказать, что нечто такое действительно *могло бы* существовать.

Особенно вспоминается одно предпринятое мною путешествие в космос. Все это истинная правда, и те, кто достаточно развит, воспримут ее как таковую. Что касается всех остальных, то они постигнут это, когда взойдут на более высокую ступень духовной зрелости.

Все это мне довелось пережить давным-давно, когда я еще в Тибете проходил обучение в монастыре Чакпори. Хотя с тех пор прошло много лет, воспоминания так свежи, словно это было вчера.

Мой Наставник, Лама Мингьяр Дондуп, мой соученик, а фактически близкий друг, лама Джигме, и я находились на крыше Чакпори на вершине Железной горы в Лхасе. Стояла по-настоящему морозная ночь — градусов сорок ниже нуля. Воющий ветер, свободно гулявший над плоской крышей, облеплял одеждой наши продрогшие тела. С подветренной стороны наше платье трепетало на ветру, словно молитвенные флажки, выстуживая нас до самых костей и грозя стащить вниз по обрывистому горному склону.

Низко кланяясь ветру, чтобы устоять на ногах, и окидывая взглядом окрестности, мы видели вдалеке тусклые огоньки Лхасы. Справа от нас огни монастыря Потала придавали всей картине некий мистический оттенок. Казалось, во всех окнах светились масляные лампы, их огни, несмотря на защиту мощных стен, покорно металась и плясала под порывами ветра. В слабом свете звезд золотые крыши Поталы сверкали и поблескивали так, словно сама Луна спустилась с небес и затеяла свою игру среди шпилей и гробниц над этой величественной громадой.

А мы дрожали от лютой стужи, дрожали и мечтали очутиться в тепле наполненного ароматами воздуха храма под нашими ногами. На крыше мы находились с особой целью, как это загадочно сформулировал Лама Мингьяр Дондуп. Сейчас он твердо, как скала, стоял между нами обоими и указывал вверх, на бесконечно далекую звезду — мир в красном свете — и говорил:

— Братья мои, это звезда Зоро, древняя-древняя планета, одна из старейших в этой системе. Теперь ее долгий жизненный путь близится к концу.

Он повернулся к нам, встав спиной к пронизывающему ветру, и сказал:

— Вы много занимались наукой астральных путешествий. Теперь же мы все вместе отправимся в астрале на эту планету. Мы оставим тела здесь, на открытой всем ветрам крыше, и вознесемся за пределы атмосферы и даже за пределы Времени.

С этими словами он повел нас к тому месту на крыше, где выступающие купола давали хоть какую-то защиту от ветра. Там он лег и велел нам лечь рядом. Мы поплотнее закутались в мантии и взяли за руки. Над нами возвышался темный пурпур Небесного свода, усеянный слабыми разноцветными искорками, ибо у каждой звезды свой цвет, если глядеть на них сквозь прозрачный воздух ночного Тибета. Ветер с воем кружил над нами, но наше воспитание всегда отличалось суровостью, и пребывание на крыше было для нас сущим пустяком. Мы знали, что это будет не обычное путешествие в астрал, ибо не так уж часто мы оставляли тела под открытым небом в такую суровую погоду. Когда тело испытывает неудобство, его «я» путешествует быстрее, дальше и лучше запоминает все детали. Лишь на время коротких межзвездных путешествий человек расслабляется и оставляет тело в удобном положении.

Мой Наставник сказал:

— Теперь крепко возьмемся за руки и отправимся все вместе за пределы Земли. Не

отставайте от меня, и этой ночью мы улетим далеко и испытаем много необычайного.

Мы легли навзничь и стали дышать по общепринятой системе для выхода в астрал. Я слышал вой ветра в шнурах молитвенных флажков, бешено трепыхавшихся над нами. Затем внезапный рывок — и я перестал ощущать ледяные пальцы ветра. Я почувствовал, что парю как бы в ином времени над собственным телом, а вокруг меня царит полное спокойствие. Лама Мингьяр Дондуп уже стоял во весь рост в своей астральной форме, а взглянув вниз, я увидел, как мой друг Джигме тоже покидает свое тело. Мы с ним встали и образовали звено, связующее нас с нашим Наставником Ламой Мингьяром Дондупом. Такое звено, именуемое эктоплазмой, образуется мыслью из астрального тела. Это тот самый материал, из которого медиумы создают духовные проявления.

Сформировав эту связь, мы взмыли вверх, в ночное небо, я со своим извечным любопытством взглянул вниз. Под нами светились тонкие струйки наших Серебряных Нитей, тех самых бесконечных нитей, которые соединяют физическое и астральное тело человека в течение всей жизни. Мы взлетали все выше и выше. Земля отступила куда-то вниз. Мы видели солнечную корону над дальним ее краем, где находится Западный мир, тот самый Западный мир, куда мы так много и часто путешествовали в астрале. Еще выше — и мы увидели очертания океанов и континентов на освещенном Солнцем полушарии Земли. С нашей высоты она стала похожа на полумесяц со вспышками северного сияния над полюсами.

Мы неслись все дальше и все быстрее, пока не превзошли скорость света, ибо мы были бестелесными духами, вечно устремленными вперед, почти приближаясь к скорости мысли. Взглянув прямо перед собой, я увидел планету, огромную, грозную, красную. Мы стали падать к ней с невообразимой скоростью. Хотя у меня уже был довольно большой опыт астральных путешествий, я почувствовал острые коготки тревоги. Лама Мингьяр Дондуп в астральной форме телепатически усмехнулся и сказал:

— О Лобсанг, если бы даже мы врезались в эту планету, ни нам, ни им это не принесло бы никакого вреда. Мы просто беспрепятственно пролетели бы ее насквозь.

Наконец мы зависли над красным пустынным миром; красные скалы, красный песок в красном море без волн. Спустившись ближе к поверхности, мы увидели странных, похожих на крабов существ, сонно ползающих у кромки воды. Мы опустились на этот красный скалистый берег и посмотрели на воду, мертвенно-неподвижную с плавающей на поверхности красной вонючей пеной. У нас на глазах мутная вода раз-другой как бы неохотно подернулась рябью, и на поверхности показалось странное неземное существо, тоже красное, покрытое тяжелым панцирем, с внушительными суставчатыми конечностями. Оно издало стон как бы усталости и отчаяния и, выбравшись на красный песок, рухнуло у самого края застывшей в неподвижности воды. Над нашими головами мрачным огнем полыхало красное солнце, отбрасывая жуткие кроваво-красные тени, резкие и кричащие. Кругом не видно было ни движения, ни малейшего признака жизни, за исключением этих странных, покрытых панцирями существ, замертвовавшихся на земле. При виде этого меня даже в астральном теле пробрала дрожь. Красное море с клочьями красной пены, красные скалы, красный песок, существа с красными панцирями, а над всем этим красное солнце, словно угасающие угли костра, костра, который вот-вот рассыплется в ничто.

Лама Мингьяр Дондуп сказал:

— Это умирающий мир. Здесь нет больше круговращения. Этот мир дрейфует в космическом море, словно покинутый командой корабль. Это спутник умирающего солнца, которое вскоре погаснет и превратится в звезду — карлик без жизни, без света. Когда-нибудь она, возможно, столкнется с другой звездой, дав таким образом жизнь другому миру. Я привел вас сюда, ибо в этом мире есть все же жизнь высшего порядка, имеющая своей целью изучение и

исследование явлений подобного рода. Оглянитесь вокруг.

Он обернулся, указал правой рукой вдаль, и мы увидели три огромные башни, уходящие высоко в красное небо. На вершинах этих башен горели и пульсировали ярким желтым светом, словно живые, три блестящих хрустальных шара.

Пока мы стояли в раздумьях, свечение одного из шаров изменилось, став ярко-синим. Лама Мингьяр Дондуп сказал:

— Идемте, они приветствуют нас. Спустимся в толщу земли, где они живут в подземных помещениях.

Все вместе мы переместились к основанию башни и, оказавшись под ее конструкцией, увидели вход, закрытый мощной плитой из неведомого металла, который своим блеском, как щрам, выделялся на красной бесплодной земле. Мы проникли сквозь него, ибо ни металл, ни камень, ни что-либо иное не является преградой для тех, кто пребывает в астрале. Мы неслись вдоль одних и пересекали другие длинные красные коридоры из мертвого камня, пока наконец не оказались в просторном зале, в окружении карт, таблиц, неведомых машин и приборов. В центре зала находился длинный стол, за которым сидели девять мужчин весьма преклонного возраста, но сильно отличавшихся друг от друга внешне. Один был высок и худ с остроконечной головой в форме конуса. Другой — низкорослый коренастый крепыш. Каждый чем-то отличался от остальных. Нам стало ясно, что все они были родом с разных планет и принадлежали к разным расам. К человеческим ли? Скорее их можно было бы назвать гуманоидами. Все они были человеческими существами, но у одних человеческих черт было больше, у других — меньше.

Мы почувствовали, что все девять неотрывно смотрят в нашу сторону.

— А, — телепатически сказал один, — к нам гости издалека. Мы видели, как вы приземлялись здесь, у нашей исследовательской станции. Добро пожаловать.

— Досточтимые Отцы, — сказал лама Мингьяр Дондуп. — Я привел к вам двух прилежных учеников, только что вступивших на стезю ламаистского священничества и стремящихся к знаниям.

— Тем более мы рады их видеть, — сказал высокий человек, по-видимому, главный среди них. — Мы окажем вам всяческую помощь, как помогали и прежде.

Для меня это была настоящая новость, поскольку я и не подозревал, что мой Наставник совершает такие дальние астральные путешествия в космических просторах.

Коротышка смотрел на меня и улыбался. Потом сказал на универсальном телепатическом языке:

— Я вижу, юноша, что тебя чрезвычайно заинтриговало несходство нашего внешнего облика.

— Досточтимый Отец, — ответил я, несколько ошеломленный той легкостью, с какой он проник в мои мысли, в мысли, которые я так старался скрыть. — Так и есть. Меня изумляют различия в вашем внешнем облике, и мне пришло в голову, что вы все не можете быть людьми с Земли.

— Твоя догадка верна, — сказал коротышка. — Все мы относимся к роду человеческому, но из-за внешних условий мы изменили свой облик и в какой-то мере рост. Но разве не замечаешь ты того же самого на своей планете, где на земле Тибета для охранной службы отбираются монахи семи футов ростом. А в другой стране того же мира живут люди вдвое ниже, и вы называете их пигмеями. И те, и другие люди; и те, и другие способны давать потомство друг с другом, несмотря на разницу в росте, ибо все мы люди со структурой, основанной на молекулах углерода. Здесь, в данной Вселенной, все зависит от базовых молекул углерода и водорода, поскольку из этих кирпичиков состоит вся структура вашей Вселенной. Мы же, путешествуя по

иным Вселенным далеко за пределами этого ответвления нашей туманности, знаем, что иные Вселенные построены из иных кирпичиков. В одних это кремний, в других — кальций, в третьих — еще что-то, но населяющие их существа совсем не похожи на людей из этой Вселенной, и, к нашему глубокому сожалению, между нашими и их мыслями не всегда можно найти сходство.

Лама Мингьяр Дондуп сказал:

— Я привел сюда этих двух молодых лам с тем, чтобы они увидели стадии упадка и гибели планеты, истощившей свою атмосферу, где атмосферный кислород, вступив в реакцию с металлами, сжег их и превратил все в мельчайшую пыль.

— Так и есть, — сказал высокий человек. — Мы хотели бы особо указать этим юношам, что все, что рождается, должно умереть. Всякое существо живет отведенный ему срок, и этот отведенный срок исчисляется в единицах жизни. Единица жизни всякого живого существа — это один удар его сердца. Жизнь планеты составляет 2700 000 000 сердечных сокращений, после чего планета умирает, но из смерти одной планеты зарождаются другие. Срок человеческой жизни тоже равен 2700 000 000 сердечным сокращениям, впрочем, как и любого насекомого. У насекомого, живущего всего одни сутки, происходит за это время 2700 000 000 сердечных сокращений. У планеты — разумеется, с известными отклонениями — одно сердечное сокращение может происходить один раз в 27000 лет, после чего весь мир сотрясается в конвульсиях, пока планета не станет готовой к следующему удару сердца. Стало быть, всякая жизнь, — продолжал он, — имеет один и тот же срок, но разные существа живут с разной скоростью. Земным существам — слону, черепахе, муравью и собаке — всем им отмерено одинаковое число сердечных сокращений, но сердца у них бьются с разной скоростью, потому и кажется, что одни живут больше, другие меньше.

Для нас с Джигме все это было захватывающе интересно, поскольку объясняло многое из того, о чем мы догадывались у себя на родине, в Тибете. В Потале нам доводилось слышать о черепахе, живущей многие годы, и о насекомых, чья жизнь измеряется одним летним вечером. Теперь нам стало ясно, что их чувства так же ускоряются, чтобы не отставать от стремительно бьющихся сердец.

Коротышка, казалось смотревший на нас с явным одобрением, сказал:

— Да, и не только это. Многие животные представляют собой различные функции тела. Корова, к примеру, как всякому ясно, является просто ходячей молочной железой, жираф — это шея, собака — ну, всем известно, что у собаки всегда на уме — приняться, какие новости принесет ветер, — зрение у нее слабовато, так что собаку можно считать носом. Другие животные точно так же соответствуют различным частям организма. Скажем, южноамериканский муравьед может рассматриваться как язык.

Какое-то время мы вели телепатическую беседу, узнавая много нового и необычного, усваивая все со скоростью мысли, как это и бывает в астрале. Наконец лама Мингьяр Дондуп встал и сказал, что нам пора их покинуть.

Возвращаясь, мы увидели блеск золотых крыш Поталы в морозном солнечном свете. Наши застывшие тела были тяжелы, полузамерзшие суставы сгибались с трудом.

Итак, думали мы, ковыляя на заледеневших ногах, закончилось еще одно путешествие, еще одно испытание. Что дальше?

В чем мы, тибетцы, достигли совершенства — так это в науке исцеления с помощью лекарственных трав. До самого последнего времени Тибет был закрыт для чужеземцев, и наша фауна и флора никогда не была ими исследована. А на высокогорных лугах растут удивительные растения. Например, кураре и «недавно открытый» мескалин были известны в Тибете еще многие столетия назад. Мы могли бы излечить многие недуги Западного мира, но сначала люди

Запада должны обрести чуть больше веры. Впрочем, все равно жители Запада в большинстве своем безумцы, так что беспокоиться не о чем.

Каждый год наши экспедиции, куда входили наиболее преуспевшие в науках, отправлялись на сбор целебных трав. Растения и пыльца, корни и семена — все это тщательно собиралось, сушилось и упаковывалось в мешки из ячьей кожи. Я любил эту работу и хорошо учился. А теперь оказывается, что растений, которые я хорошо знал там, здесь достать невозможно.

В конечном счете меня сочли достойным пройти Церемонию Малой Смерти, которую я описал в книге *Третий глаз*. Посредством особых ритуалов меня ввели в состояние каталептической смерти в глубоких подземельях Поталы, и я отправился в прошлое «Хроник Акаши». Тогда же я побывал и в различных уголках Земли. Но позвольте мне описать, что я тогда чувствовал.

Сырой, промозглый коридор в толще горы в нескольких сотнях футов под скованной морозом поверхностью земли был погружен в замогильный мрак. Подобно струйке дыма, я плыл сквозь черноту этого коридора и, постепенно осваиваясь в этой черноте, начинал различать смутное фосфоресцирование покрытой плесенью растительности, цепляющейся за камень стен. Изредка там, где растительность была погуще, а свечение ярче, взгляд улавливал желтый блеск золотой жилы, бегущей вдоль горного туннеля.

Я беззвучно плыл вперед, не ощущая времени, с одной лишь мыслью о том, что я должен идти все дальше и дальше в недра земли, ибо это был решающий для меня день, день моего возвращения после трехдневного пребывания в астрале. Время шло, и я опускался все ниже в подземные глубины, а мрак все сгущался и, казалось, вибрировал, обретая собственное звучание.

Силой воображения я представлял себе мир на поверхности, тот мир, в который я теперь возвращался. Передо мной вставали живые образы знакомых мест, скрытых сейчас крошечной тьмой. Я ждал, паря в воздухе, словно облачко благовонного дыма в храме.

Постепенно, так постепенно и медленно, что я далеко не сразу смог его уловить, из коридора донесся шум. Едва слышный вначале, он постепенно нарастал и становился все громче. Поющие голоса, перезвон серебряных колокольчиков и глухое шарканье кожаных подошв. И наконец, после долгого ожидания, по стенам туннеля забегали жутковатые мерцающие блики. Шум становился все громче. А я все ждал, паря в темноте над каменной плитой. Я ждал.

Постепенно, ох как постепенно, как до боли медленно и осторожно ползли ко мне по коридору неторопливые фигуры. Когда они приблизились, я увидел, что это монахи в желтых одеждах с пылающими факелами в высоко поднятых руках. Это были драгоценные храмовые факелы из связанных в пучки редкостных смолистых щепок и палочек ладана, чей благовонный аромат отгонял прочь запах смерти и тления, а яркий свет гасил и делал невидимым злое свечение мерзкой растительности.

Монахи медленно входили в подземный зал. Двое подошли к стенам по обе стороны от входа и стали что-то искать на каменных выступках. Затем одна за другой начали оживать мерцающие масляные лампы. Теперь в подземелье стало больше света, и я смог еще раз оглядеться и видеть так, как не видел уже три дня.

Монахи стояли вокруг меня, но меня не видели. А стояли они вокруг каменного саркофага, покоящегося в центре подземелья. Песнопения и звон серебряных колокольчиков стали громче. Наконец по сигналу старца шестеро монахов умолкли и, пыхтя от натуги, сняли с саркофага каменную плиту. Заглянув внутрь, я увидел свое собственное тело, облаченное в одежды ламы. Монахи запели громче:

— О Дух Странствующего Ламы, скитающийся в верхнем мире, возвращайся, ибо наступил третий день, и он уже на исходе. Зажигается первая палочка ладана, дабы призвать обратно Дух

Странствующего Ламы.

Вперед выступил монах, зажег красную палочку благовонного ладана и взял из ящичка следующую, а монахи запели дальше:

— О Дух Странствующего Ламы, возвращающийся к нам, поспеши, ибо близится час твоего пробуждения. Зажигается вторая палочка ладана, дабы ускорить твое возвращение.

Монах торжественно вынул новую палочку ладана из ящичка, а священник молвил нараспев:

— О Дух Странствующего Ламы, мы ждем, чтобы оживить и накормить твое земное тело. Поспеши же, ибо час близок, и с твоим возвращением завершится еще одна ступень обучения. Зажигается третья палочка ладана с призывом к возвращению.

Дым ленивыми клубами вздымался вверх, охватывая мое астральное тело, и я содрогнулся в страхе. словно невидимые руки вцепились в меня, потянули за Серебряную Нить и потащили вниз, наматывая, как на катушку, силой втаскивая меня в это холодное безжизненное тело. Я почувствовал холод смерти, я ощутил содрогание в конечностях, мое астральное зрение потускнело, а тело стало неудержимо сотрясаться в судорожных вздохах. Высшие монахи склонились над саркофагом, приподняли мою голову и плечи и, разжав челюсти, влили в меня что-то горькое.

Ах, подумал я, снова в заточении телесной оболочки, снова в заточении.

По моим жилам, целых три дня пребывавшим в спячке, словно пробежал огонь. Монахи мало-помалу вынули меня из саркофага, поддерживая, приподнимая, помогая встать на ноги, потом пройтись по подземелью, преклоняя передо мной колени, падая передо мной ниц, произнося мантры и молитвы и зажигая палочки ладана. Они заставили меня глотать пищу, обмыли, вытерли насухо и сменили мои одежды.

Теперь, когда сознание вернулось в мое тело, мои мысли по какой-то неведомой причине скользнули на три дня назад, в события, подобные происходившим сейчас. Тогда меня уложили в этот самый каменный саркофаг. Один за другим ламы окинули меня взглядом. Затем они закрыли саркофаг плитой и погасили палочки ладана. Унося огни, они торжественно удалились вверх по наклонному коридору, а я в некотором страхе остался лежать в каменной гробнице, в страхе, несмотря на всю мою подготовку, в страхе, хотя я знал, что должно произойти. Я остался один во мраке, в смертной тишине. В тишине? Нет, ибо мои тренированные чувства были так обострены, что я слышал их дыхание, звуки жизни, угасающие по мере их удаления. Я слышал, как все тише и тише шаркали их ноги, и только потом грянула тьма, тишина, неподвижность, ничто.

Это хуже, чем сама смерть, думал я. Время ползло бесконечно, а я лежал, все сильнее холодея. Внезапно мир взорвался как бы золотым пламенем, и я покинул телесную оболочку, покинул черноту каменной гробницы и само подземелье. Я вырвался сквозь скованную льдом землю в холодный чистый воздух и далеко ввысь, над громадами Гималаев, высоко над сушей и океанами, к самым пределам земли со скоростью мысли. Я скитался один, бесплотный, подобный призраку в астрале, заглядывая во дворцы и самые глухие закоулки Земли, и обретал познания, наблюдая за другими. Ни одно самое тайное подземелье не осталось для меня за семью печатями, ибо с легкостью мысли я проникал на заседания всех Высших Советов мира. Главы всех стран проходили передо мной нескончаемой чередой, и ничто в их мыслях не было для меня сокрыто.

— Теперь же, — думал я, поднимаясь с помощью лам на непослушные ноги, — теперь мне придется рассказать обо всем, что я видел и испытал, и что дальше? Возможно, вскоре я буду подвергнут другому подобному испытанию, а после отправлюсь странствовать по Западному миру, навстречу предсказанным мне тяготам и лишениям.

Уже имея за плечами многие годы учебы и лишений, я покинул Тибет. Меня ждала *новая* учеба и *еще более суровые* невзгоды. Оглянувшись с высоты горного перевала, я видел, как первые солнечные лучи выглянули из-за хребтов и коснулись золотых храмовых крыш, придавая всей картине захватывающую красоту. Долина Лхасы казалась погруженной в сон, и даже молитвенные флажки дремотно колыхались на своих шестах. У Пар-го Калинг едва виднелся караван яков. Торговцы, эти ранние, как и я, пташки, отправились в Индию, я же свернул в сторону Чунцина.

Мы переваливали через горные хребты, идя по тропам, проложенным в Тибет торговцами чаем, плиточным чаем из Китая, тем самым чаем, который вместе с тсампой составлял основную пищу тибетцев. Шел 1927 год, когда мы покинули Лхасу и направились в Джатанг, небольшой городок на берегу Брахмапутры. Дальше наш путь лежал в Кандин, на равнины, через густые леса и долины, поросшие влажной растительностью, где само дыхание причиняло нам сильные страдания, потому что все мы привыкли дышать на высоте 15000 футов или еще выше. Равнины с их тяжелой давящей атмосферой действовали на нас угнетающе, сжимали наши легкие, и мы словно утопали в воздухе. Но день за днем мы продолжали путь, пока, преодолев больше тысячи миль, не достигли окраин китайского города Чунцина.

Устроившись на привал, наш последний совместный привал, ибо наутро мои спутники отправлялись в обратный путь в нашу любимую Лхасу, мы провели ночь в печальных разговорах. Я был сильно расстроен тем, что мои товарищи, моя свита уже обращались со мной как с человеком, погибшим для мира, осужденным на жизнь в равнинных городах. Итак, поутру я отправился в Чунцинский университет. Почти все его профессора и преподаватели делали все возможное, чтобы помочь студентам преуспеть в науках, и лишь ничтожное их меньшинство было трудным в общении либо страдало ксенофобией.

В Чунцине я изучал хирургию и лечебное дело. Я учился также пилотированию самолетов, поскольку вся моя жизнь была предсказана до мельчайших подробностей, и я знал, — и это вполне оправдалось в будущем, — что впоследствии буду много заниматься медициной и летным делом. В ту пору до Чунцина лишь изредка доносились глухие раскаты близившейся войны, и большинство жителей этого древнего, но уже современного города жило сегодняшним днем с его обычными радостями и занималось будничными делами.

Это было мое первое посещение крупного города в физической форме, собственно, даже первое посещение вообще какого-либо города за пределами Лхасы. В астральной форме я успел к тому времени побывать почти во всех крупнейших городах мира, что, впрочем, под силу всякому при известной практике, поскольку в астрале нет ничего трудного и ничего магического. Это не труднее ходьбы и гораздо легче езды на велосипеде, так как на велосипеде приходится все время держать равновесие. В астрале же надо всего лишь использовать способности и качества, которыми мы наделены от рождения.

Еще будучи студентом Чунцинского университета, я был отозван в Лхасу в связи с приближающейся кончиной Тринадцатого Далай Ламы. По прибытии туда я принял участие в церемониях, последовавших за Его кончиной, и уладив в Лхасе кое-какие дела, снова вернулся в Чунцин. На состоявшейся впоследствии беседе с Верховным Настоятелем Тай Шу меня убедили в необходимости вступить в китайскую военную авиацию и уехать в Шанхай. Этот город ничем меня не привлекал, хотя я и знал, что мне его не миновать. Так в очередной раз мне пришлось сорваться с места и отправиться в путь к иному пристанищу. Здесь 7 июля 1937 года японцы спровоцировали инцидент на мосту Марко Поло. Это фактически послужило началом китайско-японской войны, и для нас все невероятно усложнилось. Я был вынужден оставить весьма доходную практику в Шанхае и на некоторое время предоставить себя в распоряжение Шанхайского муниципального совета, а позднее я всецело посвятил себя службе в санитарной

авиации китайской армии. Как и все остальные, я летал в те места, где требовалось проведение срочных хирургических операций. Мы летали на стареньких, никуда не годных самолетах, считавшихся, однако, вполне подходящими для тех, кто не сражался, а латал израненные тела.

Я был сбит и попал в японский плен, где со мной обращались весьма сурово. Я не походил на китайца, по внешности они не могли толком определить, кто я такой, и все это вместе с моим мундиром и званием вызвало ко мне их особую неприязнь.

Мне удалось бежать, и я вернулся в китайскую армию в надежде продолжить свою работу. Сначала меня послали в Чунцин, чтобы немного сменить обстановку перед возвращением на службу. Теперешний Чунцин сильно отличался от того, который я знал прежде. Дома были новые, вернее, некоторые старые постройки обросли новыми фасадами, поскольку город подвергался бомбардировкам. В городе заметно прибавилось народу, всевозможные фирмы из крупнейших городов Китая перебирались в Чунцин, чтобы как-то спастись от свирепствовавшей повсюду войны.

После некоторого восстановления сил я был направлен на побережье в распоряжение генерала Йо. Меня назначили главным врачом госпиталя, который представлял собой несколько раскисших от воды рисовых полей. Вскоре пришли японцы, захватили нас в плен и перебили больных, которые не мог передвигаться самостоятельно. Меня снова увезли и подвергли чрезвычайно жестокому обращению, так как японцы опознали во мне беглеца из плена, а таких они особенно не любили.

Какое-то время спустя меня отправили служить тюремным врачом в концлагерь, где содержались женщины всех национальностей. Там, благодаря основательным познаниям в области лекарственных трав, мне удалось максимально использовать природные ресурсы лагеря для лечения больных, которые не получали никаких иных лекарств. Японцы сочли, что я слишком много делаю для заключенных и слишком многим не даю умирать, и отправили меня в концлагерь на территории Японии, по их словам, предназначенный для террористов. В толпе других заключенных меня переправили через Японское море на дырявом пароходе, на котором с нами обращались крайне жестоко. Меня подвергли истязаниям, от которых я заболел пневмонией. Моя смерть оказалась для них нежелательной, поэтому мне был обеспечен некоторый уход и лечение. Я уже выздоравливал — а я старался не показывать японцам, что быстро иду на поправку, — когда земля однажды содрогнулась. Я было решил, что это землетрясение, но, выглянув в окно, увидел разбегающихся в панике японцев и небо, побагровевшее, как во время солнечного затмения. Хотя тогда я этого не знал, это был день атомной бомбардировки Хиросимы, 6 августа 1945 года.

Японцам теперь не до меня, у них своих проблем по горло, подумал я и ухитрился стащить военный мундир, кепи и пару тяжелых сандалий. Затем через узкую, никем не охраняемую дверь, я, пошатываясь, вышел на улицу и побрел к берегу, где наткнулся на рыбацкую лодку. По-видимому, при взрыве бомбы ее владелец в панике бежал, потому что его нигде не было видно. Лодка лениво покачивалась у причала. На дне валялось несколько кусков несвежей рыбы, от которой уже несло тухлятиной. Там же была кем-то забытая жестянка с затхлой водой, едва пригодной для питья. Мне удалось отвязать скользкую веревку, удерживавшую суденышко у берега, и отплыть в море. Несколько часов спустя ветер наполнил рваный парус, который мне удалось поднять, и лодка устремилась навстречу неизвестности. Это последнее усилие меня доконало, и я свалился на дно лодки в глубоком обмороке.

Сколько времени прошло, я не знаю, об этом я мог судить лишь по степени разложения гнилой рыбы, но очнулся я при первых проблесках зари. Лодка неслась вперед, рассекая носом невысокие волны. После болезни я был слишком слаб, чтобы спустить парус, и мне ничего не оставалось, как только лежать на дне лодки наполовину в соленой воде, среди плавающих в ней

отбросов. Днем во всю мощь палило солнце, выжигая глаза и доводя мозг до кипения. Язык у меня распух и стал, казалось, величиной с руку, сухой и шершавый. Губы и кожа на щеках потрескались. Боль была невыносимая. Я почувствовал, как мои легкие снова разрываются от кашля, и понял, что пневмония вернулась. Дневной свет померк, и я без сознания сполз в зловонную воду.

Время потеряло свой смысл, время было лишь вереницей багровых пятен с вкраплениями темноты. Боль свирепствовала во мне, как ураган, и я завис на грани жизни и смерти. Внезапно раздался резкий удар, и под килем заскрежетала галька. Мачта закачалась, грозя вот-вот сломаться, а грязный потрепанный парус бешено затрепыхался на сильном ветру. Силой инерции меня вместе с вонючей водой протащило к носу лодки.

— Гляди-ка, Хэнк, на дне лодки валяется какой-то косоглазый, похоже, дохлятина! — Гнусавый голос вызвал у меня короткую вспышку сознания. Я лежал не в силах шевельнуться, не в силах показать, что еще жив.

— Ты чего это там? Дохляка испугался? Нужна нам лодка или нет? Подсоби-ка мне, и мы его выбросим.

Лодка заходила ходуном под тяжелыми шагами, грозящими размозжить мне голову.

— Приятель, эй, приятель! — послышался первый голос. — Крепко, видно, бедняге досталось. Может, он еще дышит, Хэнк, как по-твоему?

— Кончай трепаться. Он все равно не жилец, так что выбрасывай. У нас времени нет, чтобы с ним возиться.

Сильные грубые руки схватили меня за ноги и голову, раскачали раз-другой, отпустили, и, перелетев через борт, я со всего размаху шмякнулся на песчано-галечный берег. Даже не оглянувшись, оба парня принялись тащить и раскачивать увязшую в песке лодку. Пыхтя, ругаясь, отшвыривая в сторону камни и крупный галечник, они наконец столкнули ее на воду. Затем оба, охваченные непонятной мне паникой, с лихорадочной поспешностью взгромоздились в лодку и, неумело правя парусом, отплыли прочь.

Солнце палило нещадно. На меня набросились какие-то мелкие песчаные твари, и я терпел муки тех, кто предан вечному проклятию. Постепенно день начал угасать, пока, наконец, грозное кроваво-красное солнце не скрылось за горизонтом. Вода лизнула мои ноги, потом колени. Потом еще выше. С нечеловеческими усилиями я отполз на несколько футов, упираясь локтями в песок, извиваясь и отталкиваясь ногами. А дальше полное забьтье.

Спустя несколько часов, а может и дней, меня разбудил солнечный луч. Я повернул дрожащую от слабости голову и осмотрелся. Обстановка была совершенно незнакомой. Я находился в однокомнатном домишке, вдали сверкало и переливалось под солнцем море. Повернув голову, я увидел старого буддийского священника, не сводившего с меня глаз. Улыбнувшись, он подошел ко мне и сел на пол. Часто запинаясь и с немалыми затруднениями он заговорил со мной. В наших языках было много общего, но абсолютно одинаковыми они не были, поэтому лишь с большим трудом, подбирая и повторяя слова, мы смогли обсудить создавшееся положение.

— Уже довольно давно, — сказал священник, — я знаю, что ко мне должен явиться значительный гость, человек, который в своей жизни должен исполнить некую великую задачу. Хоть я и стар, я медлил с уходом, пока не будет выполнена моя задача.

Комната была очень бедная, очень чистая, а старый священник явно находился на грани голодной смерти. Он был совершенно истощен, а руки его дрожали от слабости и преклонного возраста. Его вылинявшая старая одежда была аккуратными стежками заштопана в тех местах, где годы и долгая служба оставили свой разрушительный след.

— Мы видели, как тебя выбросили из лодки, — сказал он. — Долгое время мы думали, что

ты умер, но не могли добраться до берега из-за банд мародеров. Когда стемнело, двое мужчин из деревни пошли и принесли тебя сюда ко мне. Но это было пять дней назад; ты был очень болен. Мы знаем, что ты будешь жить в далеких странствиях, и жизнь твоя будет тяжелой.

Тяжкой! Чего ради все так часто мне говорят, что жизнь у меня будет тяжелой? Неужели они думают, что мне это нравится? Разумеется, она была тяжелой, всегда была, а лишения и невзгоды я ненавидел так же, как любой другой.

— Это Наджин, — продолжал священник. — Мы на самой окраине города. Как только тебе позволят силы, тебе придется уйти отсюда, потому что моя смерть близка.

Два дня я осторожно передвигался по комнате, пытаюсь восстановить силы, пытаюсь заново связать нити жизни. От слабости и голода мне было почти все равно, жить или умереть. Меня навестили старые друзья священника и подсказали, что мне делать дальше и как продолжить свой путь. Проснувшись на третье утро, я увидел рядом с собой холодное застывшее тело старого священника. В темноте он перестал держаться за жизнь и тихо отошел. Вместе с одним его старым другом мы вырыли могилу и похоронили его. Я собрал в узелок небольшой запас хранившейся в доме еды и, опираясь на толстую палку, тронулся в путь.

Пройдя около мили, я совершенно выбился из сил. Ноги подкашивались, кружилась голова, перед глазами все плыло. Я немного полежал у обочины прибрежной дороги, спрятавшись подальше от взглядов прохожих, так как меня предупредили, что для чужаков здесь очень опасные места. Здесь, как мне сказали, человек может лишиться жизни только за то, что выражение его лица не понравится вооруженным головорезам, терроризировавшим эти края.

Как бы там ни было, я продолжил путь и направился в Унги. Мои советчики дали мне очень четкие наставления насчет того, как перейти через границу на русскую территорию. Чувствовал я себя скверно и часто садился отдыхать. Во время одной такой передышки я сидел на обочине и лениво смотрел на поток людей, машин и повозок. Переводя глаза с одной группы людей на другую, я обратил внимание на пятерых вооруженных до зубов русских солдат с тремя громадными овчарками. Не знаю почему, в ту же минуту на меня бросил случайный взгляд и один из солдат. Сказав что-то своим спутникам, он спустил с поводка всех трех овчарок, и те бешено рванулись ко мне, в яростном возбуждении разбрызгивая слюну с оскаленных клыков. Солдаты тоже бегом двинулись в мою сторону, с автоматами наперевес. Как только собаки приблизились, я направил на них дружелюбные мысли, и у них не осталось больше ни страха, ни ненависти. Они внезапно бросились ко мне, виляя хвостами, облизали с головы до ног и чуть не убили меня изъявлениями своей дружбы, потому что я все еще был очень слаб. Прозвучала резкая команда, и псы съезжились у солдатских ног, возвышавшихся теперь прямо надо мной.

— А! — сказал ефрейтор, по-видимому их командир, — ты, должно быть, настоящий русский, к тому же здешний, иначе собаки разорвали бы тебя на куски. На это они и натасканы. Погоди чуток и сам увидишь.

Они пошли прочь, таща за собой упирающихся собак, которые хотели остаться со мной. Через несколько минут собаки резво вскочили и бросились в заросли у дорожной обочины. Оттуда донеслись леденящие душу крики, потом какой-то булькающий хрип. За моей спиной раздался шорох, я оглянулся, и к моим ногам упала откушенная у запястья окровавленная рука, а пес стоял над нею, помахивая хвостом.

— Товарищ, — сказал ефрейтор, вразвалку подходя ко мне. — Должно быть, ты действительно свой, если Серж так себя ведет. Мы едем в свою часть в Краскино, а ты, видно, уже давно в пути. Хочешь, мы подвезем тебя туда, если тебя не испугают пять трупов в кузове?

— Да, товарищ ефрейтор, я был бы вам очень благодарен, — ответил я.

Он пошел впереди. Собаки, виляя хвостами, бежали со мной рядом. Наконец он подвел меня к небольшому грузовику с прицепом. Из угла прицепа текла тонкая струйка крови, грязной

лужицей застывая на земле. Равнодушно взглянув на сваленные в прицеп трупы, он присмотрелся к слабым судорогам умирающего, достал револьвер, выстрелил ему в голову, спрятал оружие в кобуру и, не оглядываясь, отошел к грузовику.

Мне дали место в кузове грузовика. Солдаты были в хорошем настроении и хвастались, что *ни один* иностранец ни разу не перешел границу во время *их* дежурства, рассказывали, что их взвод был награжден за образцовое несение службы. Я сказал им, что направляюсь во Владивосток чтобы впервые в жизни повидать этот великий город, и надеюсь, что у меня не будет проблем с языком.

— О! — загоготал ефрейтор. — Завтра туда едет наш грузовик отвозить этих собак на отдых, потому что от избытка человеческой крови они так звереют, что даже мы не можем с ними справиться. Присмотри за ними вместо нас, и мы подбросим тебя завтра во Владивосток. Ты понимаешь нас, значит, тебя поймет всякий в этих краях. Это тебе не Москва!

Так я, убежденный ненавистник коммунизма, провел эту ночь в гостях у русских пограничников. Мне были предложены вино, женщины и песни, но я отказался, сославшись на возраст и слабое здоровье. Подкрепившись простой, но доброкачественной пищей, какой я давно уже не видел, я улегся спать на полу, и сон мой не тревожили укоры совести.

Утром мы выехали во Владивосток — ефрейтор, рядовой, три собаки и я. Так, благодаря дружбе с этими свирепыми тварями, я добрался до Владивостока без всяких хлопот, в машине, да еще основательно подкрепившись.

Глава 3

В России

Пыльная дорога была сплошь покрыта выбоинами. Мы проезжали мимо женских бригад, которые под присмотром вооруженных надзирателей вручную засыпали самые глубокие выбоины камнями. Солдаты выкрикивали в их адрес похабные шутки, делали непристойные жесты.

Миновав жилой район, мы ехали все дальше, пока не подкатили к нескольким довольно мрачным на вид зданиям, похожим на тюрьму. Грузовик, не останавливаясь, заехал в мощный бульжником внутренний двор. Кругом не было ни души. Солдаты начали встревожено оглядываться по сторонам. Но как только водитель заглушил мотор, сразу стал слышен жуткий гвалт, крики людей и яростный собачий лай. Мы с солдатами поспешили к месту, откуда доносился весь этот шум. Пройдя через открытую дверь в высокой каменной стене, мы увидели обнесенный сеткой вольер, в котором находилось около полусотни здоровенных овчарок. Один из столпившихся у вольера солдат принялся взахлеб рассказывать о том, что здесь произошло. Озверевшие от человеческой крови псы загрызли и сожрали двух зрителей. Толпа вдруг заколыхалась, раздалась в стороны, и у меня на глазах высоко вскарабкавшийся на сетчатую ограду третий зритель вдруг разжал пальцы и рухнул в самую гущу собачьей своры. Раздался страшный вопль, от которого кровь застыла в жилах, а потом только жадное урчание сбившихся в кучу собак. Ефрейтор оглянулся на меня:

— Эй, ты! А ты ведь сможешь справиться с собаками. — Он повернулся к стоявшему рядом солдату и приказал: — Попроси товарища капитана подойти сюда. Скажи, что у нас есть человек, который утихомирит собак.

Солдат поспешил прочь, а я чуть не лишился чувств от страха. Я? Почему это как трудности и опасности, так всегда я? Но присмотревшись к собакам, я подумал: «А почему бы и нет?» Этим псам по свирепости далеко до тибетских овчарок; к тому же от солдат исходит сильный запах страха перед собаками, вот те на них и бросаются.

Сквозь почтительно расступившуюся толпу к нам подошел нагловатого вида капитан. Не доходя несколько футов, он остановился, смерил меня взглядом, и по лицу его промелькнула презрительная усмешка.

— Тьфу, ефрейтор, — высокомерно сказал он. — Так что тут у нас? Невежественный местный священник?

— Товарищ капитан, — сказал ефрейтор. — Наши собаки не стали бросаться на этого человека, а Серж отгрыз руку у нарушителя и принес ему. Пошлите его в вольер, товарищ капитан.

Некоторое время капитан, нахмурившись, возил сапогами в пыли и сосредоточенно грыз ногти. Наконец он поднял глаза на нас:

— Так я и сделаю. Москва требует, чтобы я не убивал больше собак, но и не говорит, что с ними делать, когда те звереют от крови. А если этого загрызут, посчитаем, что произошел несчастный случай. Если же он *останется жив*, хотя вряд ли, мы его наградим.

Он походил немного, поглядывая на собак, грызущих кости троих убитых и сожранных зрителей, потом повернулся к ефрейтору и сказал:

— Займись этим, ефрейтор. Если у него получится, станешь сержантом. — И с этими словами он быстро зашагал прочь.

Ефрейтор на мгновение замер, широко раскрыв глаза.

— Я сержант? Мужик! — обратился он ко мне, — утихомирь только этих псов, и все пограничники станут твоими друзьями. Заходи.

— Товарищ ефрейтор, — попросил я, — пусть эти три собаки зайдут туда вместе со мной. Они знают меня и знают этих псов.

— Так и быть, — ответил он. — Идем со мной, приведем их.

Мы вернулись к прицепу. Там я приласкал этих трех собак, позволил им облизать себя, пометить своим запахом. Затем вместе с вьющимися у ног собаками я подошел к запертому входу в вольер. На случай, если какой-нибудь пес вырвется на волю, вход охраняли двое вооруженных солдат. Дверь чуть приоткрылась, и меня грубо втолкнули внутрь.

Собаки ринулись на меня со всех сторон, но, увидев оскаленные пасти трех «моих» псов, большинство потеряло охоту подходить слишком близко. Лишь один здоровенный свирепый пес, по-видимому вожак, взлетел в прыжке, целясь мне в горло. Но я был к этому готов и, шагнув в сторону, нанес ему резкий удар по шее приемом дзюдо (или каратэ, как его сейчас называют). Пес замертво рухнул на землю, и его мгновенно покрыла живая масса обезумевших, дерущихся собак, так что я еле успел отскочить в сторону. Лязг челюстей и урчание были чудовищны.

Совершенно безоружный, без всякой защиты я немного постоял, направляя на собак только добрые и дружелюбные мысли, говоря в душе, что я их несколько не боюсь и что я теперь их повелитель. Собаки повернулись ко мне, и на какой-то момент меня охватило омерзение при виде обглоданного скелета их недавнего вожака. Теперь все собаки смотрели на меня. Я сел на землю и пожелал, чтобы они сделали то же самое. Они расселись передо мной полукругом, вытянув вперед лапы, лениво свесив языки и виляя хвостами.

Я встал и подзвал Сержа. Положив руку ему на голову, я громко произнес:

— Теперь ты, Серж, будешь вожаком всех этих собак. Ты будешь слушаться меня и следить за тем, чтобы слушались остальные.

Из-за ограды вольера внезапно грянули аплодисменты. А я и думать забыл о солдатах! Оглянувшись, я увидел, как они приветственно машут мне руками. Капитан с сияющей от радости физиономией подошел к сетке и крикнул:

— Вытащи оттуда трупы зрителей или то, что от них осталось.

Я понуро подошел к первому телу, представлявшему собой рваное кровавое месиво с обглоданными ребрами, и потянул за руку, но рука отвалилась от плеча. Тогда я взялся за голову трупа и потащил его к выходу с волочащимися по земле внутренностями. Послышался вздох ужаса, и я увидел, что Серж идет рядом, держа в пасти оторванную руку. С огромным трудом я выволок все три тела, вернее то, что от них осталось. Затем, уже в полном изнеможении, я подошел к воротам и был выпущен из вольера.

Передо мной вырос капитан.

— Ты воняешь! — сказал он. — Почистись, смой грязь после возни с трупами. Останешься здесь на месяц присматривать за собаками. Через месяц они вернутся в свои патрульные наряды, и ты свободен. Ты будешь получать жалованье ефрейтора.

Тут он повернулся к моему ефрейтору и добавил:

— Как я и обещал, с этой минуты ты сержант.

И он зашагал прочь, явно довольный тем, как все закончилось.

Сержант просиял.

— Да ты настоящий волшебник! Никогда не забуду, как ты прикончил этого пса. Никогда не забуду, как капитан тут прыгал, снимая все на пленку. Ты сам себе здорово удружил. Когда у нас в прошлый раз взбунтовались собаки, мы потеряли шесть человек и сорок собак. Москва тогда крепко дала капитану по шее и пригрозила наказать еще круче, если потери собак не прекратятся. Так что к тебе он будет благоволить. Тебя возьмут к нам на довольствие. А мы

вопросов не задаем. Только ты и в самом деле воняешь, капитан верно сказал. Говорил я Андрею, что он обжора и от него вечно воняет. А теперь, глядя на его потроха, вижу, что был прав.

Я был настолько измучен, что у меня не было сил ужаснуться его черному юмору.

Завидев меня в столовой, солдаты оглушительно загоготали и что-то сказали сержанту. Тот тоже взревел от хохота и поспешил ко мне.

— Хо! Хо! Товарищ поп, — заорал он с буйным весельем в глазах. — Они говорят, что на тебе столько внутренностей Андрея, что теперь, после его смерти, тебе полагается отдать все его вещи. Родственников у него нет. Пока ты будешь у нас, мы будем называть тебя товарищ ефрейтор Андрей.

Все, что принадлежало ему, теперь твое. К тому же ты выиграл мне много денег, когда я побился за тебя об заклад у вольера. Теперь ты мой друг.

Сержант Борис был в душе совсем неплохим парнем. Неотесанный грубиян, без какого-либо намека на образование, он все же очень дружелюбно относился ко мне в благодарность за повышение по службе, — «иначе я на всю жизнь остался бы ефрейтором», говаривал он, — и за крупный денежный выигрыш, полученный благодаря мне. Многие говорили, что в вольере у меня нет никаких шансов выжить. Борис это услышал и сказал:

— Мой человек что надо. Вы бы его видели, когда мы спустили на него собак. Он даже не шевельнулся. Сидел, как изваяние. Собаки приняли его за своего. Он и в этой своре быстро наведет порядок. Вот увидите!

— На что ставишь, Борис? — крикнул кто-то.

— Твое трехмесячное жалованье, — сказал Борис.

В конечном счете он получил в качестве выигрыша сумму, равную его жалованью примерно за три с половиной года, и был мне за это весьма благодарен.

В ту ночь, после очень сытного ужина, поскольку пограничники жили хорошо, я заснул в теплом домике рядом с собачьим вольером. Матрас был плотно набит сеном, а солдаты раздобыли для меня новые одеяла. У меня были все основания благодарить своих учителей, давших мне такое понимание звериной природы.

С первыми лучами солнца я оделся и вышел к собакам. Мне показали, где хранится их корм, и я увидел, что их по-настоящему хорошо кормят. Они сбегались ко мне, виляя хвостами, и то одна, то другая, становясь на задние лапы, клала передние мне на плечи. При этом я как-то раз случайно оглянулся и увидел капитана, разумеется, за оградой, который наблюдал за происходящим.

— А, священник, — сказал он. — Я только подошел взглянуть, почему собаки ведут себя так тихо. Во время кормежки всегда были бешеные драки, а смотритель стоял в сторонке и швырял этой своре куски мяса, глядя, как псы грызутся за каждый кусок. Я не буду задавать тебе вопросов, священник. Дай мне слово, что пробудешь здесь четыре-пять недель, пока всех собак не увезут, и все тут будет в твоём распоряжении, а сам ты можешь ходить в город когда захочешь.

— Товарищ капитан, — ответил я, — я охотно дам вам слово, что пробуду здесь, пока всех собак не увезут. А потом я пойду своей дорогой.

— Ещё одно дело, священник, — сказал капитан. — Во время следующей кормежки я принесу кинокамеру и сниму это на пленку для начальства, чтобы те увидели, какой порядок мы навели с собаками. Ступай к интенданту, возьми у него новый ефрейторский мундир, и если найдешь себе каких-нибудь помощников, пусть как следует вычистят вольер. Если они побоятся, сделаешь это сам.

— Лучше я сделаю это сам, товарищ капитан, — ответил я, — собаки не будут так

нервничать.

Коротко кивнув, капитан зашагал прочь, не скрывая удовольствия от того, что сможет показать, как он управляется с кровожадными псами!

Три дня я не отходил от вольера дальше, чем на сотню ярдов. Эти люди были горячи на руку, им ничего не стоило открыть пальбу по кустам, «на случай, если там скрываются шпионы», как они это называли.

Три дня я отдыхал, восстанавливая силы и общаясь с людьми. Узнавал поближе их самих, их нравы. Андрей был примерно одинакового со мной телосложения, так что его одежда мне вполне подходила. Но все его вещи пришлось не один раз стирать, поскольку к чистюлям он не относился. Довольно часто ко мне подходил капитан и пытался втянуть в разговор, но хотя он, казалось, проявлял искренний интерес и доброжелательность, мне приходилось строго выдерживать роль простого священника, который знал толк только в Священных книгах буддизма и собаках! А уж он вовсе высмеивал религию, говоря, что нет ни загробной жизни, ни Бога, вообще ничего, а есть только Отец Сталин. Я же ограничивался цитатами из Священных книг, никогда не выходя за рамки познаний, которых можно ожидать от бедного деревенского священника.

При одном таком разговоре присутствовал Борис, прислонясь к собачьему вольеру и лениво жуя травинку.

— Сержант, — раздраженно крикнул капитан, — этот поп, кроме своей деревни, ничего не видел. Повози его по городу. Возьми его с собой в наряд в Артем и Раздольное. Покажи ему жизнь. Он только и знает, что о смерти, и думает, что это и есть жизнь.

Он сплюнул, закурил контрабандную сигарету и вразвалку пошел прочь.

— В самом деле, поехали. Ты так долго просидел со своими собаками, что сам становишься на них похож. Хотя должен признать, что ты научил их уму-разуму. К тому же ты выиграл мне целую кучу денег. Я ног под собой не чую от радости, поп, и пока я не помер, я должен все потратить.

Подойдя к машине, он сел в кабину и дал мне знак сесть рядом. Он завел мотор, включил передачу, выжал сцепление, и мы с ревом покатали по узким улицам Владивостока, подпрыгивая на ухабах. Внизу, в бухте, стояло множество кораблей, мне и в голову не приходило, что их так много на свете.

— Слушай, поп, — сказал Борис, — на всех этих судах трофейные грузы. Это все товары, которые предназначались американцами по лэндлизу совсем другой стране. Они думают, что товары захвачены японцами, а мы отправляем их по железной дороге (Транссибирской магистрали) в Москву, где партийное начальство думает, что отбирает себе самое лучшее. А самые лакомые кусочки отбираем себе мы, потому что у нас свой уговор с портовиками. Мы смотрим сквозь пальцы на их плутни, а они — на наши. У тебя были когда-нибудь часы, поп?

— Нет, — ответил я. — В жизни у меня было очень мало своих вещей. А время я узнаю по солнцу и длине теней.

— Будут у тебя часы, поп! — Борис прибавил газу, и вскоре мы уже катили вдоль борта стоящего у причальной стенки сухогруза. Судно сплошь было покрыто потеками ржавчины и поблескивало искорками засохшей морской соли. Дорога, огибавшая бухту Золотой Рог, была долгой и утомительной. Портовые краны, мощно взмахивая длинными стрелами, выгружали товары, прибывшие со всех концов света. Орудую грузовыми сетями, подтягивая тросы, люди кричали и махали руками. Выскочив из машины и таща меня за собой, Борис помчался вверх по сходням.

— Нам нужны часы, капитан, — рявкнул он первому попавшемуся человеку в морской форме. — Часы, наручные.

Появился человек, у которого на форме было больше позументов, чем у остальных, и жестом пригласил нас к себе в каюту.

— Часы, кэп, — снова рявкнул Борис. — Одни ему, и еще две пары мне. Хочешь сойти на берег, кэп? На берегу весело. Делай что хочешь. Девочки, выпивка — мы мешать не станем. Нам нужны часы.

Капитан улыбнулся и налил нам выпить. Борис, крякнув, выпил свою порцию, а я отдал ему мою.

— Он не пьет, кэп. Это поп, который стал собачьим надзирателем, правда, хорошим надзирателем. Словом, хороший мужик, — сказал Борис.

Капитан полез под койку и вытащил оттуда коробку. Открыв ее, он выложил около дюжины наручных часов. Не успел я глазом моргнуть, как Борис схватил две пары золотых часов и, даже не заводя их, надел на оба запястья.

— Бери часы, поп, — скомандовал он мне. Я протянул руку и взял себе хромированные.

— Эти часы лучше, — сказал капитан. — Это нержавеющей сталь, водонепроницаемая «Омега», эти часы намного лучше.

— Спасибо, капитан, — ответил я. — Если вы не против, я буду полагаться на ваш выбор.

— Теперь мне совершенно ясно, что ты рехнулся, — сказал Борис. — Берешь стальные, имея возможность взять золотые!

Я рассмеялся и ответил:

— Сталь для меня в самый раз. Ты ведь сержант, а я всего лишь ефрейтор, да и то на короткое время.

С корабля мы отправились на подъездные пути Транссиба. У платформ суетились бригады рабочих, грузя на них отборные товары с кораблей. Отсюда для этих вагонов начиналась дорога в Москву длиной в шесть тысяч миль. Пока мы там стояли, один из поездов тронулся с места. Два локомотива, по пяти колесных пар в каждом, потащили длинный хвост разномастных вагонов. Эти громадины были хорошо ухожены, и паровозные бригады, должно быть, относились к ним как к живым существам.

Борис повел машину вдоль путей. Повсюду стояла охрана, вооруженные люди в специальных канавах осматривали проезжающие вагоны снизу в поисках безбилетников.

— Вы, похоже, очень боитесь, как бы кто-нибудь не проехал в поезде нелегально, — сказал я, — не могу понять, почему. Что плохого в том, чтобы позволить людям подъехать зайцем?

— Эх ты, поп, — грустно заметил Борис, — не знаешь ты жизни, как сказал капитан. В наши города пытаются пробраться враги партии, саботажники и шпионы капитализма. Ни один порядочный русский не отправится в дорогу, пока не получит указания своего комиссара.

— А много таких, которые пытаются ездить зайцем? И что вы с ними делаете, когда они вам попадают?

— Что делаем? Да убиваем, конечно! Здесь зайцев не так уж много, а завтра я возьму тебя с собой в Артем. Вот там ты увидишь, как мы расправляемся с подрывными элементами. Паровозные бригады, поймав такого зайца, связывают ему руки, накидывают петлю на шею и сбрасывают с поезда. Правда, на путях потом остается настоящее месиво, к которому сбегаются волки.

Борис резко пригнулся на водительском сиденье, пристально всматриваясь в ползущие мимо тяжело груженные вагоны. Вдруг, словно ударенный током, он внезапно выпрямился и до отказа выжал педаль газа. Машина рванулась вперед и обогнала локомотив. Круто затормозив, Борис выпрыгнул из машины, схватил свой автомат и спрятался за бортом. Поезд неторопливо полз мимо, лязгая на стыках. Между двумя вагонами промелькнула человеческая фигура, и тут же грянула торопливая автоматная очередь. Тело свалилось на землю между рельсами.

— Попал! — торжествующе сказал Борис, делая аккуратную зарубку на прикладе. — Получается пятьдесят три, поп, у меня на счету пятьдесят три врага государства.

Я отвернулся с болью в душе, боясь выдать свои чувства, потому что Борис с такой же легкостью пристрелил бы и меня, знай он, что я вовсе не деревенский священник.

Поезд проехал, и Борис подошел к изуродованному, окровавленному телу. Пинком перевернув труп, он взгляделся в его лицо и сказал:

— Я узнал его, это здешний железнодорожный рабочий. Нечего было ему там ехать. Пожалуй, разобью я ему лицо, чтобы не было неприятных вопросов.

С этими словами он приставил дуло автомата к лицу мертвеца и нажал спусковой крючок. Оставив за собой теперь уже безголовый труп, мы вернулись в машину и уехали.

— Я никогда не ездил в поезде, Борис, — сказал я.

— Ладно, — ответил он, — завтра мы поедем в Артем в приличном поезде, и ты вдоволь насмотришься. У меня там есть закадычные дружки, с которыми я хочу повидаться теперь, когда я стал сержантом.

Я давно уже вынашивал идею тайком пробраться на какой-нибудь корабль и уплыть в Америку. В разговоре с Борисом я упомянул о корабельных «зайцах».

— Борис, — сказал я, — вы только тем и заняты, что останавливаете людей на границе и проверяете, нет ли «зайцев» в поездах. А как же все эти суда? Ведь подняться на борт и остаться там может *любой*.

Откинувшись на сиденье, Борис оглушительно расхохотался.

— Ну и простофиля же ты, поп! — сказал он. — В миле от берега на борт судна поднимаются морские пограничники и проверяют документы всех членов экипажа. Потом все люки и вентиляционные каналы задраиваются, и во все отсеки закачивается отравляющий газ, в том числе и в спасательные лодки. Потом остается только собрать в кучу передохших реакционеро**в**, которые не знали о такой проверке.

Меня до глубины души поразило, с каким безразличием относились эти люди ко всему этому, словно к какой-то забаве, и я поспешно отказался от мысли тайком пробраться на судно!

Вот я и во Владивостоке, но передо мной стояло возложенное на меня задание, и, как было сказано в Пророчестве, сначала я должен отправиться в Америку, затем в Англию и снова вернуться на американский континент. Проблема заключалась в том, как выбраться из этой части мира. Я решил как можно больше разузнать о Транссибирской магистрали, о том, где заканчиваются проверки и обыски, и чего можно ожидать на ее противоположном конце, в Москве.

На другой день я пораньше покормил собак и позанимался с ними, а управившись, тронулся в путь вместе с Борисом и еще тремя пограничниками. Мы проехали миль пятьдесят до заставы, где трое пограничников должны были заменить троих других. Всю дорогу солдаты болтали о том, сколько «беглецов» они застрелили, и я уловил кое-какую полезную для себя информацию. Я узнал, в частности, с какого места прекращаются проверки, узнал, что, соблюдая достаточную осторожность, можно доехать до самой Москвы, не будучи пойманным.

Главной проблемой будут деньги, это мне было ясно. Я подрабатывал дежурствами вместо других солдат, лечением больных, и по рекомендации некоторых из них даже лечил зажиточных членов партии в самом городе. Я, как и все, навевывался на суда и брал свою долю из награбленного добра при перевалке на грузовые составы. Всю свою «добычу» я превращал в рубли. Я готовился пересечь Россию из конца в конец.

Примерно пять недель спустя капитан сказал мне, что собак скоро отправят на заставы. Ожидается приезд нового комиссара, и я должен уйти отсюда до его появления. Он спросил, куда я собираюсь идти. Хорошо узнав его за это время, я ответил:

— Я останусь во Владивостоке, товарищ капитан. Мне здесь понравилось.

На его лице появилась настороженность.

— Ты должен уехать за пределы края. Завтра же.

— Но товарищ капитан, мне некуда идти, да и денег у меня нет, — сказал я.

— Тебе дадут рубли, продукты, одежду и вывезут за пределы края.

— Товарищ капитан, — настаивал я, — мне некуда идти. Я здесь много работал, и я хочу остаться во Владивостоке. Капитан был непреклонен.

— Завтра мы отправляем людей к самой границе нашего района с Ворошиловским районом. Тебя отвезут туда и там оставят. Я дам тебе письмо, где будет сказано, что ты нам помогал и поехал туда с нашего разрешения. Тогда Ворошиловская милиция тебя не арестует.

Это превосходило все мои надежды. Я как раз и *хотел* попасть в Ворошилов, потому что именно там я намеревался сесть на поезд. Я знал, что если смогу добраться на другой конец города, то буду в полной безопасности.

На другой день вместе с целой группой солдат я забрался на борт быстроходного бронетранспортера, и мы с ревом понеслись по дороге в Ворошилов. Теперь на мне был приличный костюм, а большой рюкзак был набит всякими пожитками. Был у меня и сидор с продуктами. То, что костюм принадлежал убитому корабельному «зайцу», меня несколько не смущало.

— Не знаю, куда ты собрался, поп, — сказал Борис, — но капитан уже объявил, что это *он* обучил этих собак, так что тебе все равно пришлось бы уйти. Сегодня можешь переночевать на заставе, а с утра двинешься дальше.

В ту ночь мне не спалось. Я смертельно устал от бесконечных скитаний. Смертельно устал постоянно жить бок о бок со смертью. Мне было невероятно одиноко жить среди совершенно чуждых мне людей, до такой степени противоречащих моему мирному образу жизни.

Наутро, после плотного завтрака, я попрощался с Борисом и остальными, вскинул на плечи свой груз и тронулся в путь. Я преодолевал милю за милей, держась подальше от главной дороги, стараясь обойти Ворошилов стороной. Неожиданно у меня за спиной послышался рев мчащейся автомашины, потом взвизгнули тормоза, и мне в лицо уперлось дуло автомата.

— Кто ты такой? Куда идешь? — прорычал хмурый ефрейтор.

— Я иду в Ворошилов, — ответил я. — Вот у меня письмо товарища капитана Василия.

Выхватив у меня письмо, он разорвал пакет и, нахмутив брови, углубился в чтение. Затем лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Мы только что расстались с сержантом Борисом, — сказал он. — Садись, мы подвезем тебя в Ворошилов и высадим, где скажешь.

Вот досада, а я-то хотел обойти город *стороной!* Делать нечего, пришлось сесть в патрульную машину, и меня быстро отвезли в Ворошилов. Я вышел недалеко от управления милиции. Машина на полном газу понеслась в гараж, а я резво пошел вперед, стараясь до темноты пройти как можно дальше. Я собирался устроить привал поблизости от магистрали и понаблюдать за происходящим в течение суток, прежде чем забраться в какой-нибудь состав.

Пассажирские поезда останавливались и проверялись в самом Ворошилове, а стоянка товарных была на самой окраине, вероятно, для того, чтобы местные жители не видели, скольких «зайцев» пристреливают на месте. После долгих наблюдений я решил, что мой единственный шанс в том, чтобы вскочить на отходящий поезд.

На вторую ночь к станции подошел очень подходящий для меня состав, груженный, как подсказывал мне опыт, товарами по лендлизу. Такого случая упускать нельзя, подумал я, и осторожно двинулся вдоль путей, заглядывая под вагоны, проверяя, закрыты ли двери, открывая те, на которых не было замков. Время от времени раздавался выстрел и глухой стук падающего

тела. Собак здесь не использовали из опасения, что они могут погибнуть под колесами. Я вывалился в грязь, постаравшись испачкаться, как только мог.

Подошли охранники и стали тщательно осматривать вагоны, перекликаясь и подсвечивая себе мощными фонарями. Никому не пришло в голову заглянуть за состав, все их внимание было направлено только на вагоны. А я, лежа пластом за вагонами, думал:

— От моих собачек здесь было бы больше проку. Они бы меня мигом нашли!

Удовлетворившись результатами обыска, охранники ушли прочь. Я боком подкатился к путям и нырнул между колесами вагона. Там я быстро вскарабкался на ось колесной пары и привязал заготовленную веревку к выступающей проушине. Закрепив другой конец веревки, я привязал себя к днищу вагона — в том единственном положении, где обнаружить меня было невозможно. К этому я готовился целый месяц. Поезд рывком тронулся с места, так что я чуть не вывалился на землю, и, как я предвидел, вдоль состава проехал на большой скорости джип с прожектором и вооруженными охранниками, которые приглядывались к осям. Я подтянулся как можно плотнее к днищу вагона, чувствуя себя так, словно стою нагишом в женском монастыре! Джип промчался вперед, развернулся и поехал обратно, уносясь прочь с моих глаз и из моей жизни. Состав с лязгом покатил дальше. Миль пять или шесть я с мрачной решимостью висел все в том же неудобном положении, затем, убедившись, что опасность миновала, я потихоньку отвязал веревку и довольно удобно уселся на кожухе оси.

Некоторое время я отдыхал, стараясь вернуть чувствительность затекшим и изболевшимся конечностям. Потом очень медленно и осторожно я пробрался в конец вагона и ухватился за стальной брус. С полчаса я просидел на узле сцепки, потом, встав во весь рост на этом шатком подножии, я подтянулся на руках и вслепую вскарабкался на крышу вагона. Было уже совсем темно, лишь слабо светили звезды. Луна еще не вошла, и я знал, что должен как можно быстрее пробраться внутрь вагона, чтобы кто-нибудь из поездной бригады не заметил меня в свете сибирской луны. Стоя на крыше, я обвязался одним концом веревки, другой конец пропустил через балку каркаса вагонной крыши и осторожно скользнул вниз, понемногу стравливая веревку. Колотясь и царапаясь об острые выступы, я вскоре открыл дверь вагона с помощью ключа, раздобытого с этой целью еще во Владивостоке. Один ключ подходил ко всем вагонным замкам. Отодвинуть дверь оказалось немыслимо тяжело, потому что я болтался вдоль борта вагона, словно маятник, но первые лучи восходящей луны подстегнули меня, дверь наконец открылась, и я устало заполз внутрь. Отвязав свободный конец веревки, я стал дергать и тащить, пока вся она не оказалась у меня в руках. Дрожа от изнеможения, я плотно закрыл дверь и рухнул на пол.

Два или три дня спустя — в такой ситуации всегда сбиваешься со счета — я почувствовал, как состав замедляет ход. Бросившись к двери, я чуть приоткрыл ее и выглянул наружу. Кругом был только снег, и я поспешил на другую сторону. Поездная охрана гналась за группой беглецов. Очевидно, проходила большая облава. Схватив пожитки, я выпрыгнул из вагона в снег. Виляя между колесами, я старался совершенно запутать свои следы. Пока я был этим занят, состав тронулся с места, и я отчаянно ухватился за первую же обледеневшую сцепку. По чистому везению мне удалось обхватить сцепку обеими руками, и я повис на ней, болтая ногами, но неожиданный рывок состава помог мне зацепиться и ногами.

Поднявшись во весь рост, я обнаружил, что нахожусь на краю платформы, покрытой жестким промерзшим брезентом. Узлы покрылись толстой коркой льда, тяжелые полотнища походили скорее на листовое железо. Стоя на качающейся, обледеневшей сцепке, я воевал с ледяными узлами. Я пытался дышать на них, надеясь размягчить своим теплом, но дыхание замерзло и лед становился еще толще. Тогда я стал возить веревку вперед и назад по металлическому борту платформы. Уже порядочно стемнело, когда перетерлось последнее

волоконце, и я, с большим трудом приподняв край брезента, смог заползти внутрь. Не успел я свалиться на дно платформы, как на меня бросился какой-то человек, целясь мне в горло острым куском железа. Инстинкт и привычка пришли мне на выручку, и вскоре этот человек уже стонал, держась за сломанную руку. На меня надвинулись еще двое, один с железным прутом в руках, другой — с разбитой бутылкой. Для человека с моей подготовкой они не представляли серьезной опасности, и я довольно быстро разоружил их. Здесь царил закон джунглей, главарем становился сильнейший. Теперь, когда я избил их, они стали моими слугами.

Этот вагон вез зерно, которое мы ели сырым. Для питья мы собирали снег либо отламывали сосульки с брезента. Согреться нам было нечем, потому что у нас не было топлива, да и поездная бригада сразу заметила бы дымок. Мне-то холод был не особенно страшен, а человек со сломанной рукой однажды ночью замерз насмерть, и нам пришлось выбросить его через борт платформы.

Сибирь — это не одни лишь снега. Местами она покрыта горами, похожими на канадские Скалистые горы, в других местах она так же зелена, как Ирландия. Но сейчас нам сильно докучал снег, ибо худшего времени года для путешествий нельзя было и придумать.

От зерна, которое мы ели, нам стало плохо, животы у всех вздулись, началась сильнейшая дизентерия, и мы от нее так ослабели, что с трудом соображали, на каком находимся свете. Наконец дизентерия отступила, но теперь в нас вцепились острые когти голода. С помощью веревки я спустился к буксам и наскреб немного смазки. Мы стали ее есть, испытывая жуткие позывы к рвоте.

А состав катил все дальше. Обогнув озеро Байкал, мы приближались к Омску. Здесь, как я знал, его отведут на запасные пути и переформируют, поэтому мне надо спрыгнуть с поезда до въезда в город и вскочить на другой, уже переформированный состав. Нет смысла подробно рассказывать обо всех перипетиях, связанных с пересадкой с одного поезда на другой, но мне, в компании с каким-то русским и китайцем, удалось в конечном счете забраться в скорый товарный поезд, идущий в Москву.

Состав был в хорошем состоянии. Мой тщательно оберегаемый ключ открыл дверь вагона, и мы под покровом безлунной ночи забрались внутрь. Вагон был загружен до отказа, так что мы протиснулись с немалыми усилиями. В крошечной темноте мы не могли разглядеть, каков характер груза. Зато утром нас ожидал приятный сюрприз. Мы вконец изголодались, а тут в углу вагона я обнаружил посылки Красного Креста, которые явно *не* дошли до места назначения, а были «реквизированы» русскими. Теперь мы зажили на славу. Шоколад, консервы, сгущенное молоко, словом, все. В одной посылке мы даже нашли небольшую плитку с запасом твердого бездымного топлива.

Обследуя тюки, мы обнаружили в них целые кипы одежды и других товаров, награбленных в магазинах Шанхая. Там были фотоаппараты, бинокли, часы. Мы выбрали себе приличную одежду, поскольку на нашу собственную было уже страшно смотреть. Больше всего мы нуждались в воде и были вынуждены соскребать снег с наружных выступов вагона.

Спустя четыре недели и шесть тысяч миль после того, как я покинул Владивосток, состав подходил к Ногинску, примерно в тридцати или сорока милях от Москвы. Мы втроем посоветовались и решили, что поскольку поездные бригады оживились — мы все чаще слышали их шаги по крышам, — нам разумнее всего будет спрыгнуть с поезда. Мы тщательно осмотрели друг друга, чтобы убедиться, что не вызываем подозрений своим видом, и хорошенько запаслись продуктами и «ценностями» для обмена. Китаец прыгнул первым, и, захлопывая за ним дверь, я услышал винтовочный выстрел. Три или четыре часа спустя выпрыгнул русский, а получасом позже и я.

Я побрел в темноте, довольно точно зная дорогу, потому что русский, уроженец Москвы,

которого отправили в сибирскую ссылку, хорошенько нас натаскал. К утру я прошел добрых двадцать миль, и мои ноги, которым крепко досталось в концлагерях, сильно разболелись.

Зайдя в столовую, я предъявил документы ефрейтора пограничных войск. Это были документы Андрея; мне сказали, что я могу забрать все его пожитки, но никому и в голову не пришло добавить: «За исключением его документов и удостоверения личности». Официантка засомневалась и позвала стоявшего у входа милиционера. Он подошел, и начался долгий разговор. Нет, у меня нет продуктовой карточки, я по невнимательности забыл ее во Владивостоке, а ограничения в продовольствии пограничников не касались. Повертев в руках мои бумаги, милиционер сказал:

— Придется вам покупать продукты на черном рынке, пока не получите новую карточку. А они сначала свяжутся с Владивостоком. С этими словами он повернулся и пошел прочь. Официантка пожалала плечами.

— Ешьте что хотите, товарищ, но вам это обойдется в пять раз дороже.

Она подала мне немного черного кислого хлеба и какие-то омерзительные на вид и еще более омерзительные на вкус макароны. По-своему поняв мои жесты, означавшие «питье», она принесла какую-то жидкость, от которой я чуть не свалился с ног на месте. С первого глотка я подумал, что меня отравили. Этого мне вполне хватило, но официантка взяла с меня деньги даже за воду, одним духом допив оставленное мною гнусное пойло.

При выходе меня поджидал милиционер. Пристроившись рядом, он зашагал вместе со мной.

— Вот идешь ты пешком, товарищ, да еще с рюкзаком за плечами, — что-то тут не так. Не отвести ли мне тебя в милицию на допрос? Или, может, у тебя найдется лишняя пара часов, чтобы я забыл о своем долге?

Молча порывшись в кармане, я достал часы, одни из тех, что стащил в поезде. Милиционер взял их, окинул взглядом и сказал:

— Москва прямо по дороге. Держись подальше от шоссе, и все будет в порядке.

И отвернувшись, он зашагал прочь.

А я побрел по проселкам, обходя десятой дорогой милиционеров, которым вдруг тоже вздумалось бы потребовать у меня часы. У меня возникло впечатление, основанное на собственном опыте, что у русских просто какая-то неудержимая страсть к часам. Многие даже не могли определить по ним время, но сам факт обладания часами приносил им некое необъяснимое удовлетворение. Какой-то изнуренного вида человек, ковылявший передо мной, неожиданно зашатался и упал ничком в грязь придорожной обочины. Прохожие шли дальше, даже не оглядываясь на него. Я было двинулся в его сторону, но какой-то старик пробормотал у меня за спиной:

— Товарищ иностранец, осторожно. Если вы к нему подойдете, милиция решит, что вы хотите его ограбить. Он все равно уже мертв. Голод. Здесь от этого каждый день умирают сотни людей.

Поблагодарив его кивком, я пошел прямо. Это страшное место, думал я, где никто не протянет друг другу руку помощи. Должно быть, это потому, что у них нет религии, которая наставляла бы их добру.

Эту ночь я провел у полуразрушенной стены заброшенной церкви. Вокруг меня спало еще человек триста. Рюкзак был у меня вместо подушки, и глубокой ночью я почувствовал, как чьи-то руки воровато пытаются развязать шнурки. Быстрый удар предполагаемому вору по шее, и тот, хватая ртом воздух, откатился в сторону. Больше в ту ночь меня никто не потревожил.

Утром я купил себе кое-какую снедь на государственном черном рынке, поскольку в России черным рынком управляет Государство и пошел дальше. Еще в поезде русский посоветовал мне

выдавать себя за туриста и повесить на шею фотоаппарат (украденный в том же поезде). Пленки у меня не было, да в то время я едва ли мог бы отличить переднюю крышку фотоаппарата от задней.

Вскоре я добрался до центральной части Москвы, того района, который обычно показывают туристам, ибо обычный турист никогда не видит «задворок», — грязи, нищеты и смерти на узких улочках трущоб. Передо мной текла Москва-река, и я какое-то время шел вдоль набережной, пока не свернул на Красную площадь. Ни Кремль, ни Мавзолей Ленина не произвели на меня никакого впечатления. Я слишком привык к величию и сияющему великолепию Поталы. Недалеко от входа в Кремль стояла в ожидании небольшая группа людей, безучастных, неряшливо одетых, похожих на пригнанный откуда-то скот. Из ворот со свистом вынеслись три огромных черных автомобиля и, проехав через площадь, скрылись в лабиринте улиц. Люди угрюмо посмотрели на меня, а я чуть приподнял фотоаппарат. Внезапно страшная боль пронзила мне голову. На секунду мне показалось, что на меня обрушился целый дом. Я упал на землю, а фотоаппарат разлетелся вдребезги.

Надо мной возвышались советские охранники; один из них методично и бесстрастно стал бить меня ногой по ребрам, заставляя встать. Я был наполовину оглушен и не мог подняться самостоятельно, поэтому двое милиционеров наклонились и, грубо встряхнув, поставили меня на ноги. Они выпалили сразу целую кучу вопросов, но говорили они с таким «московским акцентом» и такой скороговоркой, что я не понял ни слова. Наконец, устав задавать вопросы, не получая никакого ответа, они повели меня по Красной площади — по одному с каждой стороны и один позади, чувствительно упираясь мне в спину дулом револьвера.

Мы остановились перед угрюмого вида зданием и вошли в дверь, ведущую в полуподвал. Меня грубо столкнули — вернее было бы сказать, швырнули — вниз по ступеням в небольшое помещение. За столом сидел офицер, у стены стояли двое вооруженных охранников. Старший милиционер из тех, кто привел меня сюда, что-то долго и путано объяснял офицеру, поставив перед ним на пол мой рюкзак. Офицер выписал нечто похожее на квитанцию в получении меня и моих вещей, после чего милиционеры ушли.

Меня грубо втолкнули в другую комнату, очень просторную, и поставили перед большим столом с двумя охранниками по бокам. Чуть позже в комнату вошли трое, сели за стол и перерыли содержимое моего рюкзака. Один вызвал звонком помощника и отдал ему фотоаппарат, что-то скомандовав резким тоном. Человек повернулся и вышел, неся безобидную фотокамеру так осторожно, словно это была бомба, готовая вот-вот взорваться.

Они продолжали задавать мне вопросы, которых я не понимал. Наконец они вызвали переводчика, потом еще одного, потом следующего, пока не выяснилось, что никто не может со мной объясниться. Меня раздели донага и подвергли врачебному осмотру. Каждый шов на моей одежде был осмотрен, а некоторые даже распороты. Наконец мне швырнули мою одежду обратно, но уже без пуговиц, пояса и шнурков. По команде охранники выволокли меня из комнаты, прихватив одежду, и повели по бесконечным коридорам. Обутые в войлочные шлепанцы, они шагали совершенно беззвучно, не разговаривая ни со мной, ни друг с другом. Пока мы так шли, внезапно раздался леденящий душу крик, и стих, вздрагивая в неподвижном воздухе. Я непроизвольно замедлил шаг, но шедший позади охранник с такой силой ударил меня по плечу, что я думал, у меня сломается шея.

Наконец мы остановились перед красной дверью. Охранник отпер замок, и от резкого толчка я полетел вниз головой по трем каменным ступенькам. В камере было темно и очень сыро. Размером она была примерно шесть на двенадцать футов, на полу валялся грязный вонючий матрас. Не знаю, сколько я просидел в темноте, все сильнее страдая от голода и раздумывая над тем, почему человечество по своей природе так жестоко.

Прошло очень много времени, пока мне наконец не был подан кусок кислого черного хлеба и маленькая кружка противной на вкус воды. Молчаливый охранник жестом велел мне выпить воду сразу же. Едва я сделал один глоток, как он выхватил кружку у меня из рук, выплеснул воду на пол и вышел. Дверь беззвучно закрылась. Не слышно было ни малейшего шума, лишь изредка доносились ужасные крики, которые кем-то быстро и безжалостно подавлялись. Время ползло вперед. Я грыз черную хлебную корку. Я был голоден и думал, что смогу съесть все что угодно, но этот хлеб был ужасен; он вонял так, словно его выудили из выгребной ямы.

Прошло еще много времени, так много, что я уже испугался, что обо мне забыли, и ко мне в камеру молча вошли вооруженные охранники. Не было сказано ни слова; они жестом велели мне следовать за ними. Не имея иного выбора, я так и сделал, и мы снова пошли по бесконечным коридорам. Временами мне казалось, что мы кружим по одним и тем же переходам, чтобы усилить мое напряжение и тревогу. Наконец меня ввели в длинную комнату, в одном конце которой была ярко побеленная стена. Охранники, грубо заломив мне руки, сковали их наручниками и поставили лицом к белой стене. Довольно долго ничего не происходило, потом кто-то включил мощные, беспощадно слепящие лампы, направленные так, чтобы их свет отражала белая стена. Даже зажмурившись, я почувствовал в глазах боль, как от ожога. Охранники надели темные очки. Свет бил мощными волнами. Чувство было такое, словно в глаза мне всаживали иголки.

Тихо открылась и закрылась дверь. Потом скрип стульев и шелест бумаги. Тихий разговор вполголоса, из которого я ничего не понял. А потом — удар прикладом по спине, и начался допрос. Почему у меня был фотоаппарат без пленки? Откуда у меня документы пограничника из Владивостока? Как? Почему? Когда? Час за часом одни и те же дурацкие вопросы. Свет горел, пронизывая мне голову слепящей болью. Удар прикладом, если я отказывался отвечать. И короткая передышка каждые два часа, когда сменялись охранники и следователи, ибо охранники тоже уставали от яркого света.

После часов, казавшихся бесконечными, но которых на самом деле вряд ли прошло больше шести, я рухнул на пол. Охранники принялись равнодушно колоть меня штыками. Встать на ноги со связанными за спиной руками было очень трудно, но я делал это опять и опять. Когда я терял сознание, на меня ведрами выплескивали сточную воду. Час за часом продолжался этот допрос. Мои ноги начали отекать. Колени стали толще бедер, так как жидкости организма стекли вниз и перенасытили ткани ног.

Одни и те же вопросы, одна и та же жестокость. Шестьдесят часов на ногах. Семьдесят часов. Глаза застилал багровый туман, я превратился в стоячий труп. Ни еды, ни отдыха, ни передышки. Мне только силой влили в рот глоток какого-то средства, прогоняющего сон. Вопросы. Вопросы. Вопросы. Семьдесят два часа, и больше я ничего не видел и не слышал. Вопросы, свет, боль, все потухло и навалилась тьма.

Не знаю, сколько прошло времени, когда ко мне вернулось заполненное болью сознание. Я навзничь лежал на холодном мокром полу вонючей камеры. Каждое движение давалось с невыносимой болью, тело пронизывала сырость, а позвоночник словно был сделан из осколков стекла. Ни один звук не давал знать, есть ли кто живой, ни один проблеск света не позволял отличить день от ночи. Не было ничего, только вечная боль, голод и жажда. Наконец мелькнул тусклый свет, и охранник швырнул на пол тарелку с едой. Рядом плюхнулась жестянка воды. Дверь захлопнулась, и снова я остался в темноте наедине с моими мыслями.

Много позже охранники появились снова, и меня потащили — кстати, я не мог писать — в комнату для допросов. Сидя там, я должен был письменно изложить свою историю. Пять дней происходило одно и то же. Меня приводили в комнату, давали огрызок карандаша и бумагу и велели написать о себе все. Еще три недели я провел в своей камере, медленно приходя в себя.

Потом меня отвели в комнату, где поставили перед тремя высокими начальниками. Один переглянулся с остальными, посмотрел в бумагу, которую держал в руках, и сказал мне, что некие влиятельные лица подтвердили, что я оказывал помощь людям во Владивостоке. Один **даже** заявил, что я помог его дочери бежать из японского концлагеря.

— Вас освободят, — сказал начальник, — и отвезут в Стрый, на польскую границу. Туда едет группа наших людей, вы поедете вместе с ними.

Снова я в камере — на этот раз получше, — пока мои силы не восстановились настолько, чтобы я мог выдержать переезд. И наконец я вышел из ворот Лубянской тюрьмы в Москве, чтобы продолжить путь на Запад.

Глава 4

В стране золотого света и на земле

У ворот Лубянки меня уже дожидалось трое солдат. Тюремный охранник, который вытолкнул меня в открытую дверь, вручил старшему по званию, ефрейтору, какую-то бумагу.

— Распишись здесь, товарищ, здесь только сказано, что ты принял от нас депортированного.

Ефрейтор с сомнением почесал голову, лизнул карандаш и вытер пальцы о штанину, прежде чем неуверенно нацарапать свою фамилию. Не говоря ни слова, тюремщик повернулся, и дверь Лубянки с лязгом захлопнулась, причем на этот раз я, к счастью, остался снаружи.

Ефрейтор хмуро на меня уставился.

— Теперь из-за тебя мне пришлось подписывать бумагу. Одному Ленину известно, что будет дальше, я и сам могу оказаться за воротами Лубянки. Давай, *шевелись!*

Ефрейтор занял свое место во главе конвоя, двое встали по бокам, и так меня повели по московским улицам на вокзал. Я шел с пустыми руками. Все, что мне принадлежало, то есть мой костюм, было на мне. Русские оставили себе мой рюкзак, часы, — словом, все за исключением бывшей на мне одежды. А сама одежда? Тяжелые ботинки на деревянной подошве, штаны и пиджак. Больше ничего. Ни белья, ни денег, ни еды. Ничего. Хотя нет, *кое-что* было! В кармане у меня лежала бумажка, где было сказано, что меня депортируют из России и что мне разрешено отправиться в советскую зону оккупации Германии, где я должен зарегистрироваться в ближайшем полицейском участке.

Дойдя до московского вокзала, мы сели и стали ждать на страшном морозе. Солдаты по очереди уходили и возвращались, давая друг другу возможность погреться. Только я сидел на каменной платформе, дрожа от стужи. Я был голоден. Я чувствовал себя больным и слабым. После долгого ожидания появился сержант и с ним около сотни человек. Пройдя вдоль платформы, сержант окинул меня взглядом.

— Ты что хочешь, чтобы он отдал концы? — заорал он на ефрейтора. — Мы должны доставить его во Львов живым. Обеспечь его едой, до отхода поезда еще целых шесть часов.

Ефрейтор и еще один рядовой схватили меня с двух сторон под руки и рывком заставили подняться. Сержант заглянул мне в лицо и сказал:

— Гм, на проходимца ты не похож. Ты только не доставляй нам неприятностей, тогда и мы тебя не тронем. — Он просмотрел мои бумаги, которые были у ефрейтора. — Мой брат тоже побывал на Лубянке, — сказал он, убедившись, что никто из его людей не может нас услышать. — Он тоже ни в чем не виноват. А его отправили в Сибирь. Сейчас я прикажу, чтобы тебя повели поесть. Ешь хорошенько, потому что, когда мы приедем во Львов, ты будешь сам добывать себе пропитание. — Отвернувшись, он подозвал двух ефрейторов. — Присмотрите за ним, позаботьтесь, чтобы он поел и выпил сколько захочет. От нас он должен уйти в хорошем состоянии, не то комиссар скажет, что мы убиваем заключенных.

Я устало поплелся, зажатый между двумя ефрейторами. В небольшой столовой недалеко от вокзала старший по команде заказал большие миски щей и целые буханки черного хлеба. Еда воняла гнилой капустой, но я был так голоден, что заставил себя все это проглотить. Мне вспомнился «суп», который нам давали в японских концлагерях. Там собирались в один котел огрызки хрящей и объедки, и из всего этого варился «суп» для заключенных.

Управившись с едой, мы собрались уходить. Ефрейтор велел принести еще хлеба и три газеты «Правда». Мы завернули хлеб в газеты, предварительно убедившись, что не оскверняем

таким способом ни одной фотографии Сталина, и вернулись на вокзал.

Ожидание было ужасно. Шесть часов сидения на каменной платформе в ледяную стужу. В конечном счете нас всем скопом загнали в старый выдавший виды поезд, и мы тронулись в Киев. Эту ночь я проспал зажатый между двумя храпящими русскими солдатами. Из-за тесноты никто из нас не мог лечь, вагон был битком набит. Жесткие деревянные сиденья были очень неудобны, и я жалел, что не могу сесть на пол. Поезд рывками останавливался, казалось, в тот самый момент, когда мне удавалось заснуть. На следующие сутки, уже глубокой ночью, проехав около четырехсот восьмидесяти миль изматывающего пути, мы вползли на какую-то второстепенную киевскую станцию. После изрядной толкотни и криков мы пошли ночевать в местные казармы. Меня втокнули в камеру, и только много часов спустя я был разбужен появлением комиссара и его помощника. Они стали задавать мне вопросы, бесконечные вопросы, и по прошествии двух или двух с половиной часов вышли.

Некоторое время я вертелся на койке, пытаюсь уснуть. Внезапно чьи-то грубые руки наотмашь хлестнули меня по лицу:

— Проснись, проснись, ты что, умер? Вот тебе еда. Быстрее — у тебя до отъезда всего несколько минут.

Еда? Опять щи. Опять кислый черный хлеб и вода для питья. Я глотал все подряд, боясь, что вынужден буду уйти, не доев своей скудной трапезы. Проглотив все, я стал ждать. И ждал несколько часов. В конце дня в камеру вошли двое из военной полиции, еще раз задали мне кучу вопросов, еще раз взяли мои отпечатки пальцев и сказали:

— Мы опаздываем. Поесть ты уже не успеешь. Может, тебе удастся раздобыть что-нибудь на вокзале.

Возле казарм стояли в ожидании три бронетранспортера. В один забрался я вместе с четырьмя десятками солдат, оказавшись в невыносимой тесноте, остальные как-то разместились в двух других машинах, и мы рванули с места, лихо виляя на поворотах, в сторону вокзала. Я настолько плотно был зажат в гуще людей, что едва мог дышать. Водитель нашего транспортера, похоже, рехнулся, далеко обогнав две другие машины. Он гнал так, словно за ним неслись все дьяволы коммунистического ада. Нас, ехавших в кузове стоя, поскольку сесть было негде, подбрасывало и швыряло во все стороны. На бешеной скорости мы помчались под уклон, отскакивая от тротуаров, словно бильярдный шар, потом послышался отчаянный визг тормозов, и бронетранспортер понесло боком. Ближайший ко мне борт сорвало прочь в целом дожде искр, и мы врезались в толстую каменную стену. Вопли, стоны и проклятия, настоящее море крови, а я вдруг осознал, что лечу в воздухе. Летя так, я не видел разбитого транспортера, теперь уже полыхавшего в огне. Ощущение падения, сокрушительный удар и чернота.

— Лобсанг! — произнес такой любимый голос, голос моего Наставника, ламы Мингьяра Дондупа. — Ты очень болен, Лобсанг, твое тело все еще на земле, но сам ты здесь с нами, в мире за пределами Астрала. Мы стараемся помочь тебе, ибо твое задание на Земле еще не выполнено.

Мингьяр Дондуп? Что за чудо! Его же предательски убили коммунисты, когда он пытался добиться мирного урегулирования в Тибете. Я сам видел страшные раны от ударов ножом в спину. Но я, конечно, видел его несколько раз с тех пор, как он удалился в Небесные поля.

Сквозь закрытые веки до боли ярко проникал свет. Я подумал, что снова стою у той стены в Лубянской тюрьме и что опять солдаты начнут избивать меня прикладами по спине. Но этот свет был какой-то другой, он не бил в глаза; должно быть, это какая-то ассоциация образов, угрюмо подумал я.

— Лобсанг, открой глаза и посмотри на меня! — ласковый голос Наставника согрел и пронизал все мое существо сладкой дрожью. Я открыл глаза и огляделся. И увидел склоненного надо мной Ламу. Он выглядел лучше, чем когда-либо на Земле. Лицо его, казалось, не имело

возраста, аура сияла чистейшими цветами, в ней не было ни следа страстей, обуревающих жителей Земли. Его шафранная мантия была из какого-то неземного материала, она светилась изнутри, словно наделенная собственной жизнью. Он улыбнулся мне и сказал:

— Мой бедный Лобсанг, бесчеловечность Человека по отношению к другому Человеку проявилась в твоём случае особенно ярко, ибо ты пережил такое, что другого убило бы уже не один раз. Здесь ты находишься, чтобы немного передохнуть, Лобсанг. Передохнуть в том месте, что мы называем «Страной Золотого Света». Здесь мы находимся за пределами стадии реинкарнации. Здесь мы трудимся, чтобы помочь народам многих миров, а не только того, имя которому Земля. Душа твоя изранена, твоё тело сокрушено. Нам придется подлатать тебя, Лобсанг, ибо задание должно быть выполнено, а заменить тебя некем.

Я снова огляделся и обнаружил, что нахожусь в чем-то похожем на лечебницу. С того места, где я лежал, был виден великолепный парк, вдали паслись или играли какие-то животные. Среди них, похоже, были олени и львы, и вообще все звери, между которыми нет мира на Земле, резвились здесь, словно одна семья.

Шершавый язык лизнул мою правую руку, безвольно свисшую с кровати. Подняв глаза, я увидел Ша-лу, громадного сторожевого кота из Чакпори, одного из первых моих друзей в стенах монастыря. Он *подмигнул* мне, и у меня мурашки побежали по коже, когда я услышал его голос:

— А, мой друг Лобсанг, я рад снова тебя увидеть, пусть даже на такое короткое время. Тебе придется ненадолго вернуться на Землю, когда ты покинешь эти края, но потом, несколько коротких лет спустя, ты вернешься к нам навсегда.

Говорящий кот? Телепатические кошачьи разговоры были мне хорошо известны и вполне понятны, но *этот* кот явно выговаривал слова, а не произносил телепатические послания. Громкий смех заставил меня оглянуться на моего Наставника, ламу Мингьяра Дондупа. Он явно веселился, причем за мой счет, подумал я. Кожа у меня на голове снова покрылась мурашками; Ша-лу встал на задние лапы, облокотившись передними о мою кровать. Они с Ламой посмотрели на меня, потом переглянулись и оба рассмеялись. *Оба* рассмеялись, могу поклясться!

— Лобсанг, — сказал мой Наставник, — ты знаешь, что смерти нет, что на Земле Живых при наступлении так называемой «смерти» внутреннее «я» человека отправляется в сферу, где он или она отдыхает некоторое время, прежде чем начать подготовку к реинкарнации в новое тело, что предоставляет возможность усваивать новые уроки и достигать все новых вершин. Сейчас мы находимся в сфере, реинкарнация из которой невозможна. Здесь мы живем так, как ты нас сейчас видишь, в гармонии и мире, обладая способностью путешествовать в любое место и любое время с помощью того, что ты назвал бы «сверхастральным путешествием». Здесь животные и люди и иные живые существа общаются с помощью как речи, так и телепатии. Мы пользуемся речью вблизи и телепатией на расстоянии.

Издали донеслась тихая музыка, музыка, которую понимал даже я. Мои учителя в Чакпори долго сокрушались по поводу моей полной неспособности петь или музицировать. Как бы сейчас возрадовались их сердца, подумал я, если бы они увидели, как я наслаждаюсь *этой* музыкой. В сияющих небесах замелькали и заколыхались цвета, как бы в такт музыке. Здесь, в этих немыслимой красоты краях, зелень была зеленее, вода — голубее. Здесь не было деревьев, источенных болезнью, не видно было ни одного пораженного недугом листка. Здесь было одно лишь совершенство. *Совершенство?* Тогда что здесь делаю я? Я был мучительно далек от совершенства, и я это отлично знал.

— Ты выдержал тяжелую битву, Лобсанг, и теперь ты здесь, чтобы передохнуть и немного приободриться по праву того, что тобою достигнуто.

Говоря это, мой Наставник благосклонно улыбался.

Я лег и тут же вскочил в страхе:

— Мое тело, где мое земное тело?

— Отдыхай, Лобсанг, отдыхай, — ответил лама. — Отдыхай, и как только ты наберешься сил, мы многое тебе покажем.

Понемногу золотой свет в комнате угас до навевающего покоя пурпура. Я почувствовал, как моего лба коснулась прохладная сильная рука, а на правую ладонь легла мягкая мохнатая лапа, и провалился в забытие.

Мне снилось, что я снова на Земле. Откуда-то сверху я бесстрастно взирал на то, как русские солдаты греблись в остатках искореженного транспортера, вытаскивая обгорелые тела и куски тел. Я увидел, как один человек взглянул вверх и показал пальцем. Все головы повернулись в указанном направлении, то же самое сделал и я. На самом верху высокой стены висело мое изломанное тело. Из рта и ноздрей струилась кровь. Я смотрел, как мое тело снимают со стены и водворяют в карету скорой помощи. Когда машина отъехала, я поднялся выше и увидел все. Я заметил, что моя Серебряная Нить осталась нетронутой; она мерцала, словно голубой утренний туман в горных долинах.

Русские санитары, не слишком церемонясь, вытащили из машины носилки и понесли в операционную, где вывернули мое тело на стол. Нянечки разрезали мою окровавленную одежду и выбросили ее в мусорный ящик. Были сделаны рентгеновские снимки, и я увидел, что у меня сломаны три ребра, одно из них проткнуло левое легкое. Левая рука была сломана в двух местах, а левая нога снова была сломана в колене и лодыжке. Сломанный конец солдатского штыка проткнул мне плечо, едва не задев жизненно важную артерию. Задумавшись, с чего начинать, женщина-хирург только шумно вздохнула. А я, казалось, парил над операционным столом, глядя на все это и задаваясь вопросом, хватит ли у них мастерства, чтобы как следует меня залатать. Легкое подергивание Серебряной Нити, и я поплыл сквозь потолок, через верхние этажи, по пути натыкаясь на лежащих в постелях больных. Я плыл все вверх и дальше, в пространство, в окружение бесконечных звезд, вне пределов астрала, проплывал одну эфирную сферу за другой, пока снова не достиг «Страны Золотого Света».

Я вздрогнул и попытался взглянуть сквозь пурпурную мглу.

— Он вернулся, — произнес ласковый голос, и дымка рассеялась, снова давая дорогу величию Света. У моей постели, опустив глаза, стоял мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп. Тихо мурлыча, рядом со мной лежал Ша-лу. В комнате находились еще два Важных Лица. Когда я их увидел, они смотрели в окно на проходящих далеко внизу под нами людей.

Когда же они с улыбкой обернулись ко мне, я задохнулся от изумления.

— Ты был так тяжело болен, — сказал один из них, — мы опасались, что твое тело не выдержит.

Другой, которого я хорошо знал, несмотря на очень высокое положение, которое он занимал на Земле, взял мои ладони в свои.

— Ты так много страдал, Лобсанг. Мир обошелся с тобой слишком жестоко. Мы обсудили это, и чувствуем, что ты, возможно, захочешь отойти. Если ты продолжишь свой путь, тебя ожидает еще много страданий. Сейчас ты можешь покинуть свое тело и остаться здесь навечно. Ты предпочел бы этот выбор?

Сердце у меня заколотилось. Покой после стольких страданий. Страданий, которые, не будь я так хорошо закален и натренирован, давно бы положили конец моей жизни. Специальная подготовка. Да, но чего ради? Чтобы я видел человеческую ауру и мог повлиять на научную мысль в направлении исследования этой ауры. А если я сдамся — кто тогда продолжит мое дело?

— Мир обошелся с тобой слишком жестоко. Никто не станет тебя обвинять, если ты

сдашься.

Здесь я должен хорошенько подумать. Другие обвинять не станут, но целую вечность мне придется жить с собственной совестью. А что есть жизнь? Всего несколько лет несчастий. Еще несколько лет лишений, страданий, непонимания, и тогда, если только я сделаю *все*, что в моих силах, моя совесть будет спокойна. Навеки.

— Досточтимый Господин, — ответил я, — вы поставили меня перед выбором. Мое служение продлится столько, сколько выдержит тело. Сейчас же оно просто сильно надломлено, — добавил я.

Лица собравшихся осветили радостные улыбки одобрения. Ша-лу громко замурлыкал и с игривой лаской куснул меня за палец.

— Твое земное тело, как ты и говоришь, из-за перенесенных страданий находится в плачевном состоянии, — сказал Преосвященный. — Прежде чем ты примешь окончательное решение, мы должны сказать тебе следующее. На земле Англии мы обнаружили тело, хозяин которого страстно желает его покинуть. Его аура по основным аспектам гармонирует с твоей. Впоследствии, если этого потребуют обстоятельства, ты сможешь перебраться в его тело.

От ужаса я чуть не упал с постели. *Мне* перебраться в другое тело? Мой Наставник рассмеялся:

— Ну вот, Лобсанг, где же вся твоя подготовка? Ведь это всего лишь смена одежды. А по прошествии семи лет это тело полностью станет *твоим*, от первой до последней молекулы *твоим*, даже с точно такими же шрамами, к которым ты так привязан. Поначалу тебе будет немного не по себе, как если бы ты впервые надел западную одежду. Я сам хорошо это помню, Лобсанг.

И снова вмешался Преосвященный.

— Тебе предоставлен выбор, мой Лобсанг. С чистой совестью ты теперь же можешь покинуть свое тело и остаться здесь. Но если ты вернешься на Землю, знай, что время смены телесной оболочки еще не пришло. Прежде чем ты что-либо решишь, я скажу тебе, что ты вернешься к лишениям, непониманию, неверию и даже ненависти, ибо существуют силы зла, которые стремятся воспрепятствовать всему доброму, что связано с эволюцией человека. И тебе придется противостоять этим силам зла.

— Я принял решение, — ответил я. — Вы предоставили мне возможность выбора. Я пойду дальше, пока мое задание не будет выполнено, и если мне придется сменить тело, что ж, так тому и быть.

На меня навалилась тяжкая дремота. Несмотря на все усилия, глаза закрылись сами собой. Образ померк, и я впал в глубокое забытие.

Мир, казалось, завертелся волчком. В ушах стоял шум и неясное бормотание голосов. Непонятным для меня образом я почувствовал, что связан по рукам и ногам. Может быть, я снова нахожусь в тюрьме? Может, меня опять захватили японцы? Не было ли мое путешествие через всю Россию всего лишь сном, *действительно* ли я побывал в «Стране Золотого Света»?

— Он приходит в себя, — произнес грубый голос. — Эй! ОЧНИСЬ! — рявкнул мне кто-то в ухо. Я сонно открыл измоленные глаза. Какая-то русская женщина хмуро вглядывалась мне в лицо. Стоящая рядом с ней толстая докторша окинула равнодушным взглядом палату. Палату? Со мной в палате лежало еще человек сорок-пятьдесят. Потом на меня обрушилась боль. Все мое тело ожило в бешеном полыхании боли. Тяжело было дышать. Я не мог и пошевелиться.

— О, он выкарабкается, — сказала докторша с каменным лицом, после чего они с сестрой повернулись и ушли. А я остался лежать, короткими толчками переводя дух из-за боли в левом боку. О болеутоляющих лекарствах здесь не было и речи. Здесь человек либо выживал, либо умирал, предоставленный самому себе, не ожидая и не получая ни сочувствия, ни облегчения

страданий.

Тяжелыми шагами, от которых сотрясалась кровать, подходили дюжие медсестры. Каждое утро их грубые пальцы срывали перевязки и заменяли их новыми. Что до прочих житейских нужд, то здесь человек полностью зависел от помощи ходячих больных и от их доброй воли.

Я пролежал там две недели, почти совершенно забытый медсестрами и врачами, получая посильную помощь от других больных и терпя адские муки, когда они не могли позаботиться о моих нуждах. В конце второй недели снова появилась докторша с каменным лицом в сопровождении толстухи медсестры. Они безжалостно сорвали гипс с моей левой руки и левой ноги. Я никогда прежде не видел, чтобы так обращались с больными, а когда стало ясно, что я вот-вот упаду, дюжая медсестра поддержала меня, схватив именно за поврежденную левую руку.

Всю следующую неделю я ковылял по палате, в меру сил помогая больным. Мне нечем было прикрыть наготу, кроме одеяла, и я стал задумываться, где раздобыть одежду. На двадцать второй день моего пребывания в госпитале в палату вошли двое милиционеров. Сорвав одеяло, они швырнули мне костюм и крикнули:

— Пошевеливайся, тебя сейчас депортируют. Ты должен был уехать еще три недели назад.

— Но как я мог уехать, если все время лежал без сознания и не по своей вине? — возразил я.

Ответом был удар в лицо. Второй милиционер красноречиво расстегнул кобуру револьвера. Они погнали меня вниз по лестнице в кабинет политического комиссара.

— Ты не сказал нам, когда тебя доставили, что ты лицо, подлежащее депортации, — гневно сказал он. — Ты обманным путем получил лечение и теперь должен за это заплатить.

— Товарищ комиссар, — ответил я, — меня сюда доставили без сознания, а травмы я получил по вине плохого русского водителя. Из-за этого я претерпел много боли и страданий.

Комиссар задумчиво погладил подбородок.

— Гм, — сказал он, — а откуда тебе все это известно, если ты был без сознания? Я должен во всем разобраться. — Он повернулся к милиционеру и сказал: — Заберите его и посадите в камеру в вашем отделении милиции, пока я не дам вам знать.

И снова меня повели по многолюдным улицам как арестованного. В отделении милиции у меня еще раз взяли отпечатки пальцев и посадили в камеру в глубоком подвале. Долгое время ничего не происходило, потом охранник принес мне щи, черный хлеб и немного желудевого кофе. В коридоре все время горел свет, так что невозможно было ни отличить день от ночи, ни отмечать уходящие часы. В конечном счете меня отвели в комнату, где строгого вида человек, порывшись в бумагах, уставился на меня поверх очков.

— Вы признаны виновным, — сказал он, — в том, что остались в России после того, как были приговорены к депортации. Правда, вы не по своей вине попали в дорожную аварию, но придя в сознание, вы должны были немедленно доложить комиссару госпиталя о вашем положении. Ваше лечение дорого обошлось России, — продолжал он, — но Россия милосердна. Чтобы оплатить расходы на ваше лечение, вы двенадцать месяцев отработаете на строительстве дорог в Польше.

— Но это вы должны мне заплатить, — горячо возразил я. — По вине русского солдата я получил тяжелые травмы.

— Этого солдата здесь нет, и защитить себя он не может. Он остался цел в этой аварии, и мы его расстреляли. Ваш приговор остается в силе. Завтра вас повезут в Польшу, где вы будете работать на строительстве дорог.

Охранник грубо схватил меня за руку и отвел обратно в камеру.

На другой день меня и еще двоих человек вывели из камер и отконвоировали на вокзал. Некоторое время мы стояли на месте в окружении милиции. Затем появился взвод солдат, и

отвечавший за нас милиционер подошел к сержанту, который командовал солдатами, и подал ему документ для подписи. В очередной раз мы оказались под охраной русской армии!

Еще одно долгое ожидание, и нас наконец повели на поезд, который отвез нас во Львов, в Польшу.

Унылое место был этот Львов. Пейзаж уродовали торчавшие то здесь, то там нефтяные вышки, из-за интенсивного движения военного транспорта дороги были ужасны. На дорогах работали мужчины и женщины, разбивая камни, засыпая ямы и стараясь удержать душу в теле, сидя на голодном пайке. Двое мужчин, с которыми я ехал от самого Киева, были очень непохожи друг на друга. Яков, злобный человечиска, при каждом удобном случае бросался с доносами к охранникам. Йозеф был совершенно иным, и в случае чего на него можно было положиться. Поскольку ноги у меня никуда не годились и подолгу стоять я не мог, мне велели разбивать камни, сидя у дороги. По-видимому, никто не считал серьезным изъяном мою поврежденную левую руку, едва сросшиеся ребра и легкие. Так я работал целый месяц, рабским трудом еле зарабатывая себе пропитание. Даже работавшим с нами женщинам платили по два злотых за кубометр битого камня. В конце месяца я рухнул на землю, харкая кровью. Увидев, как я свалился на обочине, Йозеф бросился мне на помощь, не обращая внимания на окрики охраны. Один из солдат поднял винтовку и прострелил Йозефу шею, чудом не задев ни одного жизненно важного сосуда. Так мы и валялись у дороги, пока не подъехал на телеге какой-то крестьянин. Охранник остановил его, и нас зашвырнули на груженную льном телегу. Охранник взобрался на козлы, и мы тяжело покатали в тюремную больницу. Много недель я лежал на деревянных нарах, служивших мне постелью, пока тюремный доктор не потребовал, чтобы меня куда-нибудь дели. Он заявил, что я при смерти и у него будут неприятности, если до конца месяца будут еще смертные случаи среди его больных, он и без того уже превысил норму!

В моей больничной камере состоялось необычное совещание между начальником тюрьмы, доктором и старшим охранником.

— Придется вам выехать в Стрый, — сказал начальник. — Там нет таких строгостей, да и местность здоровее.

— Но начальник, — возразил я, — почему я должен уезжать? Я сижу в тюрьме ни за что, так как не совершил никакого преступления. Почему я должен уехать и помалкивать обо всем этом? Я буду каждому встречному рассказывать, как все было сфабриковано.

Много еще было криков и препирательств, и наконец я, заключенный, предложил решение.

— Начальник, — сказал я, — вы хотите, чтобы я убрался отсюда, ради спасения собственной шкуры. Я не допущу, чтобы меня перевели в другую тюрьму и заткнули мне рот. Если вы хотите, чтобы я молчал, позвольте мне и Йозефу Кохино поехать в Стрый как свободным людям. Дайте нам одежду, чтобы мы прилично выглядели. Дайте нам немного денег, чтобы мы купили себе поесть. Тогда мы будем молчать и немедленно отправимся по ту сторону Карпат.

Начальник что-то проворчал, выругался, и все трое бросились прочь из камеры. На другой день начальник вернулся, сказал, что пересмотрел мои бумаги и обнаружил, что я *честный человек*, как он это назвал, которого несправедливо держат в тюрьме. И он сделает так, как я сказал.

Целую неделю ничего не происходило и не было сказано ни слова. В три часа ночи восьмого дня ко мне в камеру вошел охранник, грубо растолкал меня и сказал, что меня вызывают в «контору». Поспешно одевшись, я пошел за охранником. Он открыл дверь и втолкнул меня внутрь. Там сидел другой охранник с двумя стопками одежды и двумя армейскими мешками. На столе стояла еда. Он дал мне знак молчать и подойти поближе.

— Вас повезут в Стрый, — прошептал он. — Как туда приедете, попросите охранника — он

будет один — отвезти вас чуть дальше. Если окажетесь на безлюдной дороге, разоружите его, свяжите и бросьте где-нибудь на обочине. Вы помогли мне, когда я болел, вот я и говорю вам, что вас сговорились убить якобы при попытке к бегству.

Открылась дверь и вошел Йозеф.

— Теперь завтракайте, — сказал охранник, — да побыстрее. Вот немного денег, они вас выручат в дороге.

Сумма была довольно крупная, и мне стал понятен смысл заговора. Начальник тюрьмы собирался заявить, что мы ограбили его и сбежали.

Доев завтрак, мы вышли к машине, которая оказалась джипом с четырьмя ведущими колесами. За рулем сидел угрюмого вида водитель, рядом с ним на сиденье лежал револьвер. Дав нам знак садиться, он выжал сцепление и рванул с места в открытые настежь ворота. Проехав тридцать пять миль — в пяти милях от Стрыя — я решил, что пора действовать. Быстро перегнувшись через спинку, я нанес водителю легкий удар дзюдо по носу, другой рукой одновременно хватая баранку. Охранник повалился, одной ногой упершись в педаль газа. Я поспешно выключил зажигание и подвел машину к обочине. Йозеф смотрел на все это, раскрыв рот. Я торопливо рассказал ему о сговоре против нас.

— Быстрее, Йозеф, — сказал я. — Скидывай свои одежды и надевай его мундир. Придется тебе стать охранником.

— Но Лобсанг, — взвыл Йозеф, — я не умею водить машину, а ты не похож на русского.

Мы оттащили охранника в сторону, я сел на место водителя, завел мотор, и мы поехали дальше, пока не добрались до первой окраинной улочки. Проехав еще немного, мы остановились. Охранник зашевелился, и мы посадили его прямо. К его боку я приставил оружие.

— Охранник, — рявкнул я со всей свирепостью, на какую был способен, — если тебе дорога жизнь, делай, как я скажу. Объедешь Стрый стороной и отвезешь нас в Сколе. Там мы тебя отпустим.

— Я сделаю все, что скажете, — захныкал охранник, — но если вы собираетесь уходить за границу, возьмите и меня с собой, иначе меня расстреляют.

Йозеф сел на заднее сиденье джипа, нежно поглаживая оружие и с тоской поглядывая на затылок охранника. Я сел рядом с водителем на случай, если он вздумает съехать с дороги либо выбросить ключ зажигания. И мы покатали дальше, избегая крупных дорог. По мере приближения Карпат местность становилась все более холмистой. Деревья росли все гуще, обеспечивая надежное укрытие. Выбрав подходящее место, мы остановились, чтобы расправить затекшие ноги и немного перекусить, поделившись своим запасом с охранником. Недалеко от Велико — Березного, оставшись почти без горючего, мы остановили и спрятали джип. Держа между собой охранника, мы крадучись двинулись дальше. Это была приграничная зона, и надо было соблюдать осторожность. Впрочем, всякий, у кого на это есть достаточные основания, может пересечь границу любой страны. Просто здесь требуется несколько больше, чем обычно, изобретательности и предприимчивости. У меня ни разу не было сколько-нибудь серьезных затруднений при нелегальном переходе границы. Затруднения начинались тогда, когда у меня появлялся абсолютно законный паспорт. Паспорта только причиняют неудобства ни в чем не повинному путешественнику, ставя его перед нелепым барьером. Отсутствие паспорта никогда не было помехой тому, кому *необходимо* пересечь границу. Паспорта, по-видимому, все же нужны для того, чтобы донимать безобидных путешественников и держать на работе орды иногда весьма зловредных чиновников.

Но это отнюдь не трактат о том, как нелегально переходить границу, поэтому я лишь скажу, что мы втроем без труда пришли в Чехословакию. Охранник пошел своей дорогой, а мы — своей.

— Мой дом в Левице, — сказал Йозеф, — я пойду домой. А ты можешь оставаться у меня сколько захочешь.

И мы вместе пошли через Кошице, Зволен и дальше в Левице, то пешком, то на попутных машинах, то зайцем на поездах. Йозеф хорошо знал эти края, знал, где можно раздобыть картошки или свеклы либо вообще чего-нибудь съестного.

Под конец мы зашагали по убогой улочке в Левице к маленькому домику. Йозеф постучал и, не дождавшись ответа, постучал снова. С большой осторожностью примерно на дюйм приподнялась занавеска. Нас увидели и узнали Йозефа. Дверь распахнулась настежь, и его втащили внутрь. У меня же перед носом дверь захлопнулась. Я немного походил перед домом. В конце концов дверь открылась и вышел Йозеф с неожиданно озабоченным видом.

— Моя мать не хочет тебя впускать, — сказал он. — Она говорит, что кругом полно шпионов, и если мы впустим кого-нибудь, нас могут арестовать. Мне очень жаль.

С этими словами он стыдливо отвернулся и ушел в дом.

Довольно долго я простоял в полном оцепенении. Ведь это я вытащил Йозефа из тюрьмы, я спас его от смерти. Моими усилиями он добрался сюда, а теперь он отворачивается и бросает меня на произвол судьбы. И я понуро побрел назад по улочке и дальше по бесконечно длинной дороге. Ни денег, ни еды, ни знания языка. Я слепо шагал вперед, подавленный предательством того, кого называл «другом».

Час за часом я брел по обочине шоссе. Из нескольких проехавших автомашин меня даже не удостоили взглядом, слишком много бродяг слонялось по дорогам, чтобы обращать на них внимание. Несколькими милями раньше я немного заглушил голод, стащив пару полусгнивших картофелин, которыми фермер кормил свиней. С питьем проблем не было, потому что местность изобиловала ручьями. Я давно уже усвоил, что мелкие речки и ручьи безопасны для питья, а в крупных реках вода отравлена стоками.

Далеко впереди на прямом отрезке дороги я заметил какой-то массивный предмет. Издалека он был похож на полицейский грузовик или на дорожное ограждение. Несколько минут я просидел на обочине, наблюдая за происходящим. Ни солдат, ни полиции не было видно, и я пошел дальше, правда с большой осторожностью. Подойдя ближе, я увидел человека, копающегося в моторе. Увидев меня, он что-то сказал, но я его не понял. Он повторил то же на другом языке, потом на третьем. Наконец я приблизительно понял, что он говорит. Мотор заглох, а он не может его запустить, не разбираюсь ли я в моторах? Я поглядел, немного покопался в машине, посмотрел на контакты прерывателя и тронул стартер. Бензина был полный бак. Присмотревшись к проводам под капотом, я увидел, что в одном месте изоляция стерлась. Когда грузовик подскочил на ухабе, два оголенных провода замкнулись и отключили зажигание. У меня не было ни изолянта, ни инструментов, но за считанные минуты я обвязал провода полосками ткани и надежно их закрепил. Двигатель заработал с тихим урчанием.

— Что-то тут не так, — подумал я. — Эта машина слишком хороша для старой крестьянской колымаги!

Человек запрыгал от радости. — *Brava, brava*, — восклицал он. — Вы меня спасли!

Я озадаченно на него уставился. Как это я мог его спасти, всего лишь заведя его машину? А он окинул меня внимательным взглядом.

— Я вас уже видел, — сказал он. — Тогда вы вместе с каким-то человеком переходили в Левице по мосту через реку Грон.

— Да, — ответил я. — А теперь я иду дальше один.

Он жестом пригласил меня сесть в машину. По дороге я рассказал ему, что произошло. По его ауре я видел, что это порядочный человек, которому можно доверять.

— Война положила конец моей профессии, — сказал он, — а надо было как-то жить и

содержать семью. Вы разбираетесь в машинах, а мне очень нужен шофер, который не застрянет где-нибудь по дороге. Мы возим продукты и кое-какие предметы роскоши из одной страны в другую. Все, что от вас потребуется, — это крутить баранку и поддерживать машину в рабочем состоянии.

Меня одолели сомнения. Контрабанда? Никогда в жизни этим не занимался. Взглянув на меня, человек сказал:

— Никаких наркотиков, никакого оружия, ничего опасного. Только продукты, чтобы помочь людям выжить, и немного предметов роскоши женщинам на радость.

Мне это показалось странным. Чехословакия не походила на страну, которая могла бы себе позволить экспорт продовольствия и предметов роскоши. Я так и сказал, на что мужчина ответил:

— Вы совершенно правы, все это поступает из другой страны, а мы только переправляем товар дальше. Русские грабят оккупированные страны, вывозя все их имущество. Они набивают целые составы ценными товарами и отправляют горы барахла высшим партийным начальникам. А мы всего лишь перехватываем эти составы с отличным продовольствием, которое потом переправляем в те страны, где оно нужнее всего. В этом участвуют все пограничные службы. Вам надо будет только вести машину, а я буду сидеть рядом.

— Хорошо, — сказал я, — покажите мне ваш груз. Если в нем нет наркотиков, и вообще ничего опасного, тогда я повезу вас, куда скажете. Он рассмеялся и сказал:

— Загляните в кузов. Смотрите сколько хотите. Мой штатный водитель заболел, и я думал, что сам смогу справиться с машиной. А оказалось, что не смогу, потому что ничего не смыслю в механизмах. До того как война лишила меня работы, я был довольно известным юристом в Вене.

Я хорошенько порылся в кузове. Как он и сказал, там были только продукты и немного шелковых штучек, которые носят женщины.

— Я удовлетворен, — сказал я. — Я повезу вас.

Он уступил мне место водителя, и мы тронулись в путь через Братиславу в Австрию, через Вену и Клагенфурт и наконец в Италию, где наше путешествие закончилось в Вероне. Пограничники останавливали нас, устраивали спектакль с досмотром товаров, но стоило сунуть им в руки небольшой пакетик, и они отпускали нас на все четыре стороны. Однажды нас обогнала полицейская машина и резко остановилась прямо перед нашим носом, заставив меня буквально встать на тормоза. К нам бросились двое полицейских с оружием в руках. Но после предъявления каких-то документов они в смущении отступили, бормоча бесконечные извинения. Мой новый работодатель, похоже, был мною очень доволен.

— Я могу связать вас с человеком, который перегоняет грузовики в Швейцарию, в Лозанну, — сказал он, — и если он будет вами доволен так же, как и я, то сведет вас с человеком, который поможет вам добраться до Людвигсхафена в Германии.

Целую неделю мы бездельничали в Венеции, пока выгружался один товар и грузился другой. К тому же мы хотели передохнуть после утомительного рейса. Для меня Венеция оказалась ужасным местом, в этой низко расположенной местности мне было очень трудно дышать. Словом, мне этот город показался открытым канализационным стоком.

Из Венеции уже на другом грузовике мы отправились в Падую, Виченцу и Верону. Все чиновники относились к нам как к благодетелям общества, и я недоумевал, кто же такой на самом деле мой работодатель. По его ауре, а ведь аура никогда не лжет, было очевидно, что он *хороший* человек. Я ни о чем его не расспрашивал, поскольку меня это не особенно интересовало. Все, что мне было нужно, — это двигаться дальше, продолжая выполнять задание своей жизни. Как я знал, его выполнение не может начаться, пока я не осяду в каком-нибудь месте, прекратив скитания из одной страны в другую.

Однажды в мою комнату в веронском отеле вошел мой работодатель.

— Есть один человек, с которым я хочу вас познакомить. Ближе к вечеру он придет сюда. Ах да, Лобсанг, лучше бы вам сбрить бороду. Американцам, похоже, не нравятся бороды, а этот человек американец, который занимается восстановлением грузовиков и легковых автомобилей и перегоняет их из одной страны в другую. Так как насчет бороды?

— Сэр, — ответил я, — если американцам или кому бы то ни было не нравятся бороды, это их личное дело. У меня переломана челюсть от ударов японских сапог, и бороду я ношу, чтобы скрыть следы травмы.

Мой работодатель поговорил со мной еще немного и перед тем, как расстаться, вручил мне вполне приличную сумму, говоря, что, поскольку свою часть сделки я выполнил, теперь его очередь выполнить свою.

Американец оказался довольно развязной личностью с огромной сигарой в толстых губах. На зубах красовалось множество фальшивых золотых коронок, а одежда просто поражала аляповатостью. Его сопровождала крашенная блондинка, чье одеяние едва прикрывало те части тела, которые, согласно западным обычаям, должны быть скрыты от людских глаз.

— Гля-я-ди-ка, — взвизгнула она, увидев меня. — Какой красавчик! Прямо *куколка!*

— Да заткнись ты, Бэби, — сказал ее содержатель. — Смотайся проветриться. У нас дело.

Надув губки и вильнув бедрами так, что в комнате все затряслось, а прозрачная ткань на ее теле опасно натянулась, «Бэби» бросилась вон из комнаты на поиски выпивки.

— Нам надо перегнать один шикарный «мерседес», — сказал американец. — Здесь его не продашь, зато в другой стране за него можно отхватить кучу денег. В свое время он принадлежал одному из бонз Муссолини. Мы его реквизировали и перекрасили. В Германии, в Карлсруэ, у меня есть первосортный клиент. Если мне удастся перегнать туда машину, я сорву солидный куш.

— А почему вы не поведете машину сами? — спросил я. — Ни Швейцарии, ни Германии я не знаю.

— Вот еще, стану я садиться за руль! Я так примелькался на всех границах, что меня все там знают, как облупленного.

— И теперь вы хотите подставить *меня*. — возразил я. — Я прошел слишком далекий и опасный путь, чтобы теперь влипнуть в какую-то историю. Нет, такая работа мне не подходит.

— Послушай, парень! Для тебя это дело верное, с виду ты мужик порядочный, а я обеспечу тебя документами, где будет сказано, что это твоя машина, а сам ты турист. Все бумаги я беру на себя.

Он порывлся в своем большом бумажнике и подsunул мне под нос целую кипу бумаг и бланков. Я скользнул по ним равнодушным взглядом. *Судовой механик!* Я увидел, что это документы на имя судового механика. Профсоюзный билет и все остальное было на месте. Судовой механик! Если мне удастся заполучить эти документы, я мог бы попасть на какое-нибудь судно. В Нунцие я изучал не только медицину и хирургию, но и инженерное дело; я получил степень бакалавра технических наук, к тому же я вполне квалифицированный летчик... голова у меня пошла кругом.

— Ну, я не рвусь за этой работой, — сказал я. — Слишком рискованно. На этих документах нет моей фотографии. Откуда мне знать, что их настоящий владелец не всплывет в самый неподходящий момент?

— Этот тип умер, умер и похоронен. Он крепко напился и погнал свой «фиат» на большой скорости. Думаю, по пути он просто заснул; словом, он размазался по ограждению бетонного моста. Мы об этом разузнали и стащили его документы.

— А если я дам согласие, сколько вы мне заплатите, и смогу ли я оставить себе эти бумаги?

Они помогут мне пересечь Атлантику.

— Само собой, приятель, само собой. Я тебе дам две с половиной сотни зеленых и возьму на себя все расходы, а бумаги можешь оставить себе. Вместо его фотографий мы наклеим твои. Связи у меня есть. Я все сделаю *как надо!*

— Отлично, — сказал я, — тогда я перегоню для вас машину в Карлсруэ.

— Возьми с собой эту девку, она составит тебе компанию, а я наконец сбдуду ее с рук. У меня уже есть свеженькая на очереди.

Некоторое время я обалдело смотрел на него. А он, по-видимому, неверно понял выражение моего лица.

— А, ну да. Девочка сгодится на все. Ты получишь море удовольствия.

— *Нет!* — воскликнул я. — Эту женщину я с собой не возьму. Я с ней даже в машину не сяду. Если вы мне не доверяете, то лучше откажитесь от сделки или пошлите со мной мужчину или даже двоих мужчин, но только не женщину.

Откинувшись на стуле, он расхохотался во все горло; блеск золотых коронок напомнил мне Золотые Святые, выставленные в храмах Тибета. Его сигара упала на пол и погасла в туче искр.

— Эта дамочка, — сказал он, когда справился с приступом смеха, — она обходится мне в пятьсот зеленых в неделю. Я предлагаю тебе взять ее в поездку с собой, а ты отказываешься. Нет, это что-то!

Через два дня все документы были готовы. На них была наклеена моя фотография, а свои люди из чиновной братии тщательно их проверили и проставили необходимое количество официальных печатей. Огромный мерседес сверкал в лучах итальянского солнца. Я как всегда проверил уровень горючего, масла и воды, сел в машину и запустил двигатель. На прощанье американец дружески помахал мне рукой.

Чиновники на швейцарской границе подвергли весьма дотошной проверке предъявленные мною документы. Затем их внимание переключилось на машину. Топливный бак был проверен щупом на предмет двойного дна, весь корпус обстучали, дабы убедиться, что ничего не спрятано под металлической обшивкой. Двое пограничников заглянули под днище, под капот и даже в мотор. Когда получив разрешение, я стал отъезжать, позади меня раздались крики. Я поспешно затормозил. Ко мне впопыхах подбежал пограничник.

— Не подвезете ли вы человека до Мартины? — спросил он. — Он едет по какому-то срочному делу и очень спешит.

— Да, — ответил я, — я подвезу его, если он готов выехать немедленно.

Пограничник махнул рукой, и от здания пограничной службы к нам поспешил какой-то человек. Слегка поклонившись, он сел в машину рядом со мной. По его ауре я видел, что это чиновник и что настроен он подозрительно. Он явно недоумевал, почему я путешествую один, без подружки.

Сам он оказался очень разговорчивым человеком, однако не пожалел времени и основательно надоел мне своими вопросами. Вопросами, на которые я мог ответить.

— Никаких женщин, сэр? — спросил он. — Но это так необычно. Может, у вас интересы иного рода? В ответ я рассмеялся и сказал:

— Все вы только и думаете, что о сексе. Если человек путешествует один, вы считаете его «гомиком», словом, кем-то таким, к кому надо относиться с подозрением. А я турист, я осматриваю окрестности, и женщин могу увидеть повсюду.

В его направленных на меня глазах появилось некоторое понимание, и я сказал:

— Я расскажу вам одну историю, которая, насколько мне известно, истинна. Это несколько иной вариант истории Эдемского сада.

«На протяжении всей истории во всех великих религиозных трудах мира встречаются

повествования, в которые одни просто верят, а другие, вероятно обладающие большей интуицией, считают легендами, то есть легендами, призванными скрыть некое знание, которое ни в коем случае не должно попасть в руки личности случайной, ибо это знание в таких руках может оказаться опасным.

Такова история или легенда об Адаме и Еве в Саду Эдема, в которой Ева поддалась искушению змия и съела плод от Древа Познания, а поддавшись этому искушению и вкусив плод от Древа Познания, Адам и Ева взглянули друг на друга и увидели, что оба наги. Заполучив это запретное знание, они были изгнаны из Эдемского сада.

Сад Эдема — это, конечно, та блаженная страна неведения, в которой никто ничего не боится, ибо ничего не понимает, и где человек, ни дать ни взять, не более чем кочан капусты. Но вот вам более эзотерическая версия этой истории.

Мужчина и женщина — это не просто масса протоплазмы, плоть, держащаяся на костном скелете. Человек есть или может быть чем-то гораздо большим. Здесь, на этой Земле, все мы всего лишь марионетки нашей Высшей Сущности, той Высшей Сущности, которая временно пребывает в астрале и приобретает опыт с помощью живой плоти, то есть марионеток, этих орудий астрала.

Физиологи расчленяют человеческое тело и все сводят к массе плоти и костей. Они могут говорить то об одной кости, то о другой, они могут говорить о различных органах, но все это суть предметы материальные. Они не открыли, да и не пытались открыть вещей более сокровенных, того, что индусы, китайцы и тибетцы знали за многие века до зарождения христианства.

Позвоночник является чрезвычайно важной частью организма. В нем заключен спинной мозг, без которого человек становится совершенно неподвижным, совершенно бесполезным существом. Но значение позвоночника гораздо серьезнее. В самом центре спинного мозга находится ствол, уходящий в иное измерение. Это и есть тот ствол, по которому путешествует в случае пробуждения сила, известная под именем Кундалини. В основании позвоночника находится то, что на Востоке именуется Огнем Змея. Здесь гнездится сама Жизнь.

У обычного жителя Запада эта великая сила пребывает в глубокой спячке, почти парализованная от бездействия. Собственно говоря, она чем-то и похожа на змею, свернувшуюся в основании позвоночника, змею огромной силы, которая по разным причинам не может в данный момент вырваться из заточения. Этот мифический образ змеи известен как Кундалини, и у пробудившихся людей Востока сила змеи может воспрянуть по стволу спинного мозга, подняться до самого разума и дальше, дальше, в астрал. Поднимаясь, эта могущественная сила активизирует все чакры или центры силы, такие, как пупок, горло, и прочие энергетические центры.

Когда эти центры пробуждаются, человек преисполняется жизни, приобретает мощь и влияние.

Полностью контролируя эту силу змеи, человек может достичь почти всего. Можно сдвигать горы или ходить по воде, летать по воздуху или позволить зарыть себя в землю в наглухо запечатанной камере и выйти из нее в любой момент живым и невредимым.

Итак, легенда гласит, что Ева поддалась искушению змия. Иными словами, Ева каким-то образом узнала о Кундалини. Она смогла высвободить силу змеи, свернувшейся в основании ее позвоночника, которая взмыла вверх по стволу спинного мозга, пробудила ее разум и дала ей знание. А в легенде можно сказать, что она вкусила плод от Древа Познания. Получив это знание, она получила способность видеть ауру, излучение силы, окружающее человеческое тело. Она увидела ауру Адама, его мысли и желания, а у Адама, искушенного Евой, пробудилась его собственная Кундалини, и он тоже увидел Еву такой, как она есть.

Истина заключается в том, что один созерцал ауру другого, видя его обнаженную астральную форму, форму, лишенную телесной оболочки, и видел таким образом все его мысли, все желания, все познания, а это не должно было произойти на стадии эволюции Адама и Евы.

С древних времен священнослужители знали, что при определенных условиях можно было видеть ауру, они знали, что Кундалини можно пробудить с помощью секса. Поэтому в древние времена священники проповедовали, что секс греховен, что секс лежит в корне всякого зла, а из-за того, что Ева соблазнила Адама, секс стал причиной грехопадения мира. Они проповедовали это, поскольку иногда, как я уже сказал, секс может пробудить Кундалини, дремлющую у большинства людей в основании позвоночника.

Сила Кундалини, эта громадная сила, таится, свернувшись кольцами подобно часовой пружине. И так же, как часовая пружина, внезапно развернувшись, она может нанести вред. Эта своеобразная сила помещается в основании позвоночника, а часть ее — фактически в органах размножения. Люди Востока признают это; некоторые индусы используют секс в своих религиозных церемониях. Они применяют различные формы проявлений секса и различные позиции в сексе для достижения вполне определенных результатов, и они достигают этих результатов. Многие столетия назад древние поклонялись сексу. Они создали фаллический культ. В храмах исполнялись определенные обряды, возбуждавшие Кундалини, что наделяло человека ясновидением, телепатией и многими иными эзотерическими способностями.

Секс, применяемый правильно и в любви, может вызвать у человека определенные вибрации. Он может привести к тому, что люди Востока называют раскрытием Цветка Лотоса и вхождением в мир духа. Он может привести к тому, что Кундалини взлетит вверх и пробудит определенные центры. Но ни сексом, ни Кундалини никогда нельзя злоупотреблять. Одно должно дополнять и замещать другое. Религии, утверждающие, что между мужем и женой не должно быть секса, трагически неправы. А такое нередко проповедуется многими сомнительными ответвлениями христианства. Католики более близки к истине, когда советуют мужу и жене вступать в сексуальный контакт, но католики проповедуют это слепо, не ведая почему, и считая это всего лишь необходимым для продолжения рода, что не является главной целью секса, хотя многие и убеждены в обратном.

Религии, утверждающие, что человек не должен иметь сексуального опыта, пытаются таким образом подавить эволюцию личности и эволюцию расы. Вот механизм его действия. В магнетизме можно получить мощный магнит, выстраивая молекулы вещества в одном направлении. Обычно в куске железа, например, молекулы направлены в разные стороны, словно неорганизованная толпа. Они разбросаны как попало, но стоит приложить к ним определенную силу (в случае с железом — магнитное поле), как все молекулы выстраиваются в одном направлении, и получается великая сила магнетизма, без которой не было бы ни радио, ни электричества, без которой не было бы ни автомобилей, ни железных дорог, да и самолетов тоже.

Когда Кундалини пробуждается в человеке, когда оживает Огонь Змея, — все молекулы тела, повинувшись силе Кундалини, выстраиваются в одном направлении. И тогда человеческое тело наполняется жизнью и здоровьем, приобретает могущество познания и может видеть все.

Существуют различные способы пробуждения Кундалини, но делать этого не следует никому, за исключением тех, кто достаточно развит, ибо громадная сила, власть и влияние на других, которое может дать полное пробуждение, могут быть использованы в недобрых целях. Однако Кундалини может быть пробуждена лишь частично и оживить определенные центры через любовь между супругами. В истинном экстазе близости многие молекулы тела выстраиваются в одном направлении, и тогда эти люди становятся людьми большой динамической силы.

Когда будут отброшены прочь ложная стыдливость и ложные учения о сексе, Человек снова воспрянет как великое существо и снова сможет занять свое место среди путешественников к звездам».

Глава 5

В Америку

Машина с ровным гудением мощно неслась через горные перевалы. Мой пассажир молча сидел рядом, лишь изредка заговаривая о поразительной красоте мест, мимо которых мы проезжали. Мы уже приближались к окрестностям Мартиньи, когда он сказал:

— Как человек проницательный, вы наверняка догадались, что я государственный чиновник. Вы доставите мне большое удовольствие, отобедав со мной.

— Буду очень рад, сэр, — ответил я. — Я собирался ехать без остановки до Эгля, но могу заночевать и в этом городе.

И мы поехали дальше, следуя его указаниям, пока не прибыли в отличный отель. Мои вещи внесли в номер, я отвел машину в гараж и распорядился насчет технического обслуживания.

Обед был отмененный, мой бывший пассажир, а теперь хозяин, оказался интересным собеседником, избавившись от прежней подозрительности в мой адрес. Руководствуясь старым тибетским принципом «кто больше слушает, тот больше узнает», я полностью уступил ему инициативу в разговоре. А он пустился в рассуждения о различных таможенных инцидентах и рассказал один недавний случай, когда в дорогом автомобиле были обнаружены тайники с наркотиками.

— Я самый обыкновенный турист, — сказал я, — и крайне нетерпимо отношусь к наркотикам. Велите осмотреть мою машину, чтобы убедиться, нет ли в ней тайников. Вы ведь только что рассказали мне о случае, когда тайники были устроены без ведома владельца машины.

По моему настоянию автомобиль отвели в местный полицейский участок и оставили там на ночь для осмотра. Наутро меня встретили как старого надежного друга. Они обследовали каждый дюйм моей машины и не нашли к чему придраться. Швейцарская полиция, как я убедился, была весьма вежлива, доброжелательна и всегда с готовностью приходила туристу на помощь.

И я поехал дальше, наедине со своими мыслями, раздумывая над тем, что уготовано мне в будущем. Новые невзгоды и лишения, уж это я знал наверняка, ибо все Пророки буквально втемяшили мне это в голову! Позади меня в багажнике лежали вещи человека, чьи документы стали теперь моими. У него не было никакой родни. Как и я, он, похоже, был один на всем свете. В его — а теперь моих — чемоданах было несколько книг по судовой механике. Я остановил машину, достал сборник инструкций и стал по дороге заучивать различные правила и наставления, которые должен знать судовой механик. Трудовая книжка должна была подсказать мне, каких пароходных компаний следует избегать, чтобы не быть узанным.

Миля за милей сматывались в клубок. Эгль, Лозанна, затем через границу в Германию. Немецкие пограничники придирчиво проверили все вплоть до номеров двигателя и шасси. Они также отличались суровостью и полным отсутствием юмора.

И снова в путь. В Карлсруэ я направился по имевшемуся у меня адресу, где мне сказали, что нужный человек сейчас в Людвигсхафене. Поэтому я поехал дальше в Людвигсхафен и там в самом лучшем отеле нашел своего американца.

— Здорово, приятель, — сказал он, — я бы не смог провести эту машину по горным дорогам, нервишки у меня слабоваты. Думаю, от выпивки.

Я тоже так «подумал». Его номер в отеле походил на отлично оснащенный бар со своей барменшей! Этой было что показать, причем гораздо больше, чем той, которую он бросил в

Италии. Она и делала это с большим удовольствием. В голове у нее держались только три вещи, — немецкие марки, выпивка и секс, именно в таком порядке. Американец остался очень доволен состоянием машины — ни единой царапины, ни пятнышка грязи. Свою признательность он выразил довольно значительной суммой в долларах.

Три месяца я работал у него, перегоняя огромные грузовики в разные города и приводя машины для восстановительного ремонта или полной реконструкции. В чем там было дело, я не знал, как не знаю и до сих пор, но мне хорошо платили, и у меня было время на изучение книг по судовой механике. В разных городах я заходил в местные музеи и внимательно изучал модели судов и судовых двигателей.

Спустя три месяца американец пришел в убогую комнатуху, которую я снимал, и плюхнулся на мою постель, дымя вонючей сигарой.

— Здорово, приятель, — сказал он. — Сразу видно, что тебе плевать на всякие там удобства! Американская тюремная камера намного удобнее, чем эта твоя конура. Есть для тебя одна работа, большая работа. Возьмешься?

— Если она довезет меня поближе к морю, в Гавр или Шербур, — сказал я.

— Ну, она довезет тебя в Верден, причем все будет по закону. Есть тут у меня одна тачка, у которой больше колес, чем ног у сороконожки. Любого водителя с ума сведет. Но денег за нее отвалют — будь здоров.

— Расскажите подробнее, — ответил я. — Я ведь говорил, что могу управлять любым транспортом. Есть ли у вас разрешение на въезд во Францию?

— А как же, — сказал он. — Я три месяца дожидался этих бумаг. Все это время мы держали тебя наготове, позволяя лишь немного подработать на карманные расходы. Вот никогда бы не подумал, что ты живешь в такой дыре, как эта.

Поднявшись, он знаком велел мне следовать за ним. У дверей дома стояла его машина, само собой, укомплектованная подружкой.

— Садись за руль, — сказал он, плюхнувшись на заднее сиденье рядом с женщиной. — Я скажу, куда ехать.

Мы прикатили на какой-то заброшенный аэродром на окраине Людвигсхафена. Там в огромном ангаре стояла самая странная машина, какую я когда-либо видел. Похоже, она сплошь состояла из балок, поддерживаемых длинным рядом восьмифутовых колес. До нелепости высоко над землей помещалась застекленная кабинка водителя. В хвостовой части всей этой конструкции находился целый ряд решетчатых балок и внушительный стальной ковш. Я неуверенно взобрался на сиденье.

— Послу-ушай, — крикнул мне американец, — а инструкция тебе не нужна? — И встав на цыпочки, он передал мне инструкцию по эксплуатации всей этой машинерии. — Был у меня один парень, — сказал он, — который перегонял машину для подметания улиц, совсем новенькую. Он, видите ли, не пожелал прочесть инструкцию и, добравшись до места назначения, обнаружил, что подметал щетками всю дорогу и стер их до ручки. А мне вовсе не хочется, чтобы ты разворотил всю дорогу отсюда до Вердена.

Наскоро просмотрев книжку, я запустил двигатель. Он взревел, словно самолет на старте. Я неуверенно выжал сцепление, и слоноподобная машина медленно выползла из ангара и покатила дальше по тому, что было прежде взлетной полосой. Несколько раз я проехался вперед и назад, чтобы привыкнуть к ручкам управления, и только начал разворачиваться к ангару, как к нам подъехала машина немецкой полиции. Из нее вылез полицейский, довольно свирепого вида тип, словно совсем недавно снявший значок гестапо.

— Вы управляете этой машиной без помощника, — рявкнул он. «Помощника? — подумал я. — Он что, думает, что мне необходим *смотритель?*» И я подъехал к нему поближе.

— Эй, ты, чего суешься не в свое дело? — заорал я. — Это частная собственность. *Пошел вон!* — К моему полному изумлению он так и сделал! Сел в машину и выехал с территории.

Американец подошел к нему.

— Какая муха тебя укусила, парень? — спросил он.

— Я приехал сказать вам, что выводить эту машину на шоссе можно только при наличии помощника, который должен следить за обгоняющим вас транспортом. Ехать можно только в ночное время, если вас не сопровождает одна полицейская машина впереди и одна сзади.

На секунду мне показалось, что он вот-вот крикнет «Хайль Гитлер!». Но на этом он отвернулся, сел в машину и покатил прочь.

— Вот это да, — сказал американец. — Куда там твои петушинные бои. Во дает! У меня есть один немец по имени Людвиг, который...

— Э, нет, — с жаром возразил я. — Только не немец. Слишком они занудный народ.

— О'кей, парень, о'кей. Ладно, никакой немчуры. Ты полегче, не злись. Есть тут один французишка, который тебе понравится. Марсель. Лады? Сейчас мы его разыщем.

Я загнал машину в ангар, тщательно проверил, все ли механизмы выключены, и спокойно выйдя из ангара, запер дверь.

— Ты что, вообще никогда не заводишься? — спросил американец. — Садись-ка ты за руль и поехали.

Марселя пришлось выуживать из бара. С первого взгляда мне показалось, что на его физиономию когда-то наступила лошадь. Второй взгляд убедил меня в том, что его лицо только *выиграло бы*, если бы на него действительно наступила лошадь. Марсель был по-настоящему *уродлив*. Болезненно уродлив, но в то же время было в нем что-то такое, что показалось мне располагающим. Мы немного посидели в машине, договариваясь насчет условий, потом я вернулся к своей машине, чтобы лучше ее освоить. Пока я с грохотом гонял эту громадину по полю, подъехала старая потрепанная легковушка. Из нее, отчаянно махая руками, выскочил Марсель. Я притормозил и остановился возле него.

— Достал, достал! — возбужденно завопил он.

Бурно жестикулируя, он полез в свою машину и чуть не разворотил себе череп о низкую крышу. Потирая голову и бормоча жуткие проклятия в адрес тех, кто производит маленькие автомобили, он порылся на заднем сиденье и вытащил на свет Божий большую коробку.

— Переговорное устройство, — выкрикнул он. Он вообще всегда кричал, даже когда стоял всего в нескольких дюймах от собеседника.

— По нему мы разговариваем, да? Ты там, я здесь, между нами провод, мы все время говорим. Хорошо? — Не переставая орать во весь голос, он вскарабкался на землеройную машину, таща за собой провода и разные детали. — Тебе будут наушники, нет? — вопил он. — Теперь ты меня лучше слышишь. Меня. А у меня микрофон. — Послушав весь этот поднятый им шум, я пришел к выводу, что мы замечательно обойдемся и без переговорного устройства. Его голос отлично перекрывал рев мощного двигателя.

Я снова начал гонять машину туда-сюда, отрабатывая повороты, понемногу с ней осваиваясь. Марсель, не прекращая болтовни, носился по машине из конца в конец и прикручивал провода к балкам. Подойдя к моей «боевой рубке», он сунул руку в открытое окно, треснул меня по плечу и проревел:

— Надень наушники, да? Ты так хорошо слышишь. Подожди, я иду назад!

Он скользнул по балкам, хлопнулся на свое сиденье в хвостовой части машины и заорал в микрофон:

— Ты хорошо меня слышишь? Да? Я иду!

От избытка чувств он забыл, что у меня тоже есть микрофон. Не успел я сообразить, что к

чему, как он уже снова колотил кулаком в стекло:

— Хорошо? Хорошо? Ты хорошо слышишь?

— Вот что, — сказал американец. — Стартуйте-ка, парни, сегодня вечером. Вот вам все бумаги. Марсель знает, как тебе добраться до Парижа, подзаработав по дороге денег. Рад был иметь с тобой дело.

И американец навсегда ушел из моей жизни. Возможно, он прочтет эти строки и свяжется со мной через издателей. Я ушел в свою уединенную каморку. А Марсель направился в местное увеселительное заведение. Весь остаток дня я проспал.

С наступлением темноты я поужинал и на такси добрался до ангара. Свой багаж, урезанный до необходимого минимума, я затолкал за спинку сиденья. Двигатель запущен, давление в норме. Топливомер показывает полный бак. Фары в порядке. Я вывел машину из ангара и немного погонял по кругу, чтобы прогреть. Луна поднималась все выше. А Марселя и близко не было. Выключив мотор, я спустился на землю и стал ходить возле машины. После долгого ожидания на аэродроме появилась машина, и из нее вышел Марсель.

— Вечеринка, — заорал он. — Прощальная вечеринка. Теперь едем, да?

Не скрывая раздражения, я снова завел мотор, включил мощные фары и выехал на дорогу. Марсель так горланил, что я повесил наушники на шею и постарался о нем забыть. Я проехал уже порядочный кусок дороги, когда передо мной резко затормозила полицейская машина.

— Ваш наблюдатель заснул. Продолжая ехать без наблюдателя, вы нарушаете правила.

Подбежал Марсель:

— Л? Сплю? Вы, должно быть, плохо видите. Только из-за того, что я уселся поудобнее, вы начинаете придирааться.

Полицейский подошел поближе и принялся к моему дыханию.

— Да нет, он святой, — сказал Марсель. — Он вообще не пьет. И с бабами не водится, — подумав, добавил он.

— Ваши документы! — потребовал полицейский. Он придиричиво проверил их, стараясь хоть за что-нибудь зацепиться. Потом он увидел мои американские документы судового механика.

— Так. Значит, вы американец? Ладно, с вашим консулом мы связываться не станем. Поезжайте. И сунув мне в руки документы так, словно они были заражены чумой, он поспешно сел в машину и уехал. Сказав Марселю все, что я о нем думаю, я отправил его на место, и мы продолжили наш ночной рейс. При двадцати милях в час, той скорости, с которой нам было велено ехать, семьдесят миль до французской границы казались бесконечными. Не доезжая до Саарбрюкена, мы остановились, съехали на обочину, чтобы не мешать движению, и приготовились к дневному отдыху. Подкрепившись, я взял документы и пошел в местный полицейский участок за разрешением на пересечение границы. Затем, по боковым дорогам, в сопровождении полицейских мотоциклистов мы доползли до таможенного поста.

Вступив в разговор с соотечественниками, Марсель оказался в своей стихии. Как следовало из его речей, они вдвоем с одним таможенником, участвуя в Сопротивлении, почти в одиночку выиграла всю войну! После проверки документов нам разрешили въехать на территорию Франции. Дружок Марселя из таможни увел его на весь день к себе в гости, а я уснул, свернувшись калачиком у машины.

Было уже очень поздно, когда Марсель вернулся под конвоем двух французских полицейских. Подмигнув мне, они привязали его, мертвецки пьяного, к сиденью и бодро помахали мне на прощание. Подо мной мощно взревел мотор, и я помчался сквозь тьму, а где-то в хвосте машины болтался на своем месте пьяный «наблюдатель». Приходилось все время быть настороже, на случай, если где-нибудь затаилась полицейская машина. Одна все-таки

стремительно подъехала, полицейский, высунувшись из окна, сделал презрительный жест в адрес Марселя, приветственно помахал мне рукой, и машина понеслась дальше.

Только оставив позади Мец и видя, что Марсель не подает признаков жизни, я съехал на обочину, спустился из кабины на землю и подошел взглянуть, как он там. Он крепко спал. Никакие толчки и встряхивания не помогли, и я поехал дальше. С рассветом я уже катил по улицам Вердена к большому автопарку, который был местом моего назначения.

— Лобсанг, — послышался из-за моей спины сонный голос. — Если ты сейчас не тронешься в путь, мы опоздаем.

— Опоздаем? — сказал я. — *Да мы уже в Вердене!*

Повисло гробовое молчание. И за ним взрыв:

— *Верден?*

— Послушай, Марсель, — сказал я. — Тебя приволокли ко мне пьяного в стельку. Тебя привязали ремнями к сиденью. Мне досталась вся работа, мне пришлось самому отыскивать дорогу. Так вот теперь ты валяй, принеси мне завтрак. Да пошевеливайся.

С видом понесшего несправедливое наказание, Марсель засеменял куда-то вниз по улочке и некоторое время спустя принес мне завтрак.

Пять часов спустя к нам подкатил на стареньком «рено» невысокого роста загорелый человек. Не сказав ни слова, он придирчиво осмотрел машину со всех сторон, выискивая царапины или хоть какой-нибудь повод для претензий. Его густые брови сдвинулись в сплошную линию над носом, который, похоже, был в свое время сломан и плохо выправлен. Наконец он подошел к нам.

— Кто из вас водитель?

— Я, — ответил я.

— Отгонишь ее обратно в Мец, — сказал он.

— Нет, — был мой ответ, — мне заплатили за то, чтобы я доставил ее сюда. В документах сказано, что место назначения здесь. Я с этим делом покончил.

Его физиономия побагровела от ярости, и к моему ужасу он вытащил из кармана пружинный нож. Я без особого труда разоружил его, нож перелетел через мое плечо, а загорелый тип повалился на спину. К своему удивлению я, оглянувшись, увидел, что вокруг собралась толпа рабочих.

— Он свалил босса, — сказал один из них. — Должно быть, он захватил его врасплох, — пробормотал другой.

Загорелый тип рывком вскочил на ноги, словно резиновый мячик. Бросившись в цех, он схватил стальной прут с загнутым концом, что-то вроде фомки для открывания деревянных ящичков, и с руганью понесся на меня, целясь мне в горло. Я упал на колени, схватил его колени и резко толкнул. Издав страшный вопль, он упал на землю со сломанной левой ногой. Стальной прут вывалился из онемевшей руки, покатился по земле и с лязгом ударился о какую-то железку.

— Ну, босс, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Ты ведь не мой босс, верно? А теперь вежливенько извинись, не то я врежу тебе еще раз. Ты пытался меня убить.

— Позовите врача, позовите врача, — простонал он. — Я умираю.

— Сначала извинись, — свирепо скомандовал я, — иначе тебе понадобится гробовщик.

— Что здесь происходит? *Эй! Что здесь такое?* — двое французских полицейских, растолкав толпу, воззрились на валявшегося на земле «босса» и расхохотались во все горло. — Ха! Ха! — ревел один. — Наконец-то и ты нарвался на того, кто сильнее тебя! Одно это стоит всех хлопот, которые мы с ним имели.

Полицейские посмотрели на меня не без уважения и потребовали предъявить документы. Удовлетворившись увиденным и выслушав показания свидетелей, они повернулись и ушли.

Бывший босс со слезами боли в глазах принес извинения, после чего я поставил на место сломанные кости и закрепил ногу в шине, наскоро сделанной из двух оторванных от упаковочного ящика досок. Марсель уже давно исчез. Он сбежал подальше от неприятностей, да и вообще из моей жизни.

Два мои чемодана были довольно тяжелы. Забрав их из машины, я вышел на улицу, начиная новый этап пути. Снова я был без работы и не знал, где ее найти. От Марселя с его проспиртованными мозгами оказалось мало толку. Верден в тот момент несколько меня не привлекал. Остановивая одного прохожего за другим, я стал расспрашивать, как дойти до вокзала, чтобы оставить там свои чемоданы. Каждый почему-то упорно считал, что мне лучше пойти осмотреть поля сражений, чем разыскивать вокзал. Но в конечном счете мне удалось получить нужные указания, и я побрел по улице Пуанкаре, часто останавливаясь передохнуть и раздумывая, что бы такое выбросить из чемоданов, чтобы сделать их хоть чуточку легче. Книжки? Нет, их я должен беречь, как зеницу ока. Обмундирование моряка торгового флота? Без него тоже не обойтись. И с большой неохотой я вынужден был признать, что с собой у меня только самое необходимое. Вот и площадь Швер. Повернув направо, я вышел на набережную Республики. Глядя на движение судов по реке Мез и заинтересовавшись некоторыми из них, я решил присесть и отдохнуть. Мимо меня бесшумно скользнул «ситроен», притормозил и остановился неподалеку. Высокий темноволосый человек некоторое время изучал меня взглядом, после чего вышел из машины. Подойдя ко мне, он сказал:

— Вы тот самый человек, которого мы должны благодарить за взбучку, преподанную «боссу»?

— Да, это я, — ответил я. — Ему еще мало? Мужчина рассмеялся и сказал:

— Многие годы он держал в страхе всю округу, даже полиция его побаивалась. Он говорит, что совершал подвиги на войне. А вам, стало быть, теперь нужна работа?

Прежде чем ответить, я окинул собеседника внимательным взглядом.

— Да, нужна, — сказал я, — если она законная!

— Работа, которую я хочу вам предложить, *более чем* законная. — Он помолчал немного и улыбнулся. — Видите ли, я знаю о вас все. Марселю было велено привести вас ко мне, но он сбежал. Я знаю и о вашем путешествии через Россию, и о дальнейших скитаниях. Марсель доставил мне письмо от «американца», а потом удрал от меня так же, как и от вас.

Вот это сеть, подумал я. Впрочем, утешил я себя, эти европейцы улаживают свои дела несколько иначе, чем мы это делаем на Востоке.

Человек сделал мне знак рукой:

— Укладывайте свои чемоданы в машину, мы с вами поедем пообедать и за обедом все обсудим.

Что ж, вполне здравая мысль. По крайней мере, на какое-то время я избавлюсь от этих чудовищных чемоданов. Я с радостью уложил их в багажник, а сам уселся рядом с водителем. Он поехал в отель «Кок Арди», один из самых лучших в городе, где его, по-видимому, хорошо знали. После многих восклицаний по поводу моих скромных запросов в части напитков, он перешел к делу.

— Есть две весьма пожилые дамы, одной восемьдесят четыре года, другой — семьдесят девять, — начал он рассказ, внимательно оглядевшись по сторонам. — Они очень хотят поехать к сыну одной из них, который живет в Париже. Они боятся бандитов — страхи у стариков — дело обычное, к тому же они пережили две ужасные войны, и им нужен крепкий толковый человек, который смог бы их защитить. Они готовы хорошо заплатить.

Женщины? Старые женщины? Это лучше, чем молодые, подумал я. Но вся затея была мне все же не слишком по душе. И тут я вспомнил о своих тяжелых чемоданах. Подумал, что мне

надо как-то добраться до Парижа.

— Это довольно щедрые старушки, — продолжал мой собеседник. — Есть только один недостаток. Вы не должны превышать тридцати пяти миль в час.

Я незаметно окинул взглядом большой зал ресторана. *Есть две старушки!* Сидят через три столика от нас. Святой Зуб Будды, — сказал я в душе. — До чего же я дошел? — И снова перед моими глазами предстали чемоданы. Тяжеленные чемоданы, облегчить которые не было никакой возможности. Опять же деньги, чем больше у меня будет денег, тем легче мне будет жить в Америке, пока я не подыщу себе работу. И с горестным вздохом я промолвил:

— Так вы говорите, они хорошо заплатят? А как же машина? Я ведь не буду сюда возвращаться.

— Да, друг мой, платят они замечательно. Графиня очень богатая женщина. А машина? Она берет с собой новенький «фиат» в подарок сыну. Идемте, я вас познакомлю.

Он поднялся и подвел меня к этим самым двум старушкам. Отвесив такой низкий поклон, что мне вспомнились паломники на Священной Дороге в Лхасе, он представил меня. Графиня с высокомерным видом взглянула на меня в лорнет.

— Так вы полагаете, что способны довести нас живыми и здоровыми, любезный?

Взглянув на нее с не меньшим высокомерием, я ответил:

— Мадам, я не «любезный». Что касается безопасности, то моя жизнь представляет для меня не меньшую ценность, чем ваша — для вас. Меня *попросили* обсудить с вами эту поездку, но теперь, должен признать, у меня возникли сомнения.

Довольно долго она не сводила с меня холодных, как лед, глаз, потом ее каменное лицо оттаяло, и она внезапно совсем по-девчоночьи расхохоталась.

— Ах! — воскликнула она, — обожаю боевой задор. В наше трудное время это такая редкость. Когда мы можем ехать?

— Мы еще не обсудили условий, и я еще не видел вашего автомобиля. Когда вы хотите выехать, если я соглашусь? И почему вы хотите, чтобы именно я вел машину? Наверняка нашелся бы не один француз, который хотел бы сесть за руль.

Предложенные ею условия оказались выгодными, а причины вполне убедительными.

— Я предпочитаю *храброго* человека, не теряющего присутствия духа, человека, повидавшего свет и знающего жизнь. Когда мы едем? Как только вы будете готовы.

Я дал им два дня на сборы, после чего мы выехали в шикарном «фиате». Мы не спеша покатали в Реймс, находящийся милях в восьмидесяти от Вердена, и там переночевали. Черепашья езда со скоростью тридцать — тридцать пять миль в час давала мне время поглазеть на окрестности и немного собраться с мыслями, что за вечными скитаниями мне всегда было недосуг. На другой день мы стартовали в полдень и прибыли в Париж часам к пяти. В пригородном доме сына графини я загнал машину в гараж и снова двинулся в путь с двумя чемоданами в руках. Эту ночь я провел в дешевом парижском пансионе. На следующий день я пустился на поиски okazji, которая помогла бы мне добраться в Шербур или Гавр.

Первым делом я обратился к торговцам автомобилями, — не нужно ли кому-нибудь перегнать машину в Шербур или Гавр. Милля за милей я мотался от одного торговца к другому. Но мои услуги никому не были нужны. В конце дня я вернулся в свой дешевый пансион и прямоком наткнулся на только что происшедшую аварию. Полицейский и один из постояльцев вносили в дом какого-то человека. У дороги лежал искореженный велосипед с покрученным передним колесом. Этот человек, возвращаясь домой с работы, оглянулся через плечо, переднее колесо велосипеда попало в канаву, и седока швырнуло вперед через руль. Правый голеностоп оказался сильно растянутым.

— Я потеряю работу, я потеряю работу, — стонал он. — Завтра я должен ехать в Кан,

отвозить мебель.

Кан? Где-то я слышал это название. Кан? Я поискал его на карте, Городишко примерно в ста двадцати пяти милях от Парижа, в направлении Шербура, и в семидесяти пяти милях от самого Шербура. Пораскинув мозгами, я подошел к нему.

— Я хочу добраться до Шербура или Гавра, — сказал я. — Я поеду вместо вас и доставлю мебель, если найдется кто-нибудь, кто приведет фургон обратно. Деньги за это можете взять себе. Мне довольно самой поездки.

Он обрадовано посмотрел на меня.

— Ну конечно, все можно устроить, фургон приведет мой напарник. Мы должны загрузить мебель здесь, в одном большом доме, отвезти ее в Кан и там выгрузить.

Довольно быстро все устроилось, и с завтрашнего утра мне предстояла работа дармового помощника в фирме по перевозке мебели.

Водитель по имени Анри без всякого труда мог бы получить аттестат полнейшего неумехи. Лишь в одном он был вне конкуренции. Ему были известны все мыслимые способы отлынивать от работы. Только мы отъехали от дома, как он остановил машину и сказал:

— Садись за руль. Я устал.

Он перебрался в кузов, отыскал среди мебели местечко поудобнее и завалился спать. А я повел машину дальше. В Кане он заявил:

— Начинай разгрузку, а я пойду подписывать бумаги.

К его возвращению в дом было внесено все, кроме вещей, требующих для переноски двоих человек. Но он и здесь «просачковал», приведя садовника, который помог мне втащить мебель в дом. Сам он «руководил» нами, чтобы мы не поцарапали стены! Разгрузившись, я сел на место водителя, Анри, ничего не подозревая, сел рядом. Я развернул фургон и поехал к вокзалу, который заметил немного в стороне от дороги. Там я остановился, вытащил два своих чемодана и сказал Анри:

— Теперь *ты* садись за руль!

И с этими словами я повернулся и вошел в здание вокзала.

Через двадцать минут уходил поезд на Шербур. Я купил билет, немного еды, вскоре подъехал поезд, и мы загрохотали по рельсам в густеющие сумерки. На городском вокзале Шербура я оставил свои чемоданы в камере хранения и отправился по набережной Антрепо искать пристанище на ночь. Наконец я отыскал пансион для моряков. Зайдя туда, я заказал очень скромную комнату, уплатил вперед и вернулся за багажом. Вконец уставший, я лег в кровать и заснул.

С утра я постарался как можно больше общаться с другим постояльцами-моряками, ожидавшими своих кораблей. Счастливый случай предоставил мне возможность в течение нескольких следующих дней побывать в машинных отделениях судов, стоящих в порту. Целую неделю я осаждал пароходное агентство в поисках работы на судне, которое доставило бы меня через Атлантику. В агентстве просмотрели мои бумаги и спросили:

— Так значит, вы потратились, пока были в отпуске? И теперь хотите смотаться в рейс в один конец? Хорошо, мы будем иметь вас в виду и дадим знать, если что-нибудь подвернется.

Я тем временем все больше общался с моряками, запоминая терминологию, узнавая все, что мог, о людях. Прежде всего я постиг, что чем меньше болтаешь и чем больше слушаешь, тем выше твоя репутация умного человека.

Наконец дней десять спустя меня вызвали в пароходное агентство. Рядом с агентом сидел невысокий, плотно сбитый человек.

— Вы готовы отплыть сегодня же, если потребуется? — спросил агент.

— Я готов отплыть хоть сейчас, сэр, — ответил я.

Коротышка окинул меня пристальным взглядом, после чего выпалил в меня целый залп вопросов, говоря с акцентом, которого я почти не понимал.

— Этот главмех — шотландец, его третий механик заболел и попал в госпиталь. Он хочет, чтобы вы немедленно поднялись с ним на борт, — перевел агент. Ценой огромных усилий я понял смысл дальнейших речей шотландца и даже смог удовлетворительно ответить на его вопросы.

— Забирайте вещички, — сказал он наконец, — и поднимайтесь на борт.

В пансионе я поспешно уплатил по счету, сложил чемоданы и взял такси до причала. Это была потрепанная штормами старая посуда, вся в потеках ржавчины, с облезшей на бортах краской и прискорбно маленькая для рейсов через Атлантику. — Это точно, — сказал какой-то человек, стоящий у ближнего борта, — корыто не первой молодости, а когда выходишь в открытое море, оно так болтается на волнах, что тебе все кишки выворачивает наизнанку!

Я быстро поднялся по сходням, оставил вещи у камбуза и загремел по железному трапу в машинное отделение, где меня уже поджидал главный механик. Он поговорил со мной о судовых двигателях и остался доволен моими ответами.

— О'кей, парень, — сказал он наконец, — сейчас мы подпишем контракт. Стюард покажет тебе твою каюту.

Мы поспешили в агентство, подписали контракт и вернулись на корабль.

— Сейчас выходим в море, парень, — сказал главмех.

Так, возможно, впервые в истории тибетский лама, выдающий себя за американца, занял место на борту судна в качестве вахтенного механика. По счастливой случайности первую восьмичасовую вахту я отстоял, когда судно еще стояло у причальной стенки. Мое интенсивное чтение учебников дополнилось теперь некоторым практическим опытом, и я почувствовал, что справлюсь.

В грохоте звонков, в шумном шипении пара блестящие стальные штоки заходили вверх-вниз, вверх-вниз. Маховики вращались все быстрее, пробуждая корабль к жизни. Кругом стоял запах пара и разогретого машинного масла. Для меня это была совершенно чуждая жизнь, столь же чуждая, какой показалась бы жизнь в ламаистском монастыре главному механику, который сейчас так уверенно стоял на своем месте с трубкой в зубах и слегка опираясь рукой о блестящий стальной маховик управления. Звонок прозвенел снова, и стрелка телеграфа показала «средний назад». Едва удостоив его взглядом, главмех покрутил маховичок и щелкнул рычагом. Глухой рокот машины усилился, и весь корпус слегка задрожал. — «Стоп!» — сказала стрелка телеграфа, после чего сразу последовало: — «средний вперед». Не успел главмех покрутить ручки управления, как опять звонок и команда «полный вперед». Судно плавно двинулось вперед. Главмех шагнул ко мне:

— А, это ты, парень. Свои восемь часов ты уже отстоял. Проваливай. Будешь проходить мимо, скажешь стюарду, чтобы принес мне какао.

Какао, еда! Только теперь я вспомнил, что не ел вот уже больше двенадцати часов. Я заторопился по стальному трапу на палубу, на открытый воздух. Нос корабля, выходящего в открытое море, то и дело окатывали волны, обдавая все кругом тучей брызг. Позади таяли во мраке огни французского берега. Резкий голос за моей спиной вернул меня к действительности:

— А вы кто такой?

Я обернулся и увидел рядом с собой первого помощника капитана.

— Третий механик, сэр, — ответил я.

— Тогда почему вы не в форме?

— Я подвахтенный механик, сэр, поднялся на борт в Шербуре и сразу же заступил на вахту.

— Гм, — сказал первый помощник. — Немедленно наденьте форму, на борту должен быть

порядок.

И он удалился с таким достоинством, словно был первым помощником на каком-нибудь океанском лайнере вроде «Куин Мэри», а не на грязной, ржавой, полуразвалившейся посудине.

Зайдя на камбуз, я передал заказ главмеха.

— Это вы новый третий? — раздался голос у меня за спиной. Я обернулся и увидел только что вошедшего второго механика.

— Да, сэр, — ответил я. — Я как раз иду надевать форму, а потом хочу чего-нибудь поесть. Он кивнул.

— Я составлю вам компанию. Первый помощник только что пожаловался, что на вас нет формы. По его словам, он решил было, что вы корабельный «заяц». Я ему сказал, что вы только что поднялись на борт и сразу заступили на вахту. — Он пошел со мной и показал мою каюту, которая была напротив его собственной. — Когда будете готовы, позовете меня, — сказал он, — и пойдем ужинать.

В свое время мне пришлось отдавать всю форменную одежду в переделку, чтобы она пришлась мне впору. Теперь, стоя в форме моряка торгового флота, я думал, что бы сказал мой Наставник, Лама Мингъяр Дондуп, если бы меня увидел. Я даже фыркнул от смеха, представив, какую сенсацию произвел бы в Лхасе, появившись в подобном одеянии. Я позвал второго механика, и вместе мы пошли в офицерскую кают-компанию ужинать. Капитан уже сидел за столом и лишь коротко взглянул на нас из-под кустистых бровей.

— Тьфу! — сказал второй механик, когда перед ним поставили тарелку с первым блюдом. — Все то же старое свиное пойло. Хоть бы раз приготовили что-нибудь другое для разнообразия.

— *Мистер!* — Голос капитана чуть не сорвал нас с мест. — *Мистер!* Вечно вы жалуетесь, вам будет лучше перейти на другое судно, когда мы придем в Нью-Йорк.

Послышался чей-то подавленный смешок, сменившийся смущенным покашливанием, когда капитан сердито взглянул в ту сторону. Остаток ужина проходил в полном молчании, пока капитан не ушел, покончив с едой раньше нас.

— Проклятая посудина, — заметил один из офицеров. — Во время войны дед был «Первым Джимми*» и служил в британском военном флоте. Он ходил на транспорте и теперь не может отвыкнуть от прежней системы.

* Первым помощником.

— А вы тоже хороши, придурки, вечно скулите, — сказал другой голос.

— Нет, — шепнул мне второй механик, — он не американец. Он всего лишь пуэрториканец, который насмотрелся американских фильмов.

Я очень устал и перед тем, как лечь спать, вышел на палубу. С подветренного борта матросы сбрасывали в море горячую золу и прочий мусор, скопившийся за время стоянки в порту. Была небольшая килевая качка, и я ушел к себе в каюту. Переборки в ней были сплошь заклеены фотографиями голых девиц. Я сорвал все эти плакаты и швырнул в корзину для мусора. Раздеваясь и укладываясь спать, я уже не сомневался, что справлюсь и с этой работой.

— Пора! — послышался громкий голос, чья-то рука открыла дверь и щелкнула выключателем.

Неужели пора? — подумал я про себя. Да ведь я только что уснул. Но бросив взгляд на часы, я мигом вывалился из койки и, наспех умывшись и одевшись, побежал завтракать. В кают-компании в этот час было пусто, и я быстро поел в полном одиночестве. Взглянув мельком на первые лучи рассвета за бортом, я поспешил по стальным трапам в машинное отделение.

— А вы пунктуальны, — заметил второй механик. — Это мне нравится. Докладывать не о чем, только в туннеле гребного вала сейчас двое смазчиков. Ну, ладно, я пошел, — сказал он,

тяжело зевнув.

Двигатели глухо рокотали, ритмично и монотонно, с каждым оборотом приближая нас к Нью-Йорку. У топок «черная братия» кочегаров следила за огнем, подбрасывая и вороша уголь, удерживая пар у самой красной черты. Из туннеля гребного вала выползли двое мокрых от пота и грязных смазчиков. Удача меня не покидала, температура была в норме, докладывать было не о чем. Мне сунули в руки промасленные бумажки, — расход угля, процентное содержание двуокиси углерода и прочие сведения. Я поставил подпись, сел и заполнил вахтенный журнал машинного отделения за свою вахту.

— Ну, как он себя ведет, мистер? — спросил главмех, гремя ботинками по сходному трапу.

— Все в порядке, — ответил я. — Все в норме.

— Хорошо, — сказал главмех. — Хотел бы я и этого... капитана привести в норму. Он говорит, что за прошлый рейс мы сожгли слишком много угля. А что я могу сделать? Приказать вам сесть на весла?

Он со вздохом надел очки в стальной оправе, прочитал записи в вахтенном журнале и расписался.

Корабль, пыхтя от натуги, рассекал воды бурной Атлантики. День шел за днем в монотонном однообразии. Атмосфера на корабле была безрадостная. Палубные офицеры презрительно относились к людям из машинного отделения. Капитан был мрачным типом, вообразившим, что он командует трансатлантическим лайнером, а не старым грузовым корытом. Даже погода была скверная. Однажды я всю ночь не мог заснуть из-за сильной качки и вышел на палубу. Ветер заунывно выл и свистел в такелаже, больно напоминая мне о том времени, когда я стоял на крыше Чакпори вместе с ламой Мингьяром Дондупом и Джигме, готовясь к путешествию в астрал. В средней части судна у подветренного борта чья-то одинокая фигура, отчаянно вцепившись в леер, дергалась в судорожных позывах, «чуть не выворачиваясь наизнанку», как позже сказал этот человек. Я был совершенно невосприимчив к морской болезни и немало потешался, глядя, как она валит с ног просоленных морских волков. Подсветка нактоуза на мостике излучала вверх слабое сияние. В капитанской каюте было темно. Волны, разбиваясь о нос корабля, окатывали палубу до самой кормы, где стоял я. Корабль, словно обезумевшее существо, переваливался с волны на волну, да еще при сильной бортовой качке. Его мачты описывали в ночном небе немислимые дуги. Далеко по правому борту нам навстречу шел атлантический лайнер с полными огнями, выписывая по дороге такие кренделя, что его пассажирам было, надо думать, очень неудобно. Он шел очень быстро, подгоняемый попутным ветром, поскольку все его надстройки служили хорошим парусом. Скоро он будет на подходе к Саутгэмптону, — подумал я, собираясь спускаться вниз.

В самый разгар шторма водозаборное отверстие одного из трюмных насосов забилося каким-то предметом, сдвинувшимся с места при качке, и мне пришлось спуститься в трюм и руководить людьми, устранявшими неисправность. Стоял невообразимый грохот, гребной вал то сотрясался от бешеного вращения винта, когда корма поднималась над водой, то глухо вибрировал, когда корма снова погружалась, чтобы снова взлететь на гребень очередной волны.

В трюмных отсеках матросы с лихорадочной поспешностью закрепляли тяжелый деревянный ящик с каким-то механизмом, сорвавшийся с места. Мне казалось очень странным, что на этом корабле были такие трения в экипаже, ведь все мы работали на пределе своих возможностей. И так ли это важно, что один человек работает у машин в чреве корабля, а другой в это время разгуливает по палубе или стоит на швартовочном мостике, глядя, как вода скользит вдоль борта?

Работа? Работы здесь была уйма, — капитальный ремонт насосов, набивка сальников, осмотр и проверка прокладок, ремонт лебедок перед швартовкой в Нью-Йорке.

Сам главмех был хорошим работником и порядочным человеком. Свои машины он любил, как мать любит своего первенца. Как-то днем я сидел на вентиляционной решетке, дожидаясь начала вахты. По небу неслись легкие штормовые облака, начинал накрапывать дождь, предвестник сильного ливня. Я сидел и читал, укрывшись под навесом вентилятора. Неожиданно на плечо мне опустилась тяжелая рука, и раскатистый голос произнес с шотландским акцентом:

— Эй, парень, я все думал, куда ты деваешь свободное время. Что это? Вестерны? Секс?

Я с улыбкой подал ему книгу.

— Судовые двигатели, — сказал я, — представляют для меня больший интерес, чем вестерны или секс!

Прежде чем вернуть мне книгу, он перелистал ее и одобрительно хмыкнул. — Молодец, парень, — сказал он. — Мы еще сделаем из тебя механика, и скоро ты сам станешь главмехом, если не сменишь профессию. — И он приветливо кивнул мне, сунув старенькую, потрескавшуюся трубку в рот: — Можешь принимать вахту, парень.

Однажды на корабле грянула всеобщая суматоха.

— Капитанская проверка, третий, — шепнул второй механик. — Он совсем выжил из ума, все воображает, будто он на лайнере, и инспектирует все судно — каюты и все такое — каждый рейс.

Я стоял у койки, когда в каюту вошел капитан в сопровождении первого помощника и старшего стюарда.

— Гм, — буркнул Великий Человек, — окидывая пренебрежительным взглядом помещение. — Ни одного плакатика с красотками? — сказал он. — А я-то думал, что все американцы поведены на стройных ножках! — Он глянул на мои книги по судовой механике, и рот его скривился в циничной улыбке. — А может, под технической обложкой прячется какой-нибудь романчик? — спросил он.

Я молча шагнул вперед и стал открывать перед ним взятые наугад книги. Капитан провел пальцем там и здесь, — по поручню, под койкой, по выступу над дверью. Глядя на свои оставшиеся чистыми пальцы, он разочарованно кивнул и величественно выплыл из каюты. Второй понимающе ухмыльнулся:

— На этот раз вы его достали, а ведь он порядочный придира!..

В воздухе повисло напряженное ожидание. Моряки доставали свою гражданскую одежду, приводили себя в порядок, прикидывали, как пронести через таможню свои вещи. Люди заговорили о семьях, о своих подружках. Все языки развязались, отбросив всякие ограничения. Скоро уже они сойдут на берег и пойдут к друзьям, к любимым. Только мне одному некуда было идти и не о ком поговорить. Лишь я один сойду на берег в Нью-Йорке как чужак, без знакомых, без друзей.

На горизонте встали высокие небоскребы Манхэттена, блестя на солнце, умытые недавней грозой. Отдельные окна отражали солнечные лучи, окрасив их червонным золотом. Статуя Свободы — как я заметил, стоящая спиной к Америке — выросла из моря прямо перед нами. «Средний вперед», — звякнул телеграф. Судно замедлило ход, и невысокая носовая волна стала понемногу гаснуть. «Стоп», — скомандовал телеграф, как только мы коснулись причала. Отданы и приняты швартовы, и снова корабль оказался привязанным к земле. «Машинам работу закончить», — сказал телеграф. Пар со стонами и шипением умолк в трубах. Гигантские поршни замерли, и судно тихо закачалось на швартовах, слегка потревоженное волной от проходящих мимо кораблей. Мы занялись открыванием вентилей, запуском вспомогательного оборудования, подъемных механизмов и лебедок.

Палубная команда суетилась наверху, отдраивая крышки люков, стаскивая брезентовые

чехлы, открывая трюмы. На борт поднялись представители пароходной компании в сопровождении стивидоров. Вскоре судно превратилось в сумасшедший дом, наполненный громовыми голосами, ревущими команды. Лязгали и пыхтели портовые краны, повсюду слышались тяжелые шаги. Заместитель портового врача углубился в списки экипажа. На борт поднялась полиция и забрала несчастного «зайца», о котором мы и не подозревали у себя в машинном отделении. Беднягу увели в наручниках под конвоем двоих дюжих по лицейских к поджидавшей неподалеку машине и безжалостно швырнули внутрь.

Мы встали в очередь, получили свое жалованье, поставили подписи и пошли получать трудовые книжки. Главмех написал в моей: «Проявил большую преданность делу. Знающий и квалифицированный работник. В любое время буду рад работать с ним в одном экипаже». Как жаль, подумал я, что от всего этого придется отказаться, что я не смогу продолжать заниматься этой чудесной работой.

Я вернулся в каюту, все прибрал, сложил в стопку одеяла и постельное белье. Затем упаковал книги, переоделся в гражданское и уложил все вещи в два чемодана. Бросив прощальный взгляд на каюту, я вышел и захлопнул за собой дверь.

— Ты так и не передумал? — сказал главмех. — Ты здесь пришелся ко двору, и я с удовольствием представлю тебя на должность второго механика, когда мы вернемся из этого рейса.

— Нет, шеф, — ответил я, — я хочу еще поколесить по свету, набраться опыта.

— Опыт — это, конечно, замечательная вещь. Желаю удачи!

С чемоданами в руках я спустился по трапу и пошел дальше вдоль стоящих у причалов кораблей. Снова передо мной иная жизнь; до чего же я *ненавидел* все эти скитания, всю эту неуверенность, когда некого назвать другом.

— Место рождения? — спросил таможенник.

— Пасадена, — ответил я, как и было сказано в моих бумагах.

— Что везешь? — требовательно спросил тот.

— Ничего, — сказал я. — Он метнул на меня острый взгляд. — О'кей, открывай, — прорычал он. Поставив перед ним свои чемоданы, я открыл их. Он долго в них рылся, потом вывалил все наружу и прощупал подкладку. — Можешь складывать, — сказал он и с этими словами ушел прочь.

Я снова уложил чемоданы и вышел из ворот. А там бешено редела городская улица. Я на минуту остановился, чтобы прийти в себя и перевести дух.

— *Вчемделопарень? Этоньюйорк!* — произнес грубый голос у меня за спиной. Оглянувшись, я увидел свирепо уставившегося на меня полицейского.

— А что, останавливаться запрещено? — ответил я.

— *Валиотсюда!* — рявкнул он.

Я не спеша подхватил чемоданы и побрел по улице, восхищаясь рукотворными стальными горами Манхэттена. Никогда я не чувствовал себя более одиноким, чем сейчас, будучи совершенным чужаком в этом мире. Позади меня фараон взревел на какого-то другого бедолагу:

— *Такмывньюйоркенеделаем. Понял!*

Люди выглядели напуганными, все были в постоянном напряжении. Автомобили с бешеной скоростью проносились мимо. В воздухе висел неумолчный визг шин и вонь паленой резины.

Я шел все дальше. Наконец я наткнулся на вывеску «Гостиница для моряков» и, возблагодарив судьбу, вошел в дверь.

— Распишитесь, — сказал холодный безликий голос. Я старательно заполнил грубо подсунутый мне бланк и вернул его обратно, сказав «спасибо».

— Нечего меня благодарить, — сказал холодный голос, — я не делаю вам никакого

одолжения, это моя работа. — Я немного постоял в ожидании. — В чем дело? — спросил голос. — Комната 303, это указано на бланке и на бирке ключа.

Я отвернулся. Разве можно спорить с человеческим автоматом. Я подошел к какому-то человеку, на вид моряку, который, сидя в кресле, читал журнал для мужчин.

— Все мы тут уже достали Дженни до самых печенок, — сказал он, не дав мне и рта раскрыть. — Какой номер комнаты?

— Триста три, — подавленно ответил я. — Я здесь впервые.

— Тремя этажами выше, — сказал он. — Это будет третья комната по правому борту.

Поблагодарив его, я подошел к двери с надписью «Лифт».

— Нажмите кнопку, — сказал мужчина в кресле. Я так и сделал, и немного погодя дверь распахнулась настежь, и мальчишка-негр дал мне знак войти.

— Номер? — спросил он.

— Триста три, — ответил я.

Он нажал кнопку, кабинка быстро поползла вверх и резко остановилась. Мальчишка-негр открыл дверь и сказал:

— *Туда.* — Дверь за моей спиной закрылась, оставив меня в одиночестве.

Неловко повертев ключ в руках, я взглянул на бирку, чтобы убедиться, какой мне нужен номер, и пошел по коридору отыскивать комнату. А вот и она — номер «303» красовался над третьей дверью по правой стороне от лифта. Я сунул ключ в замок и повернул его. Дверь открылась, и я вошел в комнату. Комнатушка оказалась очень маленькой, похожей на корабельную каюту. Закрыв дверь, я увидел отпечатанный список Правил. Внимательно ознакомившись с ними, я узнал, что могу провести в номере всего

двадцать четыре часа, если только чуть позже не уйду в рейс, то есть максимум дозволенного времени не превышал сорока восьми часов. *Двадцать четыре часа!* Даже теперь мне не было покоя. Я поставил чемоданы, почистился от пыли и отправился на поиски еды и газет, чтобы найти среди объявлений о найме какую-нибудь подходящую работу.

Глава 6

Америка — Англия — Америка

Нью-Йорк показался мне очень неприветливым местом. Люди, которых я пытался остановить, чтобы расспросить дорогу, испуганно смотрели на меня и уходили чуть ли не бегом. Хорошо выспавшись, я позавтракал и сел в автобус, идущий в Бронкс. Из газет я узнал, что жилье там несколько дешевле. Неподалеку от Бронкс-Парк я вышел из автобуса и не спеша побрел по улице, ища глазами вывеску «Сдается комната». Какая-то машина промелькнула между двумя фургонами, ее занесло на противоположную сторону улицы, и, вылетев на тротуар, она ударила меня в левый бок. И снова я услышал, как с треском ломаются кости. Падая на тротуар, еще до того, как призвало меня к себе милосердное забытие, я увидел, как какой-то тип хватает оба мои чемодана и убегает с ними прочь. Воздух был наполнен звуками музыки. Мне было хорошо и радостно после стольких лет лишений и невзгод.

— А! — воскликнул голос ламы Мингьяра Дондула, — Стало быть, тебе пришлось вернуться?

Я открыл глаза и увидел, как он с улыбкой склонился надо мной, глаза его светились искренним сочувствием.

— Жизнь на Земле трудна и горька, а на твою долю выпали испытания, от которых многие, к счастью, избавлены. Это всего лишь интерлюдия, Лобсанг, неприятная интерлюдия. После долгой ночи придет пробуждение навстречу прекрасному дню, когда тебе уже не надо будет возвращаться ни на Землю, ни в один из нижних миров.

Я вздохнул. Здесь было так хорошо, и это лишь подчеркивало суровость и несправедливость жизни на Земле.

— Ты, мой Лобсанг, — продолжал мой Наставник, — живешь на Земле свою последнюю жизнь. Ты завершаешь всю Карму и выполняешь также задание исключительной важности, задание, которому стремятся воспрепятствовать силы зла.

Карма! Это слово живо напомнило урок, который был мне преподан в любимой далекой Лхасе.

Умолк легкий перезвон серебряных колокольчиков. Морозный разреженный воздух над долиной Лхасы не оглашали больше звонкие трубы. Вокруг меня воцарилась необычная тишина, тишина, которой не должно было быть. Я очнулся от дремоты в тот самый момент, когда монахи в храме начали низкими голосами Моление за Усопшего. Усопшего? Да! Конечно же, это было Моление за старого монаха, который недавно умер.

Умер после долгой жизни, полной страданий, служения другим, без ожидания понимания или благодарности.

— Какая, должно быть, у него была ужасная Карма, — промолвил я в душе. — Каким, должно быть, скверным человеком он был в своей прежней жизни, чтобы заслужить такое возмездие.

— *Лобсанг!* — голос у меня за спиной был подобен отдаленному раскату грома. Но удары, градом посыпавшиеся на мое сжатое в комок тело, они-то, к сожалению, отдаленными не были. — *Лобсанг!* Ты отлынивал, проявляя неуважение к нашему отошедшему брату, так вот тебе за это, и вот, и вот! — Внезапно удары и ругательства прекратились, как по мановению волшебной палочки. Я повернул свою многострадальную голову и поднял глаза на возвышавшуюся надо мной гигантскую фигуру с дубинкой, все еще занесенной в высоко поднятой руке.

— Проктор, — произнес такой любимый голос, — это было слишком жестокое наказание для маленького мальчика. Что он сделал, чтобы так страдать? Разве он осквернил Храм? Разве он проявил непочтение к Золотым Изваяниям? Говори и поясни причину своей жестокости.

— Господин мой Мингьяр Дондуп, — заскулил рослый храмовый надзиратель, — мальчишка погрузился в свои фантазии в то время, когда должен был участвовать в Молении вместе с соучениками.

Лама Мингьяр Дондуп, сам отнюдь не маленького роста, поднял печальный взгляд на стоявшего перед ним двухметрового уроженца провинции Кам. Наконец лама жестко произнес:

— Можешь идти, проктор, я займусь этим сам. Надзиратель, отвечивая почтительные поклоны, удалился, а мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп, обернулся ко мне.

— Теперь, Лобсанг, идем ко мне в комнату, и там ты мне расскажешь историю своих многочисленных покаранных грехов.

С этими словами он ласково склонился и помог мне встать на ноги. За всю мою короткую жизнь никто, кроме Наставника, не был добр ко мне, и я с трудом сдерживал слезы любви и благодарности.

Лама повернулся и неторопливо пошел по длинному пустому коридору. Я скромно шел следом за ним, но шел я весьма охотно, зная, что от *этого* великого человека не может исходить никакая несправедливость.

У входа в свои покои он остановился, обернулся ко мне и положил руку на плечо.

— Входи, Лобсанг, ты не совершил никакого преступления, входи и расскажи мне об этой неприятности. — С этими словами он подтолкнул меня вперед и велел сесть. — Еда, Лобсанг, *Еда* — это тоже у тебя на уме. Пока мы будем беседовать, нам надо будет подкрепиться и выпить чаю.

Он неторопливо позвенел в колокольчик, и на пороге появился служитель.

Пока перед нами расставлялись еда и питье, мы сидели в молчании. Я думал о той неотвратимости, с какой все мои проступки обнаруживались и подвергались наказанию, чуть ли не до того, как я успевал провиниться. И снова голос вторгся в мои мысли.

— Лобсанг! Ты опять погрузился в мечтания! *Еда, Лобсанг! Перед тобой Еда*, а ты, именно ты ее и не видишь.

Добродушно-насмешливый голос вернул меня к действительности, и я почти автоматически потянулся за сладким сахарным печеньем, от которого был без ума. Это печенье доставлялось из далекой Индии для Далай-Ламы, но благодаря его доброте кое-что перепало и мне. Некоторое время мы сидели и ели, вернее, я ел, а Лама наблюдал за мной с благодушной улыбкой.

— А теперь, Лобсанг, — сказал он, когда я дал понять, что насытился, — что же все-таки произошло?

— Учитель, — ответил я, — я размышлял об ужасной Карме монаха, который умер. Должно быть, много жизней назад он был очень дурным человеком. Думая об этом, я совсем позабыл о храмовой службе, и проктор налетел на меня, прежде чем я успел сбежать.

Он разразился громким хохотом.

— Стало быть, Лобсанг, ты бы попытался избежать своей Кармы, если бы смог!

Я ответил ему угрюмым взглядом, так как знал, что вряд ли кому-нибудь удалось бы убежать от наших надзирателей, прекрасных атлетов и легконогих бегунов.

— Лобсанг, поговорим о Карме. О, как превратно понимает ее кое-кто даже здесь, в стенах этого Храма. Сядь поудобнее, ибо разговор об этом у нас получится долгий.

Я чуть повозился на месте, делая вид, что «устраиваюсь поудобнее». Мне ужасно хотелось выйти на воздух вместе с остальными, а не сидеть здесь, выслушивая лекцию. Ибо даже у такого великого человека, как лама Мингьяр Дондуп, лекция была лекцией, как приятное на вкус

лекарство все равно остается лекарством.

— Все это ты уже знаешь, Лобсанг, во всяком случае, должен знать, если внимательно слушал учителей (в чем я сомневаюсь!), но я вновь напомню тебе об этом, так как боюсь, что твое внимание все еще несколько рассеянно.

При этих словах он вперил в меня пронизывающий взгляд и продолжал:

— Мы приходим на эту Землю, как приходим в школу. Мы приходим усваивать уроки. При первом посещении школы мы оказываемся в самом младшем классе, ибо мы невежественны и пока еще ничему не научились. В конце отпущенного нам срока мы либо успешно сдаем экзамены, либо их проваливаем. Если мы сдаем их успешно, то, возвращаясь с каникул, переходим в старший класс. Если терпим неудачу, то возвращаемся в тот же самый класс. Если же мы проваливаем, скажем, один какой-нибудь предмет, то нам может быть позволено перейти в старший класс, однако и там мы должны будем изучать предмет, на котором провалились.

Это был разговор на хорошо понятном мне языке. Уж я-то все знал и об экзаменах, и о заваливании отдельных предметов, и о переходах в высшие классы, конкурируя со старшими мальчиками, а еще о занятиях во время, считавшееся свободным, под орлиным взглядом какого-нибудь поросшего плесенью престарелого ламы-учителя, давно забывшего о тех днях, когда он сам был мальчишкой.

Раздался громкий стук, и я так подскочил в испуге, что чуть не оторвался от земли.

— Ах, Лобсанг, значит, какая-то реакция все же имеется, — сказал мой Наставник, со смехом ставя на место серебряный колокольчик, который намеренно обронил у меня за спиной. — Я уже несколько раз обращался к тебе, но твои мысли блуждали где-то далеко.

— Простите, Достопочтенный Лама, — ответил я, — но я только думал о том, как понятна и доходчива ваша лекция. Подавив улыбку, лама продолжал:

— Мы приходим на эту Землю, как дети приходят в класс. Если в течение жизни мы преуспеваем в науках и постигаем то, ради чего пришли, то мы продвигаемся дальше и возобновляем жизнь на более высоком уровне. Если же мы не усваиваем преподанных уроков, мы возвращаемся в почти аналогичные прежним тело и условия жизни. Бывает так, что человек в своей прежней жизни был очень жесток с окружающими. Тогда он должен вернуться на Землю и постараться искупить свои проступки. Он должен вернуться и проявить доброту к людям. Многие величайшие реформаторы в этой жизни были в прошлом преступниками. Так и вращается Колесо Жизни, принося вначале богатство одному и нищету другому, а сегодняшний нищий завтра может оказаться принцем, и так это продолжается из одной жизни в другую.

— Но Достопочтенный Лама, — перебил я, — означает ли это, что сегодняшний одноногий нищий должен в иной жизни отсечь ногу кому-нибудь другому?

— Нет, Лобсанг, не означает. Это значит, что этому человеку необходимо было жить в бедности и потерять ногу, чтобы хорошенько усвоить свой урок. Если тебе надо заняться арифметикой, ты берешься за счеты и грифельную доску. Если ты намерен учиться на резчика, ты берешь в руки нож и кусок дерева. Ты подбираешь инструменты, подходящие для решения конкретной задачи. То же самое относится к нашему телу. Тело и условия жизни в наибольшей степени соответствуют тому заданию, которое нам предстоит исполнить.

Я вспомнил об умершем старом монахе. Он вечно сетовал на свою «плохую Карму» и предавался раздумьям, что он мог такого совершить, чтобы заслужить такую тяжкую жизнь.

— Ах, да, Лобсанг, — сказал Наставник, читая мои мысли, — люди непросвещенные вечно стенают над путями Кармы. Им невдомек, что иногда они оказываются жертвами скверных поступков других людей и что хотя теперь они незаслуженно страдают, однако в грядущей жизни они будут полностью вознаграждены. И снова я говорю тебе, Лобсанг, нельзя судить об эволюции человека по его нынешнему земному статусу и нельзя осуждать его как зло лишь на

том основании, что сейчас он испытывает трудности. И тебе тоже не следует судить поспешно, ибо, не зная всех фактов — а всех ты и не можешь знать в этой жизни, — ты не можешь вынести справедливого суждения.

Голос храмовых труб, гулко разносясь по залам и коридорам, призвал нас от беседы на вечернее богослужение. Голос храмовых труб? Или это низкий удар гонга? Этот гонг, казалось, гремел у меня в голове, сотрясая все тело и возвращая меня к земной жизни. Я с трудом открыл глаза. Моя кровать была отгорожена ширмами, рядом стоял кислородный баллон. — Он пришел в себя, доктор, — произнес чей-то голос. Шарканье шагов, шорох накрахмаленной ткани. В поле моего зрения возникло красное лицо.

— А! — сказал американский врач. — Значит, вы вернулись к жизни! А ведь вас буквально смяли в лепешку! Я тупо уставился на него.

— Мои чемоданы? — спросил я. — Они целы?

— Нет, какой-то тип сбежал с ними, и полиция не может его найти.

В тот же день ко мне пришли из полиции в расчете получить какую-нибудь информацию. Мои чемоданы украдены. Владелец машины, которая сбила меня и нанесла тяжелые увечья, не был застрахован. Это был безработный негр. Опять у меня была сломана левая рука, четыре ребра и раздроблены обе ноги.

— Через месяц выйдете из больницы, — бодренько заявил доктор.

Но потом началась двухсторонняя пневмония. Девять недель я провалялся в больнице. Как только я начал вставать, с меня потребовали плату за лечение.

— Мы нашли у вас в бумажнике двести шестьдесят долларов. В уплату за пребывание здесь мы возьмем двести пятьдесят. Я с ужасом взглянул на говорившего.

— Но у меня нет работы, ничего нет, — сказал я. — Как же я проживу на десять долларов?

Человек пожал плечами.

— Ну, вам надо будет подать на этого негра в суд. Вас здесь лечили, и нам причитается за это плата. К вашему несчастью мы не имеем никакого отношения. Судитесь с виновником.

Неверными шагами я спустился по лестнице. Выполз на улицу. Денег ни гроша, кроме этих самых десяти долларов. Ни работы, ни жилья. Как жить дальше — ума не приложу. Привратник показал пальцем куда-то в сторону:

— Дальше по улице есть агентство по найму на работу, идите туда.

Тупо кивнув, я поковылял прочь в поисках моей единственной надежды. На грязной боковой улочке я увидел потрепанную вывеску «Работа». Подъем по лестнице в контору, расположенную на четвертом этаже, почти совсем исчерпал мои силы. На верхней площадке я, тяжело дыша, вцепился в перила, пока не почувствовал себя немного лучше.

— Тебе бы побриться, приятель, — сказал желтозубый тип, катая в толстых губах изжеванную сигару. Он смерил меня взглядом. — Ты, наверно, только что из тюрьмы или из больницы.

Я рассказал ему обо всем, что случилось, и как я остался без вещей и денег.

— Значит, ты совсем на мели, — сказал он, взяв карточку и внося в нее кое-какие подробности. Вручив мне карточку, он велел отнести ее в один очень известный отель, один из самых шикарных! И я поехал туда, потратив драгоценные центы на автобус.

— Двадцать долларов в неделю и одноразовое питание, — заявил управляющий персоналом. Так за «двадцать долларов в неделю и одноразовое питание» я стал по десять часов в день перемывать горы грязных тарелок и скрести бесконечные лестницы.

Двадцать долларов в неделю и одна кормежка. Еда для персонала разительно отличалась по качеству от блюд, подаваемых гостям. Она подвергалась жесткому контролю и проверке. Мое жалованье было таким нищенским, что нечего было и думать о найме хоть какого-то жилья. Я

устроившись на ночлег в парках, под мостами и арками и научился кочевать с места на место еще до того, как подойдет полисмен, ткнет тебя своей длинной дубинкой и рявкнет: «Валяйтопайотсюда!» Я научился заворачивать тело под одеждой в газеты, чтобы уберечься от пронизывающих ветров, гулявших ночами по нью-йоркским улицам. Мой единственный костюм был сильно поношен и засален от грязной работы, не было у меня и смены белья. Чтобы выстирать одежду, я запирался в мужском туалете, снимал белье, снова надевал брюки, стирал вещи в раковине умывальника и сушил их на трубах парового отопления, потому что не мог выйти на улицу, не надев белья. Мои ботинки протерлись до дыр, и я вложил в них картонные стельки, а тем временем не сводил глаз с мусорных ящиков, надеясь выудить оттуда обувку попримечнее, выброшенную кем-то из постояльцев. Но за «гостевым мусором» и без меня охотилось слишком много жадных глаз и рук. Я жил и работал, питаюсь один раз в день, и пил очень много воды. Понемногу я накопил денег на смену белья, подержанный костюм и ботинки. Понемногу я скопил сотню долларов.

Однажды, работая недалеко от двери служебного входа, я услышал разговор двух постояльцев. Речь шла о том, что, несмотря на объявление в газете, им не удалось подыскать человека, обладающего требуемыми качествами. Я стал работать все медленнее.

— Знание Европы. Хороший голос, умение работать на радио... Меня словно громом ударило, я бросился в дверь и воскликнул:

— Все эти качества есть у меня!

Люди ошеломленно уставились на меня, а потом разразились оглушительным хохотом. Метрдотель и один из официантов бросились ко мне с искаженными от ярости лицами. *Вон!* — взревел метрдотель, грубо схватив меня за шиворот и разорвав мой несчастный пиджак сверху донизу. Обернувшись к нему, я швырнул обе половинки пиджака ему в физиономию:

— Двадцать долларов в неделю еще не дают вам права так разговаривать с человеком! — гневно сказал я. Один из двоих собеседников взглянул на меня в немом ужасе:

— Вы сказали, двадцать долларов в неделю?

— Да, сэр, именно столько мне здесь платят плюс одна кормежка в день. Я ночую в парках, полиция гоняет меня с места на место. Я прибыл в эту «Страну широких возможностей», и на другой день после того, как я сошел на берег, меня сбил автомобиль, а пока я лежал без сознания, другой американец украл все, что у меня было. Доказательства? Сэр? Я представлю вам доказательства, и вы сами все сможете проверить!

Тут примчался управляющий этажом, ломая руки и чуть не плача. Нас отвели в его кабинет. Все сели, я остался стоять. Старший из двоих позвонил в госпиталь, и после некоторой задержки моя история получила полное подтверждение. Управляющий этажом сунул мне двадцати долларовую бумажку.

— Купите себе новый пиджак, — сказал он, — *и убирайтесь немедленно!*

Я вернул деньги обратно в его вялые руки.

— Оставьте их себе, — ответил я, — вам они могут понадобиться больше, чем мне. — И я повернулся, чтобы уйти, но не успел дойти до двери, как мне протянули руку и чей-то голос сказал:

— Остановитесь! — Старший из собеседников посмотрел мне прямо в глаза.

— Полагаю, вы можете нам подойти. Посмотрим. Приезжайте завтра в Скенектэди. Вот моя визитная карточка.

Я собрался уходить.

— Подождите, вот вам пятьдесят долларов на дорогу.

— Сэр, — сказал я, отказываясь от предложенных денег, — я доберусь туда за свои. Я не возьму денег, пока вы не убедитесь, что я вам подхожу, потому что я никак не смогу вернуть вам

деньги, если окажется, что я вам не нужен.

Я повернулся и вышел из комнаты. Из своего шкафчика в гардеробной для персонала я забрал убогие пожитки и вышел на улицу. Идти мне было некуда, разве что на скамейку в парке. Крыши над головой нет, даже попрощаться не с кем. Ночью хлынул безжалостный дождь и промочил меня до нитки. К счастью, я сохранил свой «приличный костюм» сухим, усевшись на него.

Утром я выпил чашку кофе с сэндвичем и выяснил, что дешевле всего добираться из Нью-Йорка до Скенектэди автобусом. Я купил билет и занял свое место. Какой-то пассажир оставил на сиденье газету *Морнинг Тайме*, и я прочел ее от корки до корки, отгоняя мрачные мысли о моем весьма сомнительном будущем. Автобус катил все дальше, глотая милю за милей. К концу дня я уже был на месте. Там я отправился в общественные бани, привел себя в порядок, надел чистую одежду и вышел на улицу.

На радиостудии меня уже поджидали двое моих знакомых. Час за часом они забрасывали меня вопросами, выходя и возвращаясь по очереди. Наконец, они услышали всю мою историю.

— Вы сказали, что ваши документы хранятся у вашего друга в Шанхае? — спросил старший. — Тогда мы оформим вас на временную работу и дадим телеграмму в Шанхай, чтобы ваши вещи переслали сюда. Как только мы увидим эти бумаги, вы будете зачислены на постоянную работу. Сто десять долларов в неделю; и мы еще вернемся к разговору о жалованье, когда получим ваши бумаги. Пусть их пришлют за наш счет.

Тут заговорил второй:

— Ему наверняка не помешает аванс, — сказал он.

— Выдай-ка ему жалованье за месяц вперед, — сказал первый. — И пусть начинает работу с послезавтра.

Так начался в моей жизни счастливый период. Работа мне нравилась, и я вполне устраивал своих хозяев. Со временем прибыли мои документы, мой древний кристалл и еще кое-что из вещей. Мои работодатели проверили все бумаги, после чего жалованье было повышено на пятнадцать долларов в неделю. Жизнь начинает мне улыбаться, думал я.

Прошло некоторое время, в течение которого я откладывал большую часть своего жалованья, и меня начало одолевать чувство, что я иду в никуда, что я не выполняю задания, предназначенного мне в жизни. Старший мой работодатель к этому времени проникся ко мне большим расположением, вот я и пошел к нему с этим разговором и сказал, что уйду с этой работы, как только они подыщут мне подходящую замену. Я проработал там еще три месяца.

Из Шанхая прибыли мои документы, в том числе паспорт, выданный британскими властями в британском консульстве. В те далекие дни англичане очень хорошо ко мне относились, поскольку часто пользовались моими услугами. Ну а теперь они, по-видимому, считали, что с меня больше ничего не возьмешь. Я отнес паспорт и другие документы в британское посольство в Нью-Йорке и после многих хлопот и проволочек мне удалось получить сначала визу, а потом и разрешение на работу в Англии.

Наконец, мне была найдена замена, и пробыв там еще две недели, чтобы показать преемнику, что к чему, я уехал. Америка, пожалуй, единственная в своем роде страна в том отношении, что человек может бесплатно доехать куда ему вздумается, если знает, как это сделать. Просмотрев несколько газет, я наконец увидел в рубрике «Перевозки» следующее объявление:

«Калифорния, Сиэтл, Бостон, Нью-Йорк.

Горючее бесплатно. Звонить 000000

XXX Автоперевозки».

В Америке разным фирмам постоянно требуется перегонять автомашины своим ходом

через весь континент. Многим людям с водительскими правами в кармане надо куда-нибудь добраться, поэтому самый лучший и дешевый способ для потенциального водителя — это связаться с фирмой по доставке автомобилей. После несложной проверки водительских навыков человеку выдают талоны на горючее, действительные на определенных автозаправках по маршруту следования.

Я обратился в фирму «XXX Автоперевозки» и сказал, что хочу перегнать машину в Сиэтл.

— Нет ничего проще, — ответил человек с сильным ирландским выговором. — Я как раз ищу хорошего водителя, чтобы доставить туда «линкольн». Ну-ка, прокатите меня немного, посмотрим, что вы умеете.

Пока я его возил, он сообщил мне массу полезных сведений. По всему было видно, что я пришелся ему по душе. Наконец он сказал:

— Я узнал вас по голосу, вы были диктором на радио. Я не стал отпираться. Он сказал:

— У меня есть коротковолновый радиоприемник, который как-то связывает меня с родиной. Теперь с ним, правда, что-то случилось, и он перестал брать короткие волны. Здесь в таких приемниках никто не разбирается. А вы как?

Я пообещал ему взглянуть на приемник, и он пригласил меня зайти вечером к нему домой и даже одолжил машину, чтобы я смог к нему доехать. Его жена-ирландка проявила исключительное радушие, и оба они заронили в моем сердце любовь к Ирландии, которая все растет с тех пор, как я поселился в этой стране.

Приемник был знаменитой английской модели, отличный «Эддистоун», которому просто не было равных. Ирландец вынул одну из сменных катушек, и я заметил, как он ее держит.

— Дайте-ка мне эту катушку, — сказал я, — и нет ли у вас увеличительного стекла?

Стекло нашлось, и с первого же взгляда я понял, что из-за неосторожного обращения с катушкой он сломал проводок, идущий к одному из штырьков. Я показал ему неисправность.

— Есть у вас паяльник и припой? — спросил я.

— Нет, но есть у соседа.

Он бегом помчался к соседу и вернулся с паяльником и припоем. Впаять проводок на место было делом нескольких минут, и приемник снова заработал. Чуть подрегулированы подстроечные конденсаторы, и он заработал еще лучше. Вскоре мы уже слушали передачу «Би-Би-Си» из Лондона.

— А я уже собирался отправлять приемник в Англию на ремонт, — сказал ирландец. — Теперь моя очередь оказать вам любезность. Владелец «линкольна» захотел, чтобы машину пригнал ему в Сиэтл штатный водитель фирмы. Он человек богатый. Я оформлю вас к нам на работу, так что вам еще и заплатят. Мы дадим вам восемьдесят долларов, а с него возьмем сто двадцать. Согласны?

Согласен? Да это устраивало меня как нельзя лучше.

В следующий понедельник я с утра пустился в путь. Первым делом я направился в Пасадену. Мне надо было удостовериться, что у судового механика, документами которого я воспользовался, нет никакой родни. Нью-Йорк, Питтсбург, Колумбус, Канзас-сити, мили все росли. Спешить было некуда, на всю поездку я отвел себе неделю. Ночевал я в просторной кабине, чтобы не тратиться на гостиницы, съезжая с дороги там, где мне было удобно. Вскоре передо мной замаячили Скалистые горы, воздух стал чище, и чем выше забиралась машина, тем легче мне было дышать. Целый день я с удовольствием провел среди горных хребтов и лишь к вечеру тронулся в Пасадену. Самые тщательные расспросы не выявили у судового механика никакой родни. Это, похоже, был довольно угрюмый тип, предпочитавший собственную компанию кому бы то ни было.

И снова в путь. Сначала через Йосемитский национальный парк, потом национальный парк

Кратер-Лейк, Портленд и, наконец, Сиэтл. Я отвел машину в гараж, где ее подвергли придирчивому осмотру, смазали и вымыли. Потом хозяин гаража позвал меня.

— Поехали, — сказал он мне, — он хочет, чтобы мы пригнали машину к нему домой.

Я сел за руль «линкольна», а хозяин гаража повел другую машину, чтобы нам было на чем вернуться. По широкой дорожке мы подкатили к большому дому, из которого вышли трое мужчин. Хозяин гаража почтительно обратился к человеку с ледяным лицом, купившему «линкольн». Двое сопровождавших его мужчин оказались автомобильными инженерами и сразу же приступили к тщательному осмотру «линкольна».

— С ним очень бережно обращались, — сказал старший инженер, — вы можете без всяких опасений принимать машину.

Человек с ледяным лицом снисходительно кивнул мне.

— Идемте ко мне в кабинет, — сказал он. — Я выплачу вам сотню долларов премии, вам одному, раз уж вы так бережно с ним обращались.

— Вот это да, приятель! — сказал потом хозяин гаража. — Здорово он расщедрился, вам неслыханно повезло.

— Мне нужна работа, которая доставила бы меня в Канаду, — сказал я. — Вы не могли бы мне помочь?

— Ну, — сказал хозяин гаража, вам, конечно, надо в Ванкувер, а у меня в те края ничего нет. Зато у меня есть один человек, которому нужен новый «Де Сото». Он живет в Оровилле, у самой границы. Так далеко он сам, машину не поведет и будет очень рад, если кто-нибудь ее пригонит. Он вполне кредитоспособен. Я ему сейчас позвоню.

— Слушай, Хэнк! — сказал хозяин по телефону. — Кончай тянуть волюнку и выкладывай начистоту, хочешь ты свой «Де Сото» или нет? — Потом он немного послушал и перебил собеседника: — Ну, а я тебе что говорю? У меня тут есть парень, который едет в Оровилл по дороге в Канаду. Он привел сюда «линкольн» из самого Нью-Йорка. Что скажешь, Хэнк?

Хэнк что-то долго бубнил из своего Оровилла. Его голос доносился до меня булькающей мешаниной звуков. Хозяин гаража раздраженно перевел дух.

— Ну что ты за балбес такой чертов! — воскликнул он. — Можешь., оставить чек в банке. Я тебя знаю больше двадцати лет, и мне нечего бояться, что ты меня надуешь. — Он послушал еще немного. — О-о'кей, — сказал он наконец, — это я сделаю. Да, я внесу это в счет. — Он повесил трубку и шумно выдохнул воздух. — Слушайте, мистер, — обратился он ко мне, — вы что-нибудь смыслите в женщинах?

В женщинах? А что, по его мнению, я должен смыслить в женщинах? Кто в них вообще хоть что-нибудь смыслит? Женщины — это загадка даже для самих себя! Наткнувшись на мой тупой взгляд, хозяин гаража пояснил:

— Этот самый Хэнк, он холостяк с сорокалетним стажем, это я точно знаю. А теперь он хочет, чтобы вы привезли ему какие-то дамские тряпки. Ну-ну, не иначе как этот старый пес заделался гомиком. Я спрошу у жены, что ему выслать.

В конце недели я выехал из Сиэтла в новеньком «Де Сото» с полным грузом женской одежды. Жена хозяина предусмотрительно позвонила Хэнку и выяснила, в чем дело. Из Сиэтла в Вэнэтчи, из Вэнэтчи в Оровилл. Хэнк остался доволен, так что я не теряя времени двинулся дальше в Канаду. Несколько дней я пробыл в местечке Осойус. Затем по счастливому стечению обстоятельств мне удалось пересечь всю Канаду из Трейла через Оттаву, Монреаль и Квебек. Здесь не стоит подробно об этом рассказывать, потому что все было настолько необычно, что вполне могло бы стать темой отдельной книги.

Квебек — замечательный город, с тем лишь единственным недостатком, что в некоторых его районах к человеку не слишком приветливо относятся, если он не знает французского. Моих

познаний в этом языке оказалось как раз достаточно, чтобы выжить. Я зачастил в портовую часть города и, раздобыв членский билет профсоюза моряков, нанялся на судно палубным матросом. Не слишком высокооплачиваемая работа, которая, впрочем, позволила мне еще раз пересечь Атлантику, отработав проезд. Корабль оказался старым грязным корытом. Капитан и его помощники давным-давно утратили всякий интерес к морю и к собственному судну. Приборкой на борту почти не занимались. Отношение ко мне было неприязненным, поскольку я не играл в азартные игры и не участвовал в разговорах о женщинах. Меня побаивались, так как все попытки корабельного забияки утвердиться в своей власти надо мной закончились для него жалобными воплями о пощаде. Двоим из его шайки досталось еще хуже, в результате чего меня притащили к капитану и устроили разнос за то, что я калечу членов экипажа. Никому и в голову не приходило учесть, что я всего лишь защищал себя! За исключением этих мелких стычек рейс прошел спокойно, и в скором времени наше судно уже неторопливо входило в Ла-Манш.

Я был свободен от вахты и стоял на палубе, когда мы миновали Нидлз и вошли в Солент, эту узкую полосу воды между островом Уайт и побережьем. Мы медленно проползли мимо госпиталя Нетли с его прекрасными парками, разминулись со снующими парами в Вулстоне и подошли к причалам Саутгемптона. Якорь с громким плеском ушел в воду, и в клюзах загремела цепь. Корабль развернулся носом против течения, в последний раз звякнул телеграф машинного отделения, и погасла легкая дрожь судового двигателя. На борт поднялись портовые чиновники, проверили судовые документы и принялись шнырять по каютам экипажа. Портовый врач выдал нам разрешение, и судно медленно подошло к причалу. Как член экипажа, я оставался на борту, пока не закончилась разгрузка, затем, получив жалованье, я взял свои скудные пожитки и сошел на берег.

— Что имеете предъявить? — спросил таможенник.

— Абсолютно ничего, — ответил я, открывая, как было велено, чемодан. Он просмотрел мои немногие вещи, закрыл чемодан и сделал на нем пометку мелом.

— Как долго вы намерены здесь пробыть? — спросил он.

— Я собираюсь жить здесь, сэр, — ответил я.

Он просмотрел мой паспорт, визу, разрешение на работу и дал добро.

— О'кей, — и он дал мне знак пройти в ворота.

Сделав несколько шагов, я оглянулся в последний раз на судно, которое только что покинул. В этот момент сильнейший удар чуть не сбил меня с ног, и я быстро обернулся. Какой-то таможенник, опаздывая на службу, бегом влетел с улицы, и теперь, наполовину оглушенный, сидел на тротуаре. Некоторое время он так и оставался, и я подошел, чтобы помочь ему подняться. Он яростно набросился на меня с кулаками, и я, взяв чемодан, уже собрался уходить.

— Стой! — заорал он.

— Все в порядке, — сказал пропустивший меня таможенник. — У него ничего нет, и все его документы в порядке.

— Я сам его проверю, — гаркнул старший чиновник. Ко мне подошли еще двое таможенников с озабоченными лицами. Первый попытался было протестовать, но в ответ услышал грубое «заткнись!»

Меня отвели в другую комнату, куда вскоре явился и тот обозленный чиновник. Он перерыл весь чемодан, швыряя вещи на пол, прощупал всю подкладку и дно старого потрепанного чемодана. Раздосадованный тем, что ничего не нашел, он потребовал мой паспорт.

— А! — воскликнул он. — У вас и виза, и разрешение на работу. Наш чиновник в Нью-Йорке не имел права выдавать и то, и другое. Это оставляется только на наше усмотрение здесь, в Англии.

Сияя от торжества, он театральным жестом разорвал мой паспорт надвое и швырнул его в

мусорный ящик. Одумавшись, он тут же подобрал обрывки и сунул в карман. Прозвенел звонок, и из другого помещения вошли двое таможенников.

— У этого человека нет документов, — заявил он. — Он подлежит депортации, отведите его в камеру.

— Но сэр! — возразил один из чиновников, — я же сам их видел, и они были в полном порядке.

— Вы ставите под сомнение мои полномочия? — прорычал старший чиновник. — *Делайте, как я сказал!*

Таможенник понурившись взял меня за руку. — Идемте, — сказал он. Меня увели под конвоем и водворили в камеру.

— Боже мой, старина! — сказал Смышленный Юноша из британского МИДа, много, много позже входя в мою камеру. — Вокруг вас подняли такой жуткий шум, верно? — Он провел ладонью по гладкому, как у ребенка, подбородку и шумно вздохнул. — Видите, в каком мы положении, старина. Оно совершенно, ну, совершенно отчаянное! Скорее всего у вас все-таки были документы, иначе начальство в Квебеке просто не пустило бы вас на борт судна. Но сейчас документов у вас нет. Должно быть, выпали за борт. Что и требовалось доказать, дружище, верно ведь? То есть...

Я зло уставился на него и сказал:

— Мои документы были намеренно изорваны. Я требую, чтобы меня отпустили и разрешили въезд в страну.

— Да, да, — ответил Смышленный Юноша, — но можете ли вы это *доказать** Легкий ветерок донес до моих ушей, что тут произошло на самом деле. Но мы должны быть заодно с теми, кто носит форму на плечах, иначе пресса разорвет нас на клочки. Лояльность, корпоративный дух и все такое.

— Значит, — сказал я, — вы знаете правду о том, что мои документы были уничтожены, и несмотря на это, вы в своей хваленной «Стране свободных» тупо стоите в сторонке и наблюдаете за тем, как творится произвол?

— Дружище, у вас был всего лишь паспорт жителя аннексированного государства, и по рождению вы не являетесь гражданином одной из стран Британского содружества наций. Боюсь, что вы, пожалуй, не входите в орбиту наших интересов. Так вот, дружище, если вы не согласитесь с тем, что ваши документы — ах! — *выпали за борт*, нам придется возбудить против вас дело за незаконный въезд в страну. Это может вам обеспечить тюремную отсидку года на два. Если же вы примете наши правила игры, вас всего лишь отправят назад в Нью-Йорк.

— В Нью-Йорк? Почему Нью-Йорк? — спросил я.

— Если вы вернетесь в Квебек, вы можете доставить нам некоторые неприятности. Мы сможем доказать, что вы прибыли из Нью-Йорка. Так что выбирайте сами. Либо Нью-Йорк, либо два года в качестве вынужденного гостя Ее Величества. — И, словно эта мысль только что пришла ему в голову, он добавил: — Разумеется, вас все равно депортируют после отсидки в тюрьме, и власти с удовольствием конфискуют все ваши деньги. Наше предложение позволит вам сохранить их.

Смышленный Юноша встал и стряхнул воображаемые пылинки с безукоризненного пиджака.

— Обдумайте все хорошенько, старина, обдумайте. Мы ведь предлагаем вам совершенно *замечательный* выход из положения!

С этими словами он ушел, оставив меня в камере одного.

Принесли тяжелую английскую еду, и я попытался разрезать ее самым тупым ножом, какой когда-либо попадался мне в руки. Может быть, они решили, что в моем отчаянном положении я вздумаю покончить с собой.

Но с *таким* ножом всякая попытка самоубийства заведомо обречена на неудачу.

День клонился к вечеру. Добряк-охранник бросил мне в камеру несколько английских газет. После одного взгляда я отложил их в сторону. Насколько я мог судить, они писали лишь о сексе и скандальных историях. С наступлением темноты мне принесли большую кружку какао и ломоть хлеба с маргарином. Ночь с ее промозгой сыростью заставила меня вспомнить гробницы с покрытыми плесенью останками.

Охранник утренней смены приветствовал меня улыбкой, похожей на трещину в его каменной физиономии.

— Завтра вы уезжаете, — сказал он. — Капитан одного судна согласился взять вас с условием, что вы отработаете проезд. По прибытии в Нью-Йорк вас передадут тамошней полиции.

Немного позже в тот же день ко мне явился чиновник, чтобы объявить об этом официально. Он также сообщил, что на борту я буду выполнять самую тяжелую работу, разгребать уголь в бункерах старого сухогруза, причем без всяких приспособлений, облегчающих труд. Платить за работу мне не будут, и мне придется подписать контракт, где будет оговорено, что я согласен на эти условия. После полудня меня под конвоем отвезли к агенту по отправке грузов, где в присутствии капитана я и подписал этот контракт.

Двадцать четыре часа спустя меня снова под конвоем доставили на судно и заперли в маленькой каюте, предупредив, что выпустят не раньше, чем судно покинет британские территориальные воды. Вскоре глухой рокот двигателя пробудил корабль к ленивой неспешной жизни. Надо мной прогремели тяжелые шаги, и по тому, как мерно начала подниматься и опускаться палуба, я понял, что мы вышли в беспокойное море. Только когда Портленд остался далеко за правым бортом и уже начал таять вдали, меня выпустили из каюты.

— Берись за работу, парень, — велел кочегар, сунув мне в руки выдавшую виды лопату и гребок. — Прочистишь решетки от шлака. Вынесешь их на палубу и вывалишь шлак за борт. Да поживей, смотри!

— О! Смотрите-ка! — взревел, завидев меня на полубаке, какой-то верзила. — У нас тут косоглазый появился, не то китаец, не то япошка. — Эй, ты, — сказал он, отвесив мне оплеуху, — помнишь Перл-Харбор?

— Не тронь его, Бутч, — вступился кто-то, — у него и так полиция на хвосте.

— Ха, ха! — загоготал Бутч. — Сначала я его хорошенько вздую, за один только Перл-Харбор.

И он двинулся на меня, замахав кулаками, как поршнями, и приходя во все большую ярость от того, что ни один удар меня не достает.

— Ах ты, скользкая швабра! — прохрипел он, пытаясь дотянуться и взять меня в захват за горло. Старый Цу и другие учителя в далеком Тибете хорошо подготовили меня к таким ситуациям. Мгновенно расслабившись, я пригнулся, и Бутча с разгона понесло вперед. Он перевалился через меня и врезался физиономией в край стола, ломая челюсть и чуть не отрубив себе ухо осколком разбитой при падении кружки. Больше с экипажем у меня проблем не было.

Перед нами медленно вырастали силуэты нью-йоркских небоскребов. Мы тяжело ползли к порту, оставляя за собой в небе черный шлейф дыма от низкосортного угля, горевшего в топках. Пугливо озираясь, ко мне подкатился бочком кочегар-индеец.

— Скоро за тобой явятся фараоны, — сказал он. — Ты человек хороший, я слышал, как главмех пересказывал слова капитана. Они не хотят марать руки. — Он подал мне клеенчатый кисет. — Спрячь деньги сюда и прыгай за борт, пока они не сняли тебя на берег.

И он доверительным шепотом стал мне рассказывать, куда направится полицейский катер и где я смогу спрятаться, как доводилось прятаться в свое время и ему. Я с большим вниманием

слушал его наставления, как уйти от полицейской погони, прыгнув за борт. Он дал мне фамилии и адреса людей, к которым я мог обратиться за помощью, и пообещал связаться с ними, как только сойдет на берег.

— Я уже побывал в такой передрыге, — сказал он. — Меня подставили из-за цвета моей кожи.

— Эй, ты! — гаркнул голос с мостика. — К капитану. Живо!

Я поспешил на мостик, где первый помощник молча ткнул пальцем в сторону штурманской рубки. Капитан сидел за столом, просматривая какие-то бумаги.

— А! — сказал он, подняв на меня глаза. — Я сдаю вас на руки полиции. Не хотите ли вы что-нибудь мне сказать?

— Сэр, — ответил я, — мои документы были в полном порядке, но какой-то тип из таможенного начальства порвал их на клочки.

Он пристально посмотрел на меня и кивнул, потом снова заглянул в бумаги и, по-видимому, принял решение.

— Я знаю человека, о котором вы говорите. У меня самого были с ним неприятности. Лицо чиновного аппарата должно быть сохранено, и совсем не важно, что при этом страдают другие люди. Я знаю, что вы говорите правду, потому что один мой приятель-таможенник подтвердил ваш рассказ. — Он снова опустил глаза и пошелестел бумагами. — У меня здесь лежит заявление, что вы — «корабельный заяц».

— Но сэр! — воскликнул я. — Британское посольство в Нью-Йорке может подтвердить, кто я такой. То же самое может сделать пароходное агентство в Квебеке.

— Старина, — невесело сказал капитан. — Вы не знаете, как делаются дела на Западе. Никто не станет делать никаких запросов. Вас снимут на берег, посадят в камеру, поставят перед судом, приговорят и упрячут в тюрьму. Потом о вас забудут. Когда придет время вас освободить, вас продержат в тюрьме до тех пор, пока не смогут депортировать в Китай.

— Для меня это смерть, сэр, — сказал я. Он кивнул.

— Да. Зато вся официальная процедура будет полностью соблюдена. У нас на судне тоже был случай еще во времена сухого закона. Нас арестовали, основываясь на одних подозрениях, и заставили уплатить крупный штраф, хотя за нами не было *никакой* вины.

Он открыл ящик стола и вынул оттуда небольшой предмет.

— Я скажу полиции, что вас подставили, и помогу вам чем смогу. Они могут надеть вам наручники, но обыскивать не станут, пока не доставят на берег. Вот ключ от полицейских наручников. Я вам его давать не буду, просто положу вот здесь и отвернусь.

Он положил передо мной блестящий ключ, встал из-за стола и отвернулся к висевшей за его спиной карте. Я взял ключ и положил в карман.

— Спасибо, сэр, — сказал я, — намного легче на душе от вашего доверия.

Я издали заметил приближение полицейского катера, рассекающего форштевнем каскады белой пены. На подходе он ловко развернулся и причалил к борту. Спустили трап, двое полисменов поднялись на судно и под угрюмыми взглядами команды направились на мостик. Капитан встретил их, предложил выпивку и сигары. Затем он достал из стола бумаги.

— Этот человек хорошо работал, и по моему мнению, его просто подставил государственный чиновник. Если ему дадут время позвонить в британское посольство, он сможет доказать, что невиновен.

Старший полисмен цинично ухмыльнулся:

— Все эти типы ни в чем не виновны; таких послушать — и выйдет, что все тюрьмы забиты невинными людьми, которых кто-то подставил. А все, что нам нужно, — это аккуратненько водворить его в камеру и сдать дежурство. Пошел, парень! — велел он мне. Я повернулся, чтобы

взять чемодан. — О, тебе это не понадобится, — сказал он, подгоняя меня вперед. Немного подумав, он защелкнул у меня на запястьях наручники.

— Вот это совсем уж лишнее, — отозвался капитан. — Никуда он от вас не денется, да и как он спустится в катер?

— Пусть свалится в воду, а мы его оттуда выловим, — с грубым хохотом ответил полисмен.

Спуститься вниз по трапу было нелегко, но я его как-то одолел к явной досаде полиции. Оказавшись на катере, они перестали обращать на меня внимание. Мы помчались, лавируя между многочисленными судами, и стали быстро приближаться к полицейскому причалу.

Теперь пора, подумал я и одним прыжком вылетел за борт, сразу уходя глубоко в воду. С невероятным трудом я попал ключом в замок наручников и повернул его. Наручники свалились и пропали в глубине. Медленно, очень медленно я начал всплывать. Полицейский катер ушел довольно далеко, но оттуда меня заметили и открыли огонь. Пули густо зашлепали в воду вокруг меня, и я снова нырнул. Я долго плыл мощными гребками, пока не почувствовал, что легкие вот-вот разорвутся, и лишь тогда снова всплыл на поверхность. Полиция была далеко, занимаясь поисками вблизи «очевидного места», где можно было ожидать моего выхода на берег. Я же выполз на сушу в наименее ожидаемом месте, но где именно — не скажу, на случай если какому-нибудь бедолаге тоже понадобится укрытие.

Много часов я пролежал на полузатопленных бревнах, в водоворотах грязной пены, дрожащий и измученный. Потом послышался скрип уключин, плеск весел и показалась шлюпка, в которой сидело трое полицейских. Я соскользнул с бревна и погрузился в воду так, что над поверхностью остались одни ноздри. Хотя бревно довольно надежно меня скрывало, я был готов к немедленному бегству. А лодка все кружила на одном месте. Наконец после долгого, долгого ожидания чей-то хриплый голос произнес:

— Пожалуй, он ужедохляк. Тело найдется позже. Поехали, выпьем кофейку.

И лодка скрылась из виду. Выждав порядочное время, я снова втащил измученное тело на бревно, сотрясаясь от неудержимой дрожи.

День угас, и я крадучись подполз по бревну к полусгнившему трапу. Я осторожно поднялся наверх и, увидев, что кругом ни души, опрометью бросился в какой-то сарай. Сняв одежду, я выжал ее досуха, как мог. На дальнем конце верфи показался человек, индеец. Когда он подошел поближе и оказался почти напротив меня, я тихо свистнул. Он остановился и сел на кнехт.

— Можешь осторожно выходить, — сказал он. — Фараоны наверняка все силы бросили в другую сторону. Ну, парень! Задал же ты им жару. — Он встал, потянулся и огляделся по сторонам. — Ступай за мной, — сказал он, — но если тебя схватят, я тебя не знаю. Темнокожий джентльмен уже ждет с грузовиком. Как дойдем, сразу лезь в кузов и накрывайся брезентом.

Он двинулся с места, а я, хорошенько выждав, пошел следом, скользя из одной тени в другую. Плеск воды о сваи и далекое завывание полицейской сирены были единственными звуками, нарушавшими покой. Неожиданно послышался рокот запускаемого мотора, и прямо передо мной вспыхнули задние огни грузовика. Огромный негр кивнул индийцу и дружески подмигнул мне, идущему следом, махнув рукой в сторону кузова. Я с немалым трудом забрался туда и накрылся старым брезентом. Грузовик поехал и немного погодя остановился. Оба они вышли из машины, и один из них сказал:

— Нам надо будет немного догрузиться, перебирайся вперед.

Я подполз ближе к водительской кабине, а за моей спиной послышался грохот загружаемых ящиков.

Грузовик снова поехал, трясясь на ухабистой дороге. Вскоре он остановился, и грубый голос заорал:

— Эй, вы, что везете?

— Только мусор, сэ, — ответил негр.

Тяжелые шаги прогремели совсем рядом со мной. Кучу мусора в задней части кузова чем-то поковыряли.

— О'кей, — сказал голос, — можешь ехать.

Лязгнули ворота, негр включил передачу, и мы покатали в ночную тьму. Казалось, мы ехали много часов, потом грузовик сделал резкий поворот, затормозил и остановился. Брезент сняли, и надо мной, широко улыбаясь, склонились негр и индеец. Я устало шевельнулся и нащупал деньги.

— Я заплачу вам, — сказал я.

— Ничего ты не заплатишь, — сказал негр.

— Бутч собирался убить меня до прихода в Нью-Йорк, — сказал индеец. — Ты спас меня, теперь я спасаю тебя, и мы объявляем войну дискриминации против нас. Входи.

Ни раса, ни вера, ни цвет кожи не имеют значения, подумал я. Кровь у всех красная.

Они привели меня в теплую комнату, где нас встретили две светлокожие негритянки. Вскоре меня укутали в горячие одеяла, накормили горячей едой. Потом они показали мне, где спать, и я провалился в забытье.

Глава 7

Возвращение в Тибет

Два дня и две ночи я спал, а мое изнуренное тело витало где-то между двумя мирами. Жизнь для меня всегда была чередой невзгод, вечных страданий и великого непонимания. Но теперь я спал.

Мое тело осталось далеко на Земле. Взмывая вверх, я увидел, как одна из негритянок смотрит на мою опустевшую оболочку с выражением глубокого сострадания. Потом она отвернулась и села у окна, выходящего на грязную улицу. Освободившись от телесных оков, я теперь намного яснее различал цвета астрала. Эти люди, эти темнокожие, которые помогали мне, в то время как представители белой расы способны были только преследовать, — это были добрые люди. Страдания и лишения лишь усовершенствовали их «я», а их беззаботное поведение скрывало более глубокие чувства. Мои деньги, все что я заработал ценой тяжкого труда, невзгод и самоотречения, были засунуты мне под подушку, и у этих людей находились в такой же безопасности, как в самом надежном банке.

Я взлетал все выше и выше, выходя за пределы времени и пространства, проникая в одну астральную сферу за другой. Наконец я достиг Страны Золотого Света, где меня дожидался мой Наставник, Лама Мингьяр Дондуп.

— Твои страдания были поистине огромны, — сказал он, — но все, тобою выстраданное, принесло большую пользу. Мы изучали людей Земли и тех приверженцев странных, ошибочных верований, которые преследовали тебя и *будут* преследовать, ибо они мало что понимают. Но теперь нам надо поговорить о твоём будущем. Твое нынешнее тело приближается к концу деятельной жизни, и близится время исполнения планов, которые у нас есть на этот счет.

Он шел рядом со мной по берегу самой красивой реки, которую я когда-нибудь видел. Ее воды сверкали и казались живыми. По обоим берегам раскинулись сады, настолько прекрасные, что я с трудом верил своим глазам. Сам воздух, казалось, трепетал жизнью. Вдалеке появилась группа людей в тибетских одеждах и неторопливо двинулась нам навстречу. Наставник улыбнулся мне:

— Это очень важная встреча, — сказал он, — ибо нам надо спланировать твоё будущее. Нам надо узнать, каким образом можно стимулировать исследования в области человеческой ауры, ибо мы заметили, что стоит на Земле произнести слово «аура», как большинство людей старается сменить тему разговора.

Группа подошла ближе, и я узнал тех, перед кем когда-то благоговел. Теперь они милостиво улыбались мне и приветствовали меня как равного.

— Давайте перейдем в более удобную обстановку, — сказал один из них, — чтобы все хорошенько обсудить на досуге.

И мы направились по тропе в направлении, откуда только что пришли эти люди. За поворотом тропы мы увидели дворец такой немислимой красоты, что я невольно остановился с восхищенным вздохом. Стены, казалось, были сделаны из чистейшего хрусталя, в котором переливались нежные пастельные оттенки разных цветов. Тропа пружинила под ногами, и моему Наставнику не пришлось долго меня упрашивать, чтобы войти во дворец.

Мы вошли, и я словно оказался в огромном Храме, где не было темноты, где царили чистота и атмосфера, дарившая ощущение, что это и есть сама Жизнь. Мы прошли по главному нефу здания, пока не достигли того, что на Земле я называл бы покоями Настоятеля. Здесь все было удобно и просто, лишь на стене виднелась единственная картина Высшей Реальности. По стенам

вились живые растения, а из широких окон открывался вид на великолепные парки.

Мы уселись на лежащие на полу подушки, как это принято в Тибете. Я почувствовал себя дома, испытывая почти полное удовлетворение. Мысли о теле, оставленном на Земле, все еще тревожили меня, ибо, пока не прервется Серебряная Нить, мне придется в него возвращаться. Настоятель — я буду называть его так, хотя его ранг здесь значительно выше, — оглядевшись по сторонам, заговорил:

— Отсюда мы следили за всем, что происходило с тобой на Земле. Для начала мы хотим напомнить тебе, что твои страдания *не* являются следствием Кармы, но выполняют функции нашего инструмента исследований. За все то зло, которое выпало на твою долю, ты будешь вознагражден.

Он улыбнулся мне и добавил:

— Хотя это и слабое утешение, когда испытываешь страдания на Земле! Тем не менее, — продолжал он, — мы многое узнали, хотя некоторые аспекты еще подлежат изучению. Твоему нынешнему телу слишком крепко досталось, и вскоре оно откажет тебе. Мы установили контакт на земле Англии. Тот человек хочет покинуть свое тело. Мы взяли его в астральную сферу и все подробно обсудили с ним. Он *преисполнен* желания покинуть свое тело и сделает все, что требуется. По нашему повелению он уже сменил имя на более подходящее для тебя. В жизни у него было мало радости, и он охотно прервал всякие связи с родней. Друзьями он так и не обзавелся. Его гармонический строй близок к твоему. Но пока мы воздержимся от дальнейшего разговора о нем, ибо позднее, перед тем, как ты переберешься в его тело, ты увидишь кое-что из его жизни. Сейчас перед тобой стоит задача доставить свое тело в Тибет, чтобы его можно было сохранить. Ценой больших усилий и самопожертвования ты скопил почти достаточно денег, тебе понадобится еще совсем немного, чтобы оплатить дорогу. Продолжая упорно трудиться, ты добудешь и эти деньги. Но довольно об этом. Теперь можешь целый день наслаждаться пребыванием здесь до возвращения в свое тело.

Это было настоящее блаженство — быть рядом с моим Наставником, Ламой Мингьяром Дондупом, когда я уже был не ребенком, но взрослым, способным по достоинству оценить выдающиеся качества и характер этого великого человека. Мы сидели одни на мшистом склоне холма, перед нами открывался вид на залив с водой невыносимой голубизны. Деревья покачивались на легком ветерке, овеивая нас ароматами кедров и сосен. Много часов мы провели в беседе и воспоминаниях о прошлом. История моей жизни была для него открытой книгой, и теперь он рассказывал мне свою. Так прошел день, и, когда над нами сгустились пурпурные сумерки, я понял, что пришла пора, увы, пора возвращаться на полную тревог и волнений Землю, к ее ожесточившимся людям и злым языкам, этому источнику всех земных зол.

— Хэнк! О Хэнк! Он очнулся!

Скрипнул отодвинутый стул, и, открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной великана-негра. Но сейчас он не улыбался, лицо его выражало почтение и даже благоговение. Женщина, взглянув в мою сторону, перекрестилась и слегка поклонилась.

— Что это? Что тут происходит? — спросил я.

— Мы видели чудо. Все мы, — голос негра прозвучал как-то глухо.

— Я доставил вам какие-нибудь неприятности? — спросил я.

— Нет, Учитель, вы доставили нам только радость, — ответила женщина.

— Я хотел бы сделать вам подарок, — сказал я, доставая деньги. Негр тихо сказал:

— Мы люди бедные, но ваших денег мы не возьмем. Живите здесь, как дома, пока не будете готовы тронуться в путь. Мы знаем, что вы делаете.

— Но я хотел бы как-то выразить свою благодарность, — ответил я. — Без вас я бы просто погиб.

— И отошли бы к Высшей Славе! — сказала женщина и добавила: — Учитель, вы можете дать нам нечто большее. Научите нас *молиться!* Я немного помолчал, растерявшись от такой просьбы.

— Да, — сказал я, — я *научу* вас молиться, как когда-то учили меня.

Все религии мира преисполнены веры в могущество молитвы, но лишь немногие понимают механику этого процесса, немногие понимают, почему одним молитвы помогают, а другим, казалось бы, нет. Большинство жителей Запада полагает, что на Востоке люди либо молятся идолам, либо не молятся вовсе. Оба эти утверждения ошибочны, и я вам сейчас расскажу, как можно вывести молитву из сферы мистицизма и суеверий и применять ее во благо другим людям, ибо молитва — это поистине реальная сила. Это одна из величайших сил на Земле, если ее применять, как это ей предназначено.

Большинство религий утверждает, что у каждого человека есть свой Ангел-Хранитель, либо некое существо, которое о нем заботится. И это тоже верно, но Ангел-Хранитель есть сам человек, его иная сущность, та иная сущность, которая пребывает по ту сторону жизни. Лишь очень немногим удастся увидеть этого ангела, этого своего Хранителя в течение своей земной жизни, но те, кому это было дано, могут описать его во всех деталях.

Этот Хранитель (надо же нам как-то его назвать, так назовем его Хранителем) не имеет материального тела, подобного нашему земному телу. Он скорее похож на призрак. Иногда ясновидящие видят его как светящуюся голубыми переливами фигуру больше человеческого роста, соединенную с плотью тем, что известно как Серебряная Нить. Эта Нить пульсирует и сияет светом жизни, и по ней от одного к другому передаются послания. У Хранителя нет тела, подобного земному, однако он способен делать многое из того, на что способно земное тело, и к тому же он может делать многое такое, на что земное тело не способно. К примеру, Хранитель может мгновенно перенестись в любой уголок мира. Именно Хранитель совершает астральные путешествия и передает телу по Серебряной Нити всю необходимую информацию.

Когда вы молитесь, вы молитесь самому себе, своей иной сущности, своей Высшей Сущности. Если бы мы знали, как правильно молиться, мы направляли бы эти молитвы по Серебряной Нити. Телефонная связь, которой мы пользуемся в обычной жизни, весьма ненадежное средство, и мы вынуждены многократно повторяться, чтобы наше послание наверняка было услышано. Когда вы молитесь, говорите так, как говорили бы сочень далекого расстояния, говорите четко и разборчиво, хорошо обдумывая каждое слово. Недостатки, должен сказать, заключены в нас самих, здесь, в этом мире. Они заключены в несовершенном теле, которое нам дано в этом мире. В нашем Хранителе недостатков нет. Молитесь простым языком, непременно заботясь о том, чтобы ваши просьбы всегда были положительны и никогда — отрицательны.

Выстроив молитву в абсолютно позитивном плане и исключив всякую вероятность того, что она будет неверно понята, повторите эту молитву раза три. Возьмем для примера такой случай. Допустим, некто страдает от болезни, и вы хотите как-то ему помочь. Тогда вам следует молиться за облегчение страданий этого человека. Молитву надо повторить трижды, каждый раз произнося в точности одни и те же слова. Представьте себе, как этот призрачный, этот нематериальный образ направляется к дому того человека дорогой, по которой обычно ходите вы сами; как он входит в дом и возлагает руки на этого человека, оказывая целительное воздействие. Чуть позже я еще вернусь к этой теме, но сначала позвольте мне сказать вот что: повторяйте молитву столько раз, сколько это необходимо, и если вы действительно верите, то улучшение непременно произойдет.

Теперь о полном исцелении. Если, допустим, у человека ампутирована нога, никакими молитвами новую ему не отрастить. Но если у человека рак или иное тяжелое заболевание, то

оно может быть остановлено. Разумеется, чем легче болезнь, тем легче достигнуть исцеления. Всем известны случаи чудесных исцелений, отмеченные на протяжении мировой истории. Лурд, как и многие другие местности, славится своими исцелениями, причем все они совершены иной сущностью, Хранителем конкретного человека вкупе со славой данной местности. Лурд, например, известен во всем мире как место чудесных исцелений, потому люди и едут туда, безоговорочно веря в свое выздоровление, и очень часто эта вера передается Хранителям этих людей, и исцеление наступает очень быстро и легко.

Некоторым нравится думать, что исцеление совершает некий святой, или ангел, или какая-нибудь древняя реликвия. Но в действительности каждый исцеляет себя сам, и если целитель вступает в контакт с человеком, желающим помочь больному, то само исцеление осуществляется только через Хранителя этого больного. Как я уже говорил, все сводится к вам самим, к той вашей истинной сущности, которую вы обретаете, покидая эту призрачную жизнь и вступая в Высшую Реальность. Находясь на Земле, все мы склонны считать Землю, этот мир — единственным, что имеет какое-то значение. Но нет, это Мир Иллюзий, мир невзгод и лишений. Мы приходим сюда постигать уроки, которые не так легко усваиваются в том более добром и великодушном мире, куда мы возвращаемся.

Вы и сами можете страдать от какого-то недуга или увечья либо ощущать недостаток необходимой эзотерической силы. Это тоже можно излечить и преодолеть, если вы искренне верите и действительно этого хотите. Допустим, вы испытываете горячее желание оказывать помощь, другим; может быть, вы сами хотите стать целителем. Молитесь тогда в уединении вашей комнаты, возможно, в спальне. Примите максимально удобную для вас позу расслабления. Ноги желательно свести вместе, а пальцы рук переплести, то есть хотя это не обычная поза молящегося, но пальцы все же сплетены. Так вы сохраняете и усиливаете магнетический контур вашего тела, аура становится мощнее, а Серебряная Нить может более точно передавать послания. Только приняв правильную позицию и правильно настроившись, приступайте к молитве.

Можно, например, молиться так: «Дай мне способность исцелять людей». «Дай мне способность исцелять людей». «Дай мне способность исцелять людей». После этого оставайтесь некоторое время в той же позиции расслабления и представьте себе контур вашего тела прозрачным.

Как я уже говорил, вы должны представить себе дорогу, по которой пошли бы к дому больного, затем пусть ваше тело совершит воображаемое путешествие в дом человека, которого вы желаете исцелить. Представьте, как вы, ваша Высшая Сущность, входите в дом и предстаете перед этим человеком. Представьте, как вы протягиваете руку, ладонь и затем касаетесь этого человека. Вообразите, как по вашей руке через пальцы к этому человеку перетекает поток живительной энергии, словно поток живого голубого пламени. Вообразите, как этот человек постепенно выздоравливает. При наличии веры и небольшого практического опыта это вполне осуществимо, впрочем, на Дальнем Востоке такое происходит ежедневно.

Полезно представить себе, как вы кладете одну руку на затылок больного, а другую — на пораженный орган. Произносите молитвы группами по три, ежедневно, по многу раз, пока не получите желаемого результата. Повторяю, если в вас есть вера, вы непременно его добьетесь. Позвольте мне, однако, сделать одно серьезнейшее предостережение. Желать увеличить свое состояние таким способом нельзя. Существует очень древний закон оккультизма, запрещающий использовать молитвы ради собственной наживы. Нельзя добиваться этого для себя иначе, чем с целью оказания помощи другим, при условии, что вы искренне верите, что это действительно поможет другим людям. Мне известен один достоверный случай, когда человек с весьма скромными доходами и живший вполне благополучно, однажды подумал, что если получит

самый крупный выигрыш на ирландском тотализаторе, то будет много помогать людям и станет великим благодетелем человечества.

Разбираясь немного, хотя и недостаточно в эзотерических вопросах, он составил грандиозные планы будущих благодеяний и приступил к реализации тщательно подготовленной программы молитв. Целых два месяца он молился в соответствии с изложенными в этой главе наставлениями; молился о том, чтобы выиграть главный приз на ирландском тотализаторе. Целых два месяца он произносил молитвы три раза в день группами по три, всего девять молитв за день. Как он этого и ожидал, ему достался один из самых крупных выигрышей за всю историю тотализатора.

В конечном счете он получил свои деньги, и они ударили ему в голову. Он начисто позабыл и о своих добрых намерениях, и о своих обещаниях. Он забыл обо всем, кроме того, что теперь у него громадная сумма денег и он может делать с ними все, что захочет. И он пустил все деньги на ублажение собственных прихотей. Всего несколько месяцев он жил припеваючи, становясь все более жестокосердным, а потом вступил в силу неумолимый закон, и вместо того, чтобы сохранить деньги и помогать другим, он потерял все, что приобрел, и даже то, что имел прежде. В конце концов он умер и был похоронен на кладбище для нищих.

Я говорю вам, что если вы правильно используете силу молитвы, без всякой мысли о наживе и самовозвеличении, то у вас в руках окажется одна из самых могущественных сил на Земле, сила настолько великая, что если бы несколько искренних людей собрались вместе и помолились о мире, то наступил бы мир, и не было бы больше ни войн, ни даже мыслей о войнах.

На какое-то время воцарилось молчание, пока они переваривали все сказанное мною, потом женщина сказала:

— Как бы я хотела, чтобы вы хоть какое-то время побыли с нами и учили нас! Мы увидели чудо, но явился Некто и велел нам никому об этом не рассказывать.

Передохнув несколько часов, я оделся и написал письмо моим друзьям-чиновникам в Шанхае, в котором сообщил, что произошло с моими документами. Они прислали мне авиапочтой новый паспорт, что значительно упростило мое положение. Той же почтой пришло письмо от одной очень богатой женщины. «Уже довольно давно, — писала она, — я пытаюсь разыскать ваш адрес. Моя дочь, которую вы спасли от японцев, сейчас со мной, и ее здоровье полностью поправилось. Вы спасли ее от насилия и чего-то еще более страшного, и я хочу оплатить по крайней мере частично наш долг перед вами. Сообщите, что я могу для вас сделать».

Я написал ей, что хочу вернуться домой в Тибет, чтобы там умереть. «У меня достаточно денег на билет до какого-нибудь индийского порта, — писал я, — но их не хватит, чтобы пересечь континент. Если вы действительно хотите мне помочь, купите мне билет от Бомбея до Калимпонга в Индии». Я не слишком серьезно отнесся к этой ситуации, но спустя две недели я получил письмо с билетами первого класса на пароход до Бомбея и на поезд до самого Калимпонга. Я немедленно написал ей письмо с выражениями благодарности и сообщил, что освободившиеся деньги отдам приютившей меня негритянской семье.

Эти добрые люди огорчились, узнав, что я уезжаю, но были чрезвычайно рады тому, что хотя бы раз в жизни я буду путешествовать с комфортом. Уговорить их принять деньги было очень непросто. В конечном счете мы их разделили.

— Один такой вопрос, — сказала добродушная негритянка. — Вы знали, что эти деньги поступят, так сказать, на благое дело? Вы направляли за ними то, что вы назвали «мысленной формой»?

— Нет, — ответил я, — должно быть, это исходило из источника, весьма удаленного от

этого мира.

На лице ее появилось смущение.

— Вы говорили, что до отъезда расскажете нам о Мыслеформах. Сейчас у вас найдется время?

— Да, — ответил я. — Присядьте, и я расскажу вам одну историю. Она села и сложила руки. Ее муж выключил свет и тоже сел, а я начал свой рассказ:

«По обжигающим пескам, под яростными лучами солнца небольшая группа людей держала путь по узким улочкам среди серых каменных зданий. Через некоторое время они остановились у неприметной двери и, постучав, вошли внутрь. Прозвучало несколько сказанных вполголоса фраз, и пришедшим подали брызжущие горячей смолой факелы. Они пустились в неторопливый путь по коридорам, спускаясь все ниже в толщу песков Египта. Кругом стояла тошнотворная духота. Она липла к ноздрям, забивая дыхательные пути.

Ни один лучик света не проникал в это подземелье, за исключением того, который был в руках факелоносцев — факелоносцев, шедших впереди небольшой процессии. Чем дальше уходили они в подземелья, тем сильнее становился запах ладана, мирры и неведомых экзотических трав Востока. Но был еще и запах смерти, тления и гниющих растений.

Вдоль дальней стены стоял длинный ряд сосудов — каноп, в которых хранились сердца и внутренности тех, кто был подвергнут бальзамированию. На каждом виднелся аккуратный ярлык с точным указанием содержимого и даты, когда сосуд был запечатан. Идущие миновали их, лишь слегка содрогнувшись, и продолжали свой путь мимо ванн с селитрой, в которые тела погружались на девяносто дней. И сейчас в этих ваннах плавали чьи-то тела, то и дело появлялся смотритель, чтобы длинным шестом толкнуть тело в глубину или перевернуть его. Едва взглянув на плавающие трупы, процессия перешла в дальнейшее подземелье. Там, на досках из благоуханного дерева покоилось тело умершего фараона, плотно обернутое бинтами из льняной ткани, густо осыпанное пахучими травами и умащенное мазями.

Люди вошли в подземелье, четверо носильщиков взяли тело и вложили его в легкий деревянный саркофаг, стоявший у стены. Затем, подняв его на плечи, они последовали за факелоносцами прочь из подземелья, мимо ванн с селитрой, прочь из помещений египетских бальзамировщиков. Недалеко от выхода на поверхность тело поместили в камеру, куда скупо просачивался дневной свет. Здесь его вынули из грубого деревянного саркофага и уложили в другой, в точности повторяющий форму тела. Руки скрестили на груди и туго запеленали бинтами. К ним привязали папирус с жизнеописанием умершего.

Сюда несколько дней спустя пришли жрецы Озириса, Изиды и Гора. Здесь они произнесли напутственные молитвы, служившие душе проводником в Загробном Мире. Здесь волшебники и маги древнего Египта также создавали свои Мыслеформы, которые охраняли бы тело покойника и предотвращали вторжение грабителей в гробницу и нарушение покоя умершего.

По всей земле Египта было объявлено о суровых карах тем, кто осмелится осквернить гробницу. Приговор гласил: вначале грабителю вырвут язык, затем отрубят кисти рук. Через несколько дней ему вспорют живот и по шею заруют в горячий песок, где он и проведет последние часы жизни.

Гробница Тутанхамона вошла в историю благодаря проклятию, которое пало на тех, кто ее вскрыл. Все, кто вошел в гробницу Тутанхамона, вскоре умерли либо страдали от загадочных неизлечимых болезней.

Египетские жрецы обладали знанием, утраченным для современного мира, знанием сотворения Мыслеформ для выполнения задач, непосильных для человеческого тела. Но в утрате этого знания нет большой беды, ибо каждый, немного попрактиковавшись и проявив известную настойчивость, может создать Мыслеформу, которая станет действовать во благо либо во зло.

Какой поэт сказал: «Я капитан своей души»? Этот человек сформулировал великую истину, возможно, более великую, чем он это осознавал, ибо Человек действительно является капитаном своей души. Люди Запада рассматривают предметы материальные, механические — словом, все, что имеет отношение к земному миру. Они пытаются исследовать и космос, однако им не удается исследовать самую глубокую из тайн — подсознание Человека, ибо Человек на девять десятых — подсознание, а это означает, что сознание составляет всего одну десятую Человека. Всего лишь одна десятая человеческого потенциала подчиняется его осознанным командам. Человек, сознание которого составляет полторы десятых, уже гениален, но гении на Земле одноподчинены. В иных областях они обычно весьма несовершенны.

Во времена фараонов египтяне хорошо знали силу подсознания. Он хоронили своих фараонов в глубоких гробницах и, пользуясь своим мастерством, своим знанием человеческой природы, творили заклинания. Они сотворяли Мыслеформы, которые охраняли гробницы почивших фараонов и отпугивали злоумышленников, грозя им страшными болезнями.

Вы сами тоже можете создавать Мыслеформы, которые будут творить добро, но убедитесь сначала, что они предназначены для добра, ибо Мыслеформа не отличает добра от зла. Она способна творить и то и другое, но злонамеренная Мыслеформа в конечном счете грозит возмездием своим создателям.

История Аладдина — это фактически история сотворенной Мыслеформы. Она основана на одной старой китайской легенде, — легенде, которая до последнего слова правдива.

Воображение — это величайшая сила на Земле. К сожалению, названо оно неудачно. При употреблении слова «воображение» человеку автоматически приходит в голову этакий разочарованный тип с невротическими склонностями, однако нет ничего, что было бы дальше от истины. Все великие мастера искусства, великие художники и великие писатели должны обладать блестящим контролируемым воображением, в противном случае они не смогут представить себе в законченном виде произведение, которое пытаются создать.

Если бы мы в повседневной жизни в полную силу использовали воображение, мы достигли бы того, что сейчас считаем чудом. Допустим, дорогой нам человек страдает от некоей болезни, неподвластной современной медицинской науке. Такого человека можно вылечить, если создать Мыслеформу, которая войдет в контакт с Высшей Сущностью больного и поможет этой Высшей Сущности материализовать и создать новые органы. Так, человек, страдающий диабетом, мог бы при оказании соответствующей помощи воссоздать поврежденные участки поджелудочной железы, ставшие причиной болезни.

Как создать Мыслеформу? Ну, это легко. Сейчас мы в этом разберемся. Прежде всего, необходимо определить для себя, что вы хотите совершить, и точно знать, что это будет во благо. Затем следует призвать на помощь воображение и зримо представить себе желаемый результат. Предположим, недуг вызван поражением какого-то органа. Если мы хотим создать Мыслеформу в помощь этому человеку, мы должны зримо и точно представить, что он стоит перед нами. Мы должны постараться представить себе пораженный болезнью орган. Имея перед собой зримый образ пораженного органа, мы должны представить, как он постепенно восстанавливается, и мысленно передать позитивное утверждение. Итак, мы создаем Мыслеформу, зримо представляем себе человека, представляем, как Мыслеформа встает рядом с ним, и с помощью сверхъестественных сил проникаем в тело больного и исцеляющим прикосновением заставляем болезнь исчезнуть.

Во всех случаях с созданной нами Мыслеформой надо говорить твердым, уверенным голосом. Здесь ни на секунду не должно быть даже намека на отрицательные чувства или нерешительность. Говорить следует по возможности самым простым языком и предельно прямо. Мы должны говорить с ней так, как говорили бы с очень отсталым ребенком, ибо

Мыслеформа не имеет разума и может воспринимать лишь прямые команды либо простые утверждения.

Какой-нибудь орган может быть поражен язвой, и тогда мы говорим Мыслеформе: «Сейчас ты исцелишь такой-то орган». Язва затягивается.

Это надо повторять несколько раз в день, и если вы представите себе, как ваша Мыслеформа действительно берется за дело, то она и в самом деле заработает. Она работала у египтян, может работать и у людей нынешних времен.

Есть множество достоверных примеров того, что в гробнице обитает некая призрачная фигура. Причина в том, что либо умершие, либо кто-то другой мыслил настолько интенсивно, что в конечном счете создал фигуру из эктоплазмы. Во времена фараонов египтяне хоронили набальзамированное тело фараона, прибегая к таким крайним методам защиты, что их Мыслеформы могли оживать даже тысячелетия спустя. Они предавали рабов медленной и мучительной смерти, говоря им, что в загробной жизни они получают избавление от страданий и боли, если, умирая, они предоставят некую субстанцию, из которой и создается основная Мыслеформа. В истории археологии зафиксировано множество случаев появлений призраков и исцелений в гробницах, и все это всего лишь следствие абсолютно естественных, абсолютно нормальных законов.

При наличии небольшого практического опыта Мыслеформы может создавать каждый. Однако во всех случаях вы прежде всего должны сосредоточиться на добром начале вашей Мыслеформы, ибо если вы попытаетесь создать злонамеренную форму, то такая Мыслеформа непременно обратится против вас и, возможно, нанесет вам тяжкий вред в физическом, ментальном либо астральном состоянии».

Следующие несколько дней были очень суматошными: получение транзитных виз, последние приготовления, упаковка вещей и отправка их к друзьям в Шанхай. Мой кристалл был бережно упакован и отправлен туда же, чтобы я смог воспользоваться им в будущем, также и мои китайские документы, которые, кстати, уже видели довольно многие люди, облеченные властью.

Мои личные вещи я свел к абсолютному минимуму, состоящему из одного костюма и одной смены белья. Утратив всякое доверие к чиновникам, я обзавелся фотокопиями всех документов, — паспорта, билетов, медицинских справок — словом, всего!

— Вы придете меня проводить? — спросил я моих негритянских друзей.

— Нет, — ответили они. — Из-за цвета кожи нас туда и близко не подпустят!

Наступил последний день, и я на автобусе отправился в порт. Я предъявил билет, держа в руках лишь небольшой чемодан, и был встречен вопросом о том, где находится остальной мой багаж.

— Это все, — ответил я, — больше я ничего не везу. Чиновник был явно озадачен и подозрителен.

— Подождите здесь, — пробормотал он и поспешно скрылся где-то в глубине конторы. Через несколько минут он появился в сопровождении начальника.

— Это весь ваш багаж, сэр? — спросил тот.

— Весь, — ответил я.

Он нахмурился, просмотрел мои билеты, сверил подробности с записями в книге и удалился, унося с собой и книгу, и билеты. Десять минут спустя он вернулся с выражением крайней озабоченности на лице. Вручая мне билеты и остальные документы, он сказал:

— Все это выходит за рамки всяких правил. В такой дальний путь в Индию — и без багажа!

И покачав головой, он ушел. Первый чиновник, по-видимому, вообще решил умыть руки и даже не пожелал ответить, когда я спросил, где стоянка корабля. Наконец я взглянул на

несколько новых бумажек у себя в руках и обнаружил среди них посадочный талон, где была вся необходимая информация.

До нужного причала пришлось довольно долго идти пешком, а добравшись до места, я увидел нескольких полицейских, слонявшихся поблизости и присматривавшихся к пассажирам. Я подошел, предъявил билет и поднялся по сходням на борт. Спустя примерно час в мою каюту вошли двое и спросили, почему у меня нет багажа.

— Но дорогие мои, — сказал я, — я полагал, что это страна свободных людей! С какой стати я *должен* обременять себя багажом? Это мое дело, что брать с собой, а что — нет.

Бормоча себе под нос что-то невнятное, он покрутил в руках документы и сказал:

— Ну, должны же мы убедиться, что все в порядке. Чиновник подумал, что вы пытаетесь бежать от правосудия, поскольку едете без багажа. Он только хотел убедиться.

Я указал на чемодан.

— Все, что мне нужно, находится здесь; до Индии мне хватит; а в Индии я получу остальной багаж.

Он вздохнул с явным облегчением:

— А! Так у вас *есть* еще багаж в Индии? Тогда все в порядке.

Я улыбнулся в душе и подумал: «Всякие неприятности и недоразумения с въездом и выездом из страны возникают у меня только тогда, когда я делаю это легально и имею при себе все документы, требуемые чиновным аппаратом».

Жизнь на борту была весьма однообразна, пассажиры ревниво соблюдали классовые различия, а слух о том, что у меня с собой «всего один чемодан!», совершенно изолировал меня от их общества. Поскольку я не вписывался в их снобистские нормы, я был одинок, словно заключенный в камере, с той, правда, громадной разницей, что у меня была свобода передвижения. Было даже забавно наблюдать, как другие пассажиры велели стюарду передвинуть на палубе их кресла хоть немного подальше от меня.

Из нью-йоркского порта мы пришли в Гибралтарский пролив. Пройдя Средиземное море, мы зашли в Александрию, затем направились в Порт-Саид и по Суэцкому каналу вошли в Красное море. Я очень тяжело переносил жару, вода в Красном море чуть ли не кипела, но наконец-то оно осталось позади, мы пересекли Индийский океан и подошли к причалу в Бомбее. В этом городе у меня были кое-какие друзья, буддийские священники и другие, и я целую неделю провел в их обществе перед тем, как продолжить путешествие через всю Индию в Калимпонг. В Калимпонге было полным-полно коммунистических шпионов и газетчиков. Жизнь вновь прибывших превратилась в бесконечный кошмар бессмысленных вопросов, на которые я, впрочем, не отвечал, идя к своей цели. Эта склонность жителей Запада вечно совать нос в чужие дела была для меня совершенно непостижимой загадкой.

Я был рад покинуть Калимпонг и отправиться в родную страну, в Тибет. Моего приезда ждали, и я был встречен группой высокопоставленных лам, переодетых бродячими монахами и торговцами. Мое здоровье быстро ухудшалось и требовало частых остановок и отдыха. После долгого пути, примерно десять недель спустя мы прибыли в уединенный монастырь высоко в Гималаях над долиной Лхасы. Монастырь этот был так мал и неприступен, что китайские коммунисты оставили его в покое.

Несколько дней я отдыхал, пытаясь хоть немного восстановить силы. Отдыхал и медитировал. Сейчас я был *дома* и впервые за многие годы был счастлив. Вся лживая и предательская натура людей Запада казалась теперь кошмарным сном. Каждый день ко мне небольшими группами приходили люди рассказать о событиях в Тибете и послушать мои рассказы о странном и жестоком мире за его границами.

Я посещал все богослужения, находя утешение и отраду в знакомых ритуалах. Тем не менее

я словно стоял особняком как человек, готовящийся умереть и снова вернуться к жизни. Человек, готовящийся подвергнуться одному из самых странных испытаний, которые выпадали на долю живого существа. Впрочем, такое ли оно странное? Многие наши высшие Адепты совершали это из жизни в жизнь. Сам Далай-Лама делал это, время от времени переходя в тело новорожденного ребенка. Однако разница была в том, что я собирался перейти в тело взрослого человека и переплавить его тело в свое, изменяя молекулу за молекулой всю плоть, а не одно лишь «я». Хотя я и не христианин, однако в соответствии с требованиями программы моих занятий в Лхасе я читал христианскую Библию и прослушал о ней ряд лекций. Я знал, что в Библии повествуется, как в тело Иисуса, Сына Марии и Иосифа, вошел «Дух Сына Божьего», и он стал Христом. Я также знал, что христианские прелаты созвали в шестидесятом году нашей эры Собор, чтобы запретить ряд поучений Христа. Было запрещено упоминание о Реинкарнации, запрещено учение о переходе в иное тело, равно как и многие другие вещи, которым учил Христос.

Из окна без стекол я взглянул на раскинувшуюся далеко внизу Лхасу. Трудно было поверить, что всем здесь заправляют ненавистные коммунисты. В то же время они пытаются завоевать умы молодых тибетцев чудесными посулами. Мы называли это «медом на острие ножа», — чем больше слизываешь мед, тем скорее открывается острое лезвие. Вблизи Парго Калинг стояли сторожевые посты китайских солдат. Китайские войска сторожили входы в наши храмы, подобно пикетам забастовщиков на Западе, и издевались над нашей древней религией. Монахи подвергались оскорблениям и даже избиениям, к этому же подстрекались безграмотные крестьяне и пастухи.

Здесь, над этой почти недоступной пропастью, мы пребывали в безопасности от коммунистов. Все скалы вокруг нас были изрыты сотами пещер, к которым вела единственная тропа, извиваясь по самому краешку обрыва. Оступившихся в пути ждала двухтысячфутовая бездна. Здесь, отваживаясь выйти наружу, мы надевали серые одежды, чтобы сливаться со скалами. Серые одежды помогали нам прятаться от случайных взглядов китайцев с биноклями.

Вдали я видел китайских специалистов с теодолитами и мерными шестами. Они, как муравьи, ползали повсюду, вбивая в землю кольшки, делая записи в тетрадах. Перед солдатом прошел монах, и китаец ткнул его штыком в ногу. В двадцатикратный бинокль, мой единственный предмет роскоши, мне хорошо был виден поток хлынувшей крови и садистская ухмылка китайца. Бинокль был хорош, ибо позволял видеть гордый дворец Поталы и мой родной Чакпори. Но вот в мысли закралась подспудная тревога, чего-то здесь не хватало. Наведя бинокль, я пригляделся внимательнее. Ничто не тревожило водную гладь Озера Храма Змея. На улицах Лхасы ни одна собака не рылась в кучах отбросов. Ни птиц, ни собак! Я обернулся к стоявшему рядом монаху.

— Коммунисты всех их перебили себе в пищу. Собаки не работают, значит, не имеют права на жизнь, — заявили коммунисты, — однако еще могут сослужить нам службу, став продуктом питания. Теперь иметь собаку или кошку или любое иное животное считается преступлением. — Я с ужасом уставился на монаха. Иметь домашнего любимца — преступление! И я инстинктивно снова взглянул на Чакпори.

— Что же там случилось с нашими кошками? — спросил я.

— Убиты и съедены, — последовал ответ.

Я вздохнул и подумал: «О! Если бы я мог поведать людям *правду* о коммунизме, о том, как они *на самом деле* обращаются с людьми и животными. Если бы Запад не был так щепетилен!»

Я вспомнил о небольшой общине монахинь, о которой недавно услышал от одного высокопоставленного ламы. Находясь в пути, он случайно наткнулся на единственную монахиню, оставшуюся в живых, которая и рассказала ему всю эту историю перед тем, как

умереть у него на руках. На ее монашескую общину, поведала она, напала озверелая банда китайской солдатни. Они осквернили все Святыни и разграбили все, что имело хоть какую-то ценность. Они сорвали одежду с престарелой настоятельницы и облили ее маслом. Затем подожгли монахиню и, радостно гогоча, слушали ее крики. Наконец несчастное обугленное тело замерло на земле, и один из солдат распорол его штыком, чтобы убедиться, что перед ним труп.

Старых монахинь раздели и проткнули раскаленными железными прутами, так что все они умерли в страшных мучениях. Молодых монахинь насильовали на глазах друг у друга, причем за три дня пребывания солдат в общине каждая подверглась насилию от двадцати до тридцати раз. Потом, по-видимому, наскучив этой «забавой» или просто устав от нее, они набросились на монахинь в последнем приступе зверской ярости. Одним женщинам отрубали конечности, другим вспарывали животы, третьих нагими выгоняли на лютый мороз.

Небольшая группа монахов, шедшая в Лхасу, случайно столкнулась с ними и попыталась как-то помочь, отдавая женщинам свои одежды, стараясь поддержать в них огонек чуть теплившейся жизни. Однако отряд китайских солдат, тоже шедший в Лхасу, напал на них и расправился с монахами с такой дикой жестокостью, что об этом невозможно писать. Покалеченных и безнадежно изуродованных монахов разогнали нагими по морозу, пока они не умерли от потери крови и холода. Осталась в живых лишь одна женщина; она упала в канаву и спряталась под молитвенными флажками, которые китайцы сорвали с шестов. Долгое время спустя к месту чудовищной расправы подошел этот лама с мальчиком-послушником, и вдвоем они услышали из уст умирающей монахини всю эту историю.

О! Рассказать бы Западному миру обо всех ужасах коммунизма, — думал я, но, как впоследствии убедился на собственной шкуре, на Западе невозможно ни писать, ни говорить правду. Все ужасы должны быть сглажены, на всем должен быть налет «благопристойности». А коммунисты разве «благопристойны», когда насильуют, калечат и убивают? Если бы на Западе прислушались к *достоверным* рассказам тех, кто перенес эти мучения, им наверняка удалось бы уберечь себя от подобных ужасов, ибо коммунизм коварен, как раковая опухоль, и пока люди готовы думать, что этот чудовищный культ — всего лишь иное политическое течение, до тех пор народам мира угрожает реальная опасность. Как человек, много выстрадавший, я сказал бы — *покажите* людям в печати и в зримых образах (пусть самых чудовищных), что творится за «Железным занавесом».

Пока я размышлял над всем этим, лихорадочно блуждая взглядом по раскинувшейся передо мной долине, ко мне в комнату вошел, опираясь на палку, сгорбленный старец. Лицо его было покрыто морщинами — следами страданий, — на выдающихся скулах кожа была туго натянута, словно высушенный пергамент. Я увидел, что он слеп, и встал, чтобы подать ему руку. Его пустые глазницы пылали огнем, а движения были неуверенными, как у тех, кто ослеп недавно. Я усадил его рядом с собой и ласково взял за руку, думая о том, что на этой оккупированной земле мы уже ничем не сможем облегчить его страданий и унять боль в его воспаленных глазницах.

Он терпеливо улыбнулся и сказал:

— Ты хочешь знать о моих глазах, Брат. Я пребывал на Священной Дороге, простираясь ниц у Гробницы. Вставая на ноги, я поднял глаза на Поталу, и, к моему несчастью, на линии моего взгляда оказался китайский офицер. Он обвинил меня в том, что я посмотрел на него заносчиво и даже оскорбительно. Меня привязали веревкой к его машине и поволокли по земле на площадь. Туда же согнали толпу зрителей, перед которыми мне вырвали глаза и швырнули в лицо. На моем теле, как ты наверняка заметил, множество полузаживших ран. Люди привели меня сюда, и я рад тебя приветствовать.

Я ахнул от ужаса, когда он раскрыл свои одежды, ибо его тело было сплошной открытой

раной после того, как его волокли по дороге. Я хорошо знал этого человека. Еще будучи послушником, я изучал под его руководством вопросы разума. Я знал его и тогда, когда стал ламой, ибо он был одним из моих восприемников. Он был в числе тех лам, с которыми я спустился в глубокие подземелья Поталы, чтобы подвергнуться Церемонии Малой Смерти. Теперь он сидел рядом со мной, и я знал, что его смерть уже не за горами.

— Ты много путешествовал, многое увидел и испытал, — сказал он. — Теперь последним моим заданием в этой инкарнации будет помочь тебе окинуть взглядом с помощью «Хроники Акаши» жизнь некоего англичанина, страстно желающего покинуть свое тело, чтобы ты мог в него перебраться. Ты увидишь лишь разрозненные фрагменты, ибо на это уходит много энергии, а сил у нас обоих немного.

Помолчав, он продолжил с легкой улыбкой:

— Это усилие положит конец моей нынешней жизни, и я рад, что имею возможность поставить себе в заслугу это последнее задание. Благодарю тебя, Брат, за эту возможность. Когда ты вернешься из астрального путешествия, рядом с тобой будет мертвец.

«Хроники Акаши»! Какой это удивительный источник знаний! Как трагично, что люди вместо возни с атомными бомбами не занимались исследованием ее возможностей. Все, что мы делаем, все, что происходит, неизгладимо запечатлевается в Акаше, этом таинственном носителе информации, насквозь пронизывающем всякую материю. Каждое движение на Земле от самого ее зарождения открывается глазам тех, кто должным образом подготовлен. История всего мира лежит перед теми, чьи *глаза* раскрыты. Древнее пророчество утверждает, что после окончания этого столетия ученые смогут использовать «Хроники Акаши», чтобы заглянуть в историю. Интересно было бы узнать, что *на самом деле* сказала Антонию Клеопатра, каковы в действительности были знаменитые высказывания мистера Глад стона. Лично мне было бы очень приятно увидеть физиономии моих критиков, увидевших, какими они оказались ослами, и *вынужденных* в конечном счете признать, что я писал правду, но как это ни прискорбно, к тому времени никого из нас здесь уже не будет.

Но можем ли мы яснее рассказать, что такое Хроники Акаши? Все происходящее «запечатлевается» в этом носителе информации, который пронизывает насквозь даже воздух. Стоит раздаться какому-нибудь звуку или начаться какому-либо действию, как он уже там на вечные времена. С помощью соответствующих инструментов видеть ее может всякий. Рассмотрим ее в категориях света или тех колебаний, которые мы называем светом и зрением. Свет распространяется с определенной скоростью. Как известно любому ученому, ночью мы видим звезды, которые, возможно, уже давно не существуют. Некоторые звезды удалены от нас настолько, что их свет, достигший нас только сейчас, начал свой путь еще до зарождения Земли. Мы не можем узнать, что та или иная звезда погасла около миллиона лет назад, поскольку ее свет будет доходить до нас, возможно, еще миллион лет. Легче будет вспомнить о звуке. Мы видим вспышку молнии и спустя некоторое время слышим гром. Причиной этого отставания является запаздывание звука. Так вот, именно запаздывание света делает возможным существование инструмента, которым можно воспользоваться, чтобы заглянуть в прошлое.

Если бы мы могли мгновенно переместиться на планету, отдаленную настолько, что свету понадобится год, чтобы преодолеть расстояние до нее от планеты, которую мы только что покинули, то там мы увидели бы свет, ушедший в путь год назад. Если бы мы располагали пока еще воображаемым сверхмощным, сверхчувствительным телескопом, который можно было бы навести на любой участок поверхности Земли, мы бы увидели там события годичной давности. Окажись мы способными переместиться с телескопом на планету, удаленную от Земли на расстояние в миллион световых лет, мы увидели бы Землю, какой она была миллион лет назад. Перемещаясь все дальше и дальше, разумеется мгновенно, мы бы в конечном счете достигли

точки, из которой увидели бы момент зарождения Земли и даже Солнца.

Именно это и способствует созданию Хроник Акаши. В результате специальной подготовки мы можем переместиться в астральный мир, где нет ни времени, ни пространства, где вступают в силу иные «измерения». И тогда человек видит все. Иное Время и Пространство? Ну, в качестве простейшего примера предположим, что у нас есть одна миля тонкой нити, хотя бы обычной швейной. Вам надо переместиться из одного конца в другой. По земным законам мы не можем ни пройти *сквозь* нить, ни обойти ее по окружности. Придется проделать весь путь в милю вдоль одной стороны нити и еще одну милю — вдоль ее другой стороны. Такой путь долог. В астрале же нам надо только переместиться *сквозь* нее. Пример прост, но перемещение *сквозь* Хроники Акаши столь же просто, если знаешь, как это сделать!

Хроники Акаши нельзя использовать для недобрых целей, их нельзя использовать для получения сведений, могущих повредить другим. Нельзя также без особого разрешения разглядывать и в дальнейшем обсуждать личные дела человека. Можно, разумеется, видеть и обсуждать вещи, по праву принадлежащие истории. Сейчас же я собирался увидеть фрагменты личной жизни другого человека и после этого окончательно решить, стану ли я перебираться в другое тело вместо своего. Мое быстро приходило в негодность, и для того, чтобы исполнить стоящее передо мной задание, мне надо было иметь тело, которое помогло бы мне преодолеть трудные времена, пока я не заменю его молекулы своими.

Я уселся поудобнее и приготовился слушать слепого ламу.

Глава 8

Переселение в новое тело

Солнце медленно уходило за дальний горный хребет, высвечивая устремленные ввысь пики запоздалым сиянием. Легкий шлейф снежной пыли, вьющийся у заоблачных вершин, ловил угасающие лучи света, отражая его мириадами оттенков, покорных капризам тихого вечернего ветерка. Глубокие пурпурные тени украдкой выползали из ущелий и впадин, словно некие живые существа на свои ночные игры. Понемногу бархатная тьма окутала подножие Поталы, забираясь все выше, пока последний солнечный луч не отразился только на ее золотых крышах. Под конец и их поглотила нарастающая темнота. Один за другим замигали огоньки, словно живые самоцветы, щедрой рукой разбросанные во мраке. Горная стена Долины возвышалась сурово и неприступно, и свет за нею становился все слабее. Здесь, в нашей горной обители, мы уловили последний солнечный лучик над высоким перевалом. Затем и мы погрузились в темноту. Свет был не для нас. Мы отказывали себе во всем из страха выдать местонахождение нашего святилища. Для нас существовал только мрак ночи и мрак наших мыслей при виде предательски оккупированной родины.

— Брат, — сказал слепой лама, о чьем присутствии я почти забыл, углубившись в собственные невеселые мысли. — Брат, нам пора.

Оба мы сели в позу лотоса и начали медитировать на том, что нам предстояло сделать. Ласковый ночной ветерок тихо и восторженно посвистел, играя в скальных расщелинах и выступах и нашептывая что-то у нашего окна. Одним довольно приятным броском, который так часто сопровождает подобное высвобождение, слепой лама — а теперь уже не слепой — и я взлетели над нашими земными телами в простор иной сферы.

— Хорошо снова стать зрячим, — сказал лама, — потому что начинаешь ценить зрение лишь тогда, когда его теряешь. И мы поплыли вдвоем знакомым путем к тому месту, которое мы называли Залом Памяти. Войдя в его тишину, мы увидели других, также занятых исследованиями в Хрониках Акаши. То, что видели они, для нас осталось неведомым, так же как и наши картины будут невидимыми для них.

— Откуда мы начнем, Брат? — спросил старый лама.

— Мы не хотим никакого вмешательства, — ответил я, — но нам надо знать, с каким человеком нам придется иметь дело.

Некоторое время между нами царило молчание, а перед нашими глазами открывались четкие и ясные образы.

— Эх! — воскликнул я, в замешательстве вскакивая на ноги. — Да ведь он женат. А мне что с этим делать? Я ведь монах, давший обет безбрачия! Нет, я отказываюсь.

И я было отвернулся, охваченный тревогой, но замер, увидев, как старец буквально трясется от смеха. Его веселье было столь велико, что некоторое время он не мог вымолвить ни слова.

— Брат Лобсанг, — с трудом выговорил он наконец, — ты очень оживил мои последние дни. Я было подумал, что на тебя набросились целые сонмища дьяволов, — так высоко ты подпрыгнул. Так вот, Брат, никакой проблемы здесь нет, но сначала позволь мне дружески тебя «уколоть». Ты рассказывал мне о Западе и тамошних странных верованиях. Позволь же мне процитировать тебе это: «Брак у всех да будет честен» (Евр. 13, 4). И снова его одолел приступ смеха, и чем мрачнее я на него смотрел, тем больше он смеялся, пока не смолк в изнеможении.

— Брат, — продолжал он, когда снова мог говорить, — те, кто нами руководит и нам помогает, учили и это. Ты и эта женщина можете жить вместе, сохраняя чисто дружеские

отношения, ибо разве не живут временами так же наши монахи и монахини под одной крышей? Не будем же искать трудностей там, где их нет. Вернемся к Хронике.

Я покорно кивнул, не удержавшись от глубокого вздоха. Слов у меня просто не было. Чем больше я обо всем этом думаю! тем меньше мне это нравилось. Я подумал о моем Наставнике, ламе Мингьяре Дондупе, о том, как он сидит где-нибудь в блаженном покое Страны Золотого Света. Выражение моего лица становилось, должно быть, все мрачнее, потому что лама снова начал смеяться.

Наконец оба мы успокоились и стали вместе смотреть живые образы Хроники Акаши. Я увидел человека, в чье тело, как планировали, я должен был войти. С возросшим интересом я заметил, что он занимается изготовлением хирургических инструментов. К моей радости, он явно хорошо разбирался в своем деле, был толковым техником, и я невольно одобрительно кивал, глядя, как он управляется в сложных случаях.

Один образ сменялся другим, и мы увидели Англию, город Лондон, как бы смешавшись с толпой прохожих. По улицам с ревом сновали в потоке машин огромные красные автобусы, битком набитые людьми. Вдруг раздался адский вой сирен, и мы увидели, как люди бегут прятаться в странных каменных сооружениях, возведенных прямо на улицах. Часто затарахтели зенитки, и по небу промчались истребители. От одного самолета отделились бомбы, с воем понеслись вниз, и мы инстинктивно пригнулись. На мгновение зависла глухая тишина, затем — адский грохот! Подпрыгнув в воздух, несколько домов обрушилось в туче обломков и пыли.

Внизу, в глубоких туннелях метро, люди вели странный пещерный образ жизни, прячась по ночам в убежища, а по утрам, как кроты, выползая на поверхность. Жили там, по-видимому, целыми семьями, спали на нарах и, чтобы хоть немного укрыться от чужих взглядов, цепляли одеяла к любому выступу в облицованных кафелем стенах.

Я как бы стоял на железной платформе высоко над лондонскими крышами и хорошо видел здание, которое все называли «Дворцом». Из туч вывалился одинокий самолет, и три бомбы понеслись прямо на дом английского короля. Я огляделся. Просматривая Хронику Акаши, все «видишь» глазами главного героя, так что и старый лама, и я, — оба мы видели так, словно сами были этим главным героем. Мне казалось, что я стою на пожарной лестнице, перекинутой над лондонскими крышами. Мне уже доводилось видеть их прежде, но моему спутнику пришлось объяснять их назначение. Потом меня осенило: он — тот человек, за которым я следил, — вел наблюдение за воздухом, чтобы заранее предупредить тех, кто внизу, о приближении вражеских самолетов. Снова взвыли сирены, этот раз отбой воздушной тревоги, и я увидел, как наш персонаж спускается по лестнице и снимает стальную каску наблюдателя ПВО.

Старый лама обратился ко мне с улыбкой:

— Это очень интересно. Я не следил за событиями на Западе, мои| интересы всегда ограничивались пределами своей страны. Теперь я понимаю, что ты имеешь в виду, говоря «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Посмотрим еще.

Продолжая просматривать Хронику, мы увидели затемненные лондонские улицы. По ним разъезжали автомашины с фарами, свет которых пробивался сквозь узкие щели специальных заслонок. Люди натыкались на фонарные столбы и друг на друга. В поездах метро перед выходом на поверхность гасился обычный свет и включались тусклые синие лампочки. Лучи прожекторов рыскали по ночному небу, временами высвечивая серые бока аэростатов воздушного ограждения. Старый лама не мог на них надивиться. В астральных путешествиях он знал толк, но эти серые чудища на длинной привязи, беспокойно колыхавшиеся на ночном ветру, привели его в полное изумление. Признаюсь, я нашел, что выражение лица моего спутника было не менее интересно, чем сама Хроника Акаши.

Мы вместе с этим человеком вышли из метро и пешком побрели по затемненным улицам,

пока не добрались до огромного жилого дома. Мы видели, как он вошел, но за ним не последовали. Вместо этого мы обратили внимание на царившую на улице суету. Дома были разрушены прямыми попаданиями бомб, и люди все еще копались в развалинах, отыскивая живых и погибших. Спасательные работы были прерваны воем сирен. Высоко в небе вражеские самолеты, словно мечущиеся вокруг лампы мотыльки, попались в скрещении лучей прожекторов. Наши любопытные взгляды были привлечены блестящими капельками, которые оторвались от одного самолета. Потом мы увидели, что «капельки» — это летящие вниз бомбы. Одна тяжело врезалась в стену большого жилого дома. Яркая вспышка и град кирпичных обломков. Из дома потоком хлынули люди, ища сомнительной безопасности на улице.

— В Шанхае было хуже, Брат мой? — спросил старый лама.

— *Намного хуже.* — ответил я. — У нас не было никакой противовоздушной обороны и очень мало других средств защиты. Как ты знаешь, меня завалило в разрушенном бомбоубежище, и лишь много позже мне с большим трудом удалось спастись.

— Переместимся чуть дальше во времени? — спросил мой спутник. — Нам нет нужды без конца смотреть на это, ведь оба мы слабы здоровьем.

Я живо с ним согласился. Мне надо было всего лишь узнать, что за человек был тот, в чье тело я собирался перейти. У меня не было никакого желания копаться в личных делах других. И мы понеслись вперед, то и дело останавливаясь наугад и затем двигаясь дальше. Утренний свет был закопчен дымом многих пожаров. Ночные часы были сущим адом. Половину Лондона, казалось, охватило пламя. По усыпанной обломками после тяжелой бомбардировки улице шел наш человек. У временной баррикады его остановил полицейский-резервист.

— Дальше идти нельзя, сэр, эти здания опасны.

Мы увидели, как к человеку, за жизнью которого мы наблюдали, подошел управляющий и заговорил с ним. Сказав что-то полицейскому, они нырнули под канат ограждения и вместе пошли к полуразрушенному зданию. Из разорванных труб повсюду хлестала вода. Электрические провода и водопроводные трубы скрутило в тугие узлы, словно моток шерсти, с которым вдоволь наигрался котенок. Над самым краем огромной дыры висел сейф, готовый вот-вот упасть. На ветру жалко болтались какие-то мокрые тряпки, а хлопья горелой бумаги из соседних домов порхали в воздухе, словно черный снег. Даже мне, повидавшему войну и выстрадавшему больше многих, стало не по себе при виде этого бессмысленного разрушения. А Хроника шла своим чередом.

Безработица в Англии во время войны! Наш человек пытался вступить в полицию военного резерва. Все напрасно. В его медицинских справках была указана четвертая группа — к службе негоден. И вот, оставшись без места в результате бомбежки, он брел по улицам в поисках работы. Одна фирма за другой отказывались его принимать. Казалось, не было никакой надежды, никакого просвета во мраке его невзгод.

Наконец, благодаря случайному визиту в заочную школу, где он когда-то учился и где запомнился остротой ума и изобретательностью, ему предложили работу в одном из ее временных отделений за пределами Лондона.

— Это чудное местечко, — сказал тот, кто предложил ему это место. — Поезжайте туда пригородным автобусом. Слышишь, Джо, там он будет к часу дня, но остальные пока о тебе позаботятся. Возьмите с собой жену. Я и сам хотел получить туда перевод.

Городишко оказался поистине унылой дырой, а отнюдь не «чудным местечком», как это ему пытались внушить. Там строились и испытывались самолеты, которые затем перегонялись во все концы страны.

Жизнь в заочном колледже была беспросветно тоскливой. Насколько мы могли судить из Хроники Акаши, работа состояла в чтении заявлений и писем от разных людей и консультаций

насчет того, какой курс заочного обучения им следует выбрать. Лично я убежден, что заочное обучение — это напрасная трата денег и времени, если человек не располагает возможностями применять знания на практике.

До наших ушей донесся шум как бы неисправного мотоциклетного мотора. Затем показался необычного вида летательный аппарат, самолет без пилота и экипажа. Судорожно всхлипнув, мотор заглох, самолет нырнул вниз и взорвался над самой землей.

— Это был германский самолет-робот, — пояснил я старому ламе. — Эти Фау-1 и Фау-2 были, по-видимому, весьма неприятными штуковинами.

Еще один самолет-робот взорвался недалеко от дома, где жил наш человек со своей женой. Взрывом вышибло стекла на одной стороне дома и расколело стену на другой.

— Не похоже, чтобы у них было много друзей, — заметил старый лама. — Я полагаю, они наделены некими качествами разума, которые ускользают от случайного наблюдателя. Мне кажется, что они живут скорее как брат с сестрой, чем как муж с женой. Это должно тебя утешить, Брат мой! — сказал старик со смешком.

А Хроника Акаши вела нас все дальше, показывая жизнь нашего человека со скоростью мысли. Мы могли перемещаться из одной ее части в другую, пропуская отдельные фрагменты, либо повторяя раз за разом некоторые события. В жизни нашего человека произошел целый ряд стечений обстоятельств, обративший его мысли к Востоку. «Сны» показывали ему жизнь в Тибете, сны, которые на самом деле были астральными путешествиями под руководством старого ламы.

— Одним из наших мелких затруднений, — поведал мне старый лама, — было то, что, обращаясь к любому из нас, он хотел применять слово «господин»⁴.

— О! — заметил я, — это одно из распространенных заблуждений западных народов. Они *обожают* употреблять любые слова, подразумевающие власть над другими. Что же ты ему на это сказал?

Старый лама улыбнулся и ответил:

— Я его немного отчитал. Я также постарался заставить его задавать поменьше вопросов. Я расскажу тебе, что я ему говорил, ибо это полезно для того, кто хочет составить мнение о его внутренней природе. Я сказал:

«Это понятие, наиболее ненавистное для меня и для каждого жителя Востока. Понятие «господин» предполагает, что один стремится к господству над другими, стремится к превосходству над теми, кто лишен права применять слово «учитель». Школьный учитель старается заронить зерно знаний в своих учениках. Для нас слово «Учитель» означает Господин Знаний, источник познаний или тот, кто *подчинил себе* искушения плоти. Мы, — сказал я ему, — предпочитаем слово Гуру или Адепт. Ибо ни один Учитель, как *мы* понимаем это слово, не станет оказывать давление на своего ученика либо навязывать ему собственное мнение. На Западе существуют отдельные группы или культы, считающие, что лишь они одни обладают ключом к Небесным Полям. Некоторые религии применяют пытки ради обращения людей в свою веру. Я напомнил ему о надписи, выбитой на стене одного монастыря, — "тысяча монахов — тысяча религий"».

— Он, казалось, хорошо усвоил мое поучение, — сказал старый лама, — поэтому, стремясь ковать железо, пока оно горячо, я решил дать ему чуть больше. Я сказал: «В Индии, в Китае и в древней Японии кандидат в ученики сидел у ног Гуру, ловя каждое слово и не задавая вопросов, ибо умный ученик никогда не задает вопросов, если не хочет, чтобы его прогнали прочь. Заданный вопрос служит для Гуру непреложным доказательством того, что ученик еще не готов получать ответы на свои вопросы. Некоторые ученики целых семь лет дожидаются ответа на невысказанный вопрос. Все это время ученик прислуживает Гуру, следит за его одеждой,

готовит еду, заботится об иных его скромных нуждах. И все это время его уши раскрыты для информации, ибо слушая информацию, которая, возможно, предоставляется другим людям, умный ученик может сам делать выводы и умозаключения. И когда Гуру в премудрости своей видит, что ученик делает успехи, он, выбрав для этого подходящее время и способ, опрашивает своего ученика. И если Гуру находит, что запас накопленных учеником знаний не полон или содержит ошибки, то, снова выбрав для этого подходящее время, восполняет пробелы и исправляет ошибки.

На Западе говорят: «Скажите-ка мне вот что. Госпожа Блаватская говорила то-то, епископ Ледбиттер говорит то-то, Билли Грэм говорит то-то. А вы что скажете? По-моему, вы неправы!» На Западе задают вопросы лишь ради поддержания разговора; задают вопросы, сами не зная, что они хотят спросить, не зная, что хотят услышать. Но если Гуру по доброте своей отвечает на заданный вопрос, ученик тут же начинает спорить и говорит: — Ну, да, а я слышал, что такой-то говорит то, или другое, или третье.

Если ученик задает Гуру вопрос, этим подразумевается, что ученик не знает на него ответа, но считает, что ответ знает Гуру. И если ученик немедленно начинает оспаривать ответ Гуру, это показывает, что ученик невежествен и имеет предвзятое и совершенно ошибочное представление о воспитанности и элементарных правилах приличий. Я же говорю тебе, что единственный способ получить ответы на твои вопросы — это оставить вопросы невысказанными и накапливать информацию, делать свои выводы и умозаключения, и лишь когда исполнится время и если ты чист сердцем, ты сможешь совершать астральные путешествия и овладеешь более эзотерическими формами медитации, и таким образом сможешь сверяться с Хрониками Акаши. А эти Хроники никогда не лгут, не дают вырванных из контекста ответов и не предоставляют информации, отмеченной личными пристрастиями.

Человек-губка страдает от несварения разума и, к сожалению, замедляет свою эволюцию и духовное развитие. Единственный путь прогресса? Подождать и увидеть. Нет иного пути, нет иного способа ускорить свое развитие, как только по недвусмысленному приглашению Гуру, который хорошо тебя знает. И только Гуру, который хорошо тебя знает, может ускорить твое развитие, если сочтет, что ты этого достоин».

Мне показалось, что многим жителям Запада такое наставление принесло бы огромную пользу! Но мы находились здесь не для наставлений, а для того, чтобы видеть, как разворачиваются перед нами ключевые сцены жизни нашего человека, которому вскоре предстоит освободить свою земную оболочку.

— Вот это интересно, — заметил старый лама, привлекая мое внимание к одной сцене в Хронике Акаши. — Это потребовало кропотливой подготовки, но когда он сам увидел, насколько это желательно, он не стал возражать.

Сначала я несколько озадаченно смотрел на эту сцену, но потом до меня дошло. Да! Это была адвокатская контора. А этот документ был официальным свидетельством о смене имени. Да, все правильно, я вспомнил, что он сменил имя, потому что его прежнее имя издавало неверные вибрации, как это установила наша наука чисел. Я с интересом прочел этот документ и увидел, что он составлен не совсем правильно.

Страданий у него было в избытке. Визит к зубному врачу повлек за собой серьезные осложнения, из-за которых ему пришлось лечь в больницу на операцию. Из чисто технического интереса я внимательно проследил за ее выполнением.

Он — человек, чью жизнь мы наблюдали — почувствовал, что его работодатель небрежно к нему относится. Мы, наблюдатели, почувствовали то же самое и обрадовались, когда он предупредил об уходе с работы в заочной школе. Мебель погрузили в фургон, кое-что было продано, и наш человек с женой переехал в совершенно иной район. Некоторое время они жили

в доме у чудаковой старухи, занимавшейся «предсказаниями будущего» и имевшей весьма своеобразное представление о собственной значимости. Наш человек не прекращал попыток найти работу. Любую работу, которая позволила бы ему честно зарабатывать на жизнь. Старый лама сказал:

— Сейчас мы приближаемся к решающему моменту. Как ты заметишь, он постоянно движется наперекор судьбе. У него нет никакого терпения, и я боюсь, что он сам расстанется с жизнью, если мы не поспешим.

— Что же ты предлагаешь мне сделать? — спросил я.

— Ты здесь старший, — сказал старый лама, — но я хотел бы, чтобы ты встретился с ним в астрале, и посмотрим, что ты тогда станешь думать.

— Разумеется, — был мой ответ. — Мы отправимся вместе. — На мгновение я глубоко задумался, потом сказал: — В Лхасе сейчас два часа ночи. В Англии, стало быть, восемь вечера, ибо их время отстает от нашего. Мы подождем и передохнем три часа, после чего выведем его в астрал.

— Да, — сказал старый лама. — Он спит в комнате один, так что мы сможем это сделать. А пока давай отдохнем, так как мы очень утомлены.

Мы вернулись в свои тела, бок о бок сидящие в слабом свете звезд. Огни Лхасы уже погасли, редкие огоньки мерцали только в обителях монахов, да ярко светились китайские сторожевые посты. Маленький ручеек под нашими стенами журчал неестественно громко в ночной тиши. Где-то наверху прошуршала небольшая осыпь, стронутая с места порывом ветра. Камешки с сухим стуком пронесли мимо нас по склону, увлекая за собой камни покрупнее. Весь этот поток обломков обрушился вниз и с грохотом осыпался у самых китайских казарм. Вспыхнули фонари, послышались выстрелы в воздух, и кругом суетливо забегали солдаты, опасаясь нападения монахов Лхасы. Вскоре суматоха улеглась, и снова воцарились ночной покой и тишина.

Старый лама тихо засмеялся и сказал:

— До чего же странным кажется мне то, что за пределами нашей страны люди не понимают, что такое астральные путешествия! Как странно, что они считают это игрой воображения. Неужели им невозможно втолковать, что даже переход из одного тела в другое подобен тому, как водитель пересаживается из одного автомобиля в другой? Для меня совершенно непостижимо, как эти люди, достигнув такого технического прогресса, могут быть такими слепыми в вещах духовных.

И я, многое повидавший на Западе, ответил:

— Но на Западе люди, за исключением ничтожного меньшинства, не наделены способностями в духовной сфере. Все, чего они хотят, — это война, секс, садизм и право совать нос в чужие дела.

Долгая ночь шла на убыль, мы отдохнули и подкрепились чаем с тсампой. Наконец над горным хребтом за нашими спинами взметнулись первые слабые лучи солнца, хотя долина у наших ног еще оставалась погруженной во тьму. Где-то промычал як, словно почувствовав приближение нового дня. Пять утра по тибетскому времени. В Англии сейчас около одиннадцати вечера, подумал я и тихонько тронул за локоть старого лама, который успел немного вздремнуть.

— Нам пора в астрал, — сказал я.

— Для меня это будет последний раз, — ответил он, — ибо в свое тело я уже не вернусь.

Медленно, без всякой спешки мы снова вошли в астральное состояние. Так же неторопливо мы добрались до того дома в Англии. Наш человек спал, немного ворочаясь во сне, и на лице его было выражение крайнего недовольства. Его астральная форма кружила над физическим телом

без единого пока признака отделения.

— Ты идешь? — спросил я в астрале.

— Ты идешь? — повторил старый лама.

Медленно, как бы нехотя, его астральная форма поднялась над физическим телом. Поднялась и зависла в воздухе, развернувшись, как обычно, головой к ногам физического тела. Астральное тело колыхалось и подрагивало. Неожиданный шум проходящего поезда чуть было не вернул его в тело физическое. Затем, словно приняв внезапное решение, его астральная форма откачнулась и встала перед нами. Он уставился на нас, протирая глаза, как будто пробудившись от сна.

— Значит, ты хочешь покинуть свое тело? — спросил я.

— Хочу, здесь мне все *опротивело!* — горячо воскликнул он.

Мы стояли, глядя друг на друга. Он показался мне человеком, которого никогда не понимали окружающие. Человеком, который в Англии никак не смог бы преуспеть в жизни, но в Тибете имел бы для этого все шансы. Он мрачно усмехнулся.

— Так это тебе понадобилось мое тело! Ну, ты еще поймешь свою ошибку. В Англии неважно, *что* ты знаешь. Важно, *кого* ты знаешь. Я не могу получить работу, не могу даже получить пособия по безработице. Посмотрим, что удастся тебе!

— Тише, друг мой, — сказал старый лама, — ибо ты не знаешь, с кем разговариваешь. Возможно, ты был бы не так резок, если бы нашел работу.

— Тебе придется отрастить бороду, — сказал я, — ибо если я займу твое тело, то с течением времени оно будет замещено моим, а я вынужден

носить бороду, чтобы скрыть сломанные челюсти. Ты можешь отрастить бороду?

— Да, сэр, — ответил он, — я отращу бороду.

— Отлично, — сказал я, — через месяц я вернусь и перейду в твое тело, отпустив тебя на свободу, чтобы в конечном счете мое тело заместило то, в которое я перейду. Скажи, — спросил я, — как впервые к тебе обратились мои братья?

— Уже давно, сэр, — сказал он, — я ненавижу свою жизнь в Англии, ее несправедливость, ее привилегии для избранных. Всю жизнь я интересовался Тибетом и странами Дальнего Востока. Всю жизнь ко мне приходили «сны», в которых я видел — или мне казалось, что видел, — Тибет, Китай и другие страны, которых я не мог опознать. Некоторое время назад я ощутил сильное побуждение официально сменить имя, что я и сделал.

— Да, — заметил я, — обо всем этом я знаю, но как именно к тебе недавно *обратились* и что ты при этом видел? Он немного подумал, потом сказал:

— Чтобы рассказать, я должен сделать это по-своему. К тому же, с учетом того, что я узнал позднее, я мог кое в чем ошибаться.

— Вот и хорошо, — был мой ответ, — расскажи по-своему, а потом мы сможем исправить все недоразумения. Я *должен* узнать тебя получше, если уж мне суждено перейти в твое тело, и это — всего лишь один из способов узнать тебя.

— Пожалуй, я начну с первого настоящего «контакта». Так мне будет легче собраться с мыслями.

Со стороны вокзала донесся лязг тормозов поезда, доставившего запоздалых пассажиров из Лондона. Вскоре мы услышали, как состав тронулся и покатил своей дорогой, а «наш человек» начал рассказ, который мы со старым ламой слушали со всем вниманием.

«Роуз Крофт, Темз Диттон, — начал он, — был очень славным местечком. Это был дом немного в стороне от дороги, с палисадником, огородом и довольно большим садом в глубине. На задней стороне дома был балкон, с которого открывался живописный вид на окрестности. Я довольно много времени проводил в саду, особенно в палисаднике, потому что он был

основательно запущен и я старался привести его в порядок. Трава выросла высотой в несколько футов и скосить ее было очень трудно. Я уже срезал добрую половину травы старым ножом гуркхских стрелков. Тяжелая это была работа, потому что приходилось, стоя на четвереньках, срезать траву пучками и каждые несколько замахов точить нож о камень. Я также увлекался фотографией и даже довольно долго пытался сфотографировать сову, которая жила неподалеку на старой ели, густо увитой плющом. Однажды, когда я работал, мое внимание привлекло какое-то движение на еловой ветке не слишком высоко у меня над головой. Я посмотрел вверх и к своему радостному изумлению увидел совенка, ослепленного солнечным светом и неуклюже трепыхавшего крыльями. Я тихонько отложил нож, которым срезал траву и бросился в дом за фотоаппаратом. С камерой в руках я осторожно подошел к дереву и, изо всех сил стараясь не шуметь, вскарабкался на первую ветку, затем крадучись пополз по ней к самому краю. Птенец не видел меня в ярком свете дня, но, почувствовав мое приближение, отодвинулся на самый кончик ветки. Забыв обо всякой опасности, я полз все дальше и дальше, пока сам не оказался почти на самом конце ветки, которая уже угрожающе прогнулась под моей тяжестью.

Одно неосторожное движение — и раздался громкий треск, а в воздухе повис терпкий запах трухлого дерева. Ветка оказалась гнилой и сломалась под моим весом. Меня словно из катапульты швырнуло на землю головой вниз. Казалось, я целую вечность летел эти несколько футов. Помню, трава была невероятно зеленая, ярче, чем в жизни. Я видел каждый стебелек с ползающими по нему букашками. Еще я помню божью коровку, которая сорвалась и улетела, напуганная моим падением. И наконец все затопила слепящая боль и вспышка, как бы от разноцветной молнии. Потом все поглотил мрак. Не знаю, как долго я пролежал под ветвями старой ели, скомканный болью, но совершенно неожиданно я почувствовал, что высвобождаюсь из физического тела, и вижу окружающее гораздо яснее, чем когда-либо прежде. Цвета засверкали новыми, поразительно живыми оттенками.

Я осторожно поднялся на ноги и огляделся. Похолодев от ужаса, я увидел, что мое распростертое тело осталось на земле. Крови нигде не было видно, но над правым виском набухла громадная шишка. Я пришел в сильное замешательство, потому что тело хрипло и прерывисто дышало, и по всему было видно, что оно в шоке. Это смерть, — подумал я, — я умер и уже не вернусь назад. Я увидел, что от головы тела тянется тонкая дымчатая нить. В этой нити не было ни движения, ни пульсации, и меня охватила жуткая паника. Я задумался, как мне быть дальше. Я словно прирос к месту то ли от страха, то ли по какой-то иной причине. Затем некое движение, единственное движение в этом моем странном мире привлекло мое внимание, и я чуть не закричал, вернее, закричал бы, если бы имел голос. По траве ко мне приближалась фигура тибетского ламы, облаченная в шафранную мантию ламы высокого звания. Его ноги были в нескольких дюймах над землей, и все же он плавно приближался ко мне. Я взглянул на него в полном ошеломлении.

Подойдя ко мне, он протянул руку и улыбнулся. Он сказал:

— Тебе нечего бояться. И тебе совершенно не о чем беспокоиться.

Мне показалось, что эти слова были сказаны на другом языке, возможно на тибетском, но я все понял, хотя не слышал ни звука. Никаких звуков вообще не было слышно. Я не слышал ни пения птиц, ни шелеста ветра в листве.

— Да, — сказал он, — проникая в мои мысли, — мы пользуемся не речью, а телепатией. И с тобой я общаюсь телепатически.

Мы одновременно взглянули друг на друга, потом на тело, лежащее между нами на земле. Тибетец снова поднял на меня глаза, улыбнулся и сказал:

— Ты удивлен тем, что я здесь? Я здесь потому, что ты притянул меня к себе. Я покинул свое тело в этот самый момент, а притянуло меня к тебе, потому что именно твои вибрации

гармонируют с тем, от имени которого я выступаю. Вот я и явился. Явился потому, что мне нужно твое тело для того, кто должен продолжить свою жизнь в Западном мире, ибо перед ним стоит задание, не терпящее никаких помех.

Я в ужасе уставился на него. Этот безумец говорил, что ему нужно мое тело! Но мне оно тоже нужно, ведь это *мое* тело. Я не потерплю, чтобы у меня отбирали мою собственность за здорово живешь. Я против воли оказался выбитым из физической оболочки и был намерен в нее вернуться. Но тибетец явно опять читал мои мысли. Он сказал:

— Чего тебе здесь ожидать? Безработицы, болезней, несчастий, серой жизни в сером окружении, а потом, в не столь уж отдаленном будущем, смерти — и начинать все сначала. Добился ли ты чего-нибудь в жизни? Совершил ли ты что-нибудь, чем мог бы гордиться? Подумай над этим.

И я подумал. Подумал о прошлом, о разочарованиях, непонимании, несчастливой моей жизни. Он вмешался в мои мысли:

— Будешь ли ты удовлетворен, если я скажу, что твоя Карма стерта начисто, что ты внес материальный вклад в труд, имеющий огромное значение для всего человечества?

Я сказал:

— Ну, об этом я ничего не знаю, не слишком-то добрым было ко мне это человечество. Почему это должно меня волновать? Он сказал:

— Нет, на этой Земле ты слеп и не видишь истинной реальности. Сейчас ты не знаешь, что говоришь, но по прошествии времени и в иной сфере ты осознаешь, какие возможности тобою упущены. Мне нужно твое тело для другого человека.

Я сказал:

— Ну а мне что до этого? Не могу же я все время бродить, как привидение, а в одном теле нам будет тесновато вдвоем.

Видишь ли, я понял все это совершенно буквально. В этом человеке была какая-то неотразимость, какая-то настоящая искренность. Ни на одну минуту я не усомнился в том, что он действительно может взять мое тело, а меня отправить неведомо куда, но я хотел узнать побольше, я хотел знать, что я делаю. Он улыбнулся мне и ободряюще сказал:

— Ты, мой друг, получишь свою награду, ты избежешь своей Кармы, ты переместишься в иное поле деятельности, и все твои прегрешения будут стерты, благодаря тому, что ты сделаешь. Но твое тело не может быть взято против твоей воли.

Вся эта затея мне совершенно не понравилась. Мое тело верно служило мне вот уже сорок лет, и я к нему уже как-то привязался. Мне вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь влез в мое тело и ушел в нем прочь. Кроме того, что сказала бы моя жена, живя с чужим человеком и ничего об этом не зная? Он снова посмотрел на меня и сказал:

— А ты не подумал о человечестве? Разве ты не желаешь сделать что-нибудь, чтобы искупить собственные ошибки, придать осмысленность всей твоей серой жизни? Ведь от этого ты только выиграешь. Тот, от имени которого я выступаю, продолжит твою нелегкую жизнь.

Я огляделся вокруг, взглянул на лежащее между нами тело и подумал: «а какая, в сущности, разница? Жизнь у меня была тяжелая, и я сыт ею по горло». И я сказал:

— Покажите мне то место, в которое я отправлюсь, и если мне там понравится, я дам согласие.

Передо мной мгновенно предстало полное величественной красоты видение, видение настолько прекрасное, что никакими словами его не описать. Я был вполне удовлетворен и сказал, что желаю, *очень* желаю получить освобождение и отправиться туда как можно скорее».

Старый лама коротко рассмеялся и сказал:

— Нам пришлось сказать ему, что *так* скоро это не произойдет, что ты сам еще должен

явиться и посмотреть, прежде чем принять окончательное решение. В конечном счете это означает счастливое освобождение для него и трудную жизнь для тебя.

Я посмотрел на них обоих.

— Отлично, — заметил я наконец. — Я вернусь через месяц. Если к тому времени ты отрастишь бороду, и если ты будешь совершенно уверен в том, что хочешь пройти через все это, тогда я освобожу тебя и отправлю по твоему собственному пути.

Он удовлетворенно вздохнул, на лице его появилась блаженная улыбка, и он стал медленно возвращаться в физическое тело. Мы со старым ламой поднялись и вернулись в Тибет.

Солнце ярко светило на голубом безоблачном небе. Когда я вернулся в свое физическое тело, рядом со мной на полу безжизненно лежала опустевшая оболочка старого ламы. Он, подумал я, отошел к миру после долгой и достойной жизни. А я — О Священный Зуб Будды! — *я-то сам во что ввязываюсь?*

На дальние высокогорья, в Новый Дом отправились гонцы с моим письменным подтверждением, что я исполню свое задание, как меня о том просили. Гонцы вернулись, принося мне в знак дружбы и расположения немного того самого индийского печенья, бывшего предметом моей слабости в Чакпори. Как ни ряди, в своем горном пристанище я был узником. Я попросил разрешения пробраться хотя бы переодетым в мой любимый Чакпори, чтобы взглянуть на него в последний раз, но в этом мне было отказано.

— Ты можешь оказаться жертвой оккупантов, брат мой, — сказали мне, — ибо они с поразительной легкостью нажимают курок при малейшем подозрении.

— Вы больны, Досточтимый Настоятель, — сказал другой. — Если вы спуститесь вниз, ваше здоровье может не позволить вам вернуться. Если же прервется ваша Серебряная Нить, тогда Задание не будет выполнено.

Задание! Я не переставал удивляться тому, что в этом вообще усматривалось какое-то «задание». Для меня видеть человеческую ауру было так же просто, как человеку с хорошим зрением видеть другого человека, стоящего в нескольких футах перед ним. Я размышлял о том, как несхожи между собой Восток и Запад. Скажем, жителя Запада так же легко было бы убедить в преимуществах нового продукта быстрого приготовления, как жителя Востока — в какой-нибудь новинке в сфере разума.

Время летело незаметно. Я много отдыхал, больше, чем за всю мою жизнь. Затем, незадолго до окончания месяца и моего возвращения в Англию, я получил срочное повеление снова прибыть в Страну Золотого Света.

Сидя перед всеми этими Важными Персонами, я немного непочтительно подумал, что это напоминает военный совет! Остальные уловили мою мысль, и один из них сказал с улыбкой:

— Да, это и есть военный совет! А кто неприятель? Сила Зла, которая будет всячески препятствовать исполнению нашего задания.

— Ты столкнешься с сильным противодействием и потоками клеветы, — сказал один. — Твои метафизические способности при переходе не будут ни утеряны, ни изменены.

— Это твоя последняя Инкарнация, — сказал мой любимый Наставник, лама Мингьяр Дондуп. — Когда ты окончишь ту жизнь, в которую вступаешь сейчас, ты вернешься Домой — к нам.

Как это похоже на моего Наставника, подумал я, закончить на *счастливой* ноте. Дальше они рассказали мне, что должно произойти. Трое лам сопровождают меня в астральном путешествии в Англию и проведут операцию, отделив Серебряную Нить от тела этого человека и прикрепив к нему другую — мою! Трудность заключалась в том, что мое собственное тело, находясь в Тибете, также должно было быть подсоединено к нам, поскольку я хотел, чтобы молекулы моей «собственной плоти» в конечном итоге перешли ко мне. Итак, я вернулся в мир

и вместе с тремя спутниками отправился в астральном состоянии в Англию. Наш человек уже ждал нас.

— Я окончательно решил пройти через это, — сказал он. Один из прибывших со мной лам сказал этому человеку:

— Тебе придется еще раз перенести падение с высокого дерева, как это уже произошло, когда мы впервые к тебе обратились. Ты должен испытать сильнейшее потрясение, ибо твоя Нить прикреплена очень надежно.

Человек забрался на высоту в несколько футов над землей и отпустил руки, рухнув на землю с глухим ударом: Казалось, Время на мгновение остановилось. Проезжавшая мимо автомашина на секунду замерла, летящая птица вдруг неподвижно зависла в воздухе. Лошадь, запряженная в повозку, остановилась с двумя поднятыми ногами и не упала. Затем движение возобновилось. Машина рванулась вперед со скоростью примерно тридцать пять миль в час. Лошадь побежала резвой рысью, а зависшая в воздухе птица стремительно понеслась дальше. Листва зашевелилась и зашуршала, а трава под дуновением ветра заколыхалась мягкими волнами.

Напротив, у здания деревенской больницы остановилась машина скорой помощи. Из нее вышли два санитары, и подойдя к задней двери, вытащили носилки, на которых лежала старая женщина.

— А! — сказал наш человек, — она отправляется в больницу, а я ухожу навстречу свободе... — Он посмотрел на дорогу сначала в одну сторону, потом в другую и сказал: — Моя жена все знает. Я объяснил ей, и она согласна. — Оглянувшись на дом, он показал рукой: — Вот это ее комната, твоя — там. А теперь я готов как никогда.

Один из лам подхватил астральную форму нашего человека и скользнул ладонью вдоль Серебряной Нити. Казалось, он перевязывает ее, как перевязывают пуповину у новорожденного младенца.

— Готово! — сказал один из священников. Человек, освободившись от связующей Нити, поплыл прочь в сопровождении и при поддержке третьего священника. Я ощутил обжигающую боль, такую страшную и мучительную, какую никогда не хотел бы испытать еще раз, после чего старший лама сказал:

— Лобсанг, можешь ли ты войти в тело? Мы поможем тебе.

Возникло тягостное ощущение багровой черноты. Я почувствовал, что задыхаюсь. Я почувствовал, что меня что-то душит, вжимая в слишком тесные для меня рамки. Я стал тыкаться наугад внутри тела, чувствуя себя как слепой пилот в кабине современного сложного самолета, не зная, как заставить свое тело повиноваться. «Что если у меня ничего не получится?» — закралась жалкая мысль. Я отчаянно метался во все стороны.

Наконец я увидел красноватые проблески, потом немного зелени. Приободрившись, я удвоил усилия и вдруг словно кто-то отдернул завесу. Я прозрел! Мое зрение было таким же, как прежде, я видел ауры проходивших мимо людей. Но я не мог шевельнуться.

Рядом со мной встали двое лам. С этого момента, как я впоследствии обнаружил, я всегда мог видеть как астральные, так и физические образы. Я мог также лучше поддерживать связь с моими собратьями в Тибете. Утешительный приз, — частенько говорил я себе, — за вынужденную необходимость пребывания на Западе.

Двое лам озабоченно присматривались к моему застывшему в неподвижности телу. Я прилагал отчаянные усилия, беспощадно браня себя за то, что не дал себе труда изучить и постигнуть различия между телом Восточным и телом Западным.

— Лобсанг! У тебя дрогнули пальцы! — воскликнул один из лам.

Я поспешно возобновил свои попытки. Неудачное движение снова привело к временной слепоте. С помощью лам я вышел из тела, обследовал его и осторожно вошел снова. На этот раз

получилось лучше. Я видел, мог шевелить руками и ногами. С огромными усилиями я встал на колени, но тут же зашатался и рухнул навзничь. Затем, словно двигая на плечах бремя всего мира, я встал на дрожащие ноги.

Из дома выбежала женщина с криком:

— О, что ты опять наделал? Пойдем домой, тебе надо прилечь.

Она взглянула на меня, лицо ее потрясение замерло, и на мгновение мне показалось, что она вот-вот истерически закричит. Она, однако, справилась с собой, обхватила меня рукой за плечи и помогла пересечь лужайку. Шаг за шагом мы прошли короткую усыпанную гравием дорожку, поднялись на одну каменную ступеньку и, открыв деревянную дверь, вошли в небольшую прихожую. Там для меня начались настоящие трудности, потому что пришлось взбираться по многочисленным ступенькам, а мои движения все еще были очень беспомощны и неуклюжи.

В доме было фактически две квартиры, и та, которую занимал я, находилась наверху. Мне было очень странно входить в английский дома такой манер и взбираться по крутым ступенькам, цепляясь за перила, чтобы не скатиться вниз. Мои руки и ноги были словно резиновые и подчинялись мне с большой неохотой. Так оно и было на самом деле, поскольку на то, чтобы полностью овладеть совершенно чужим новым телом, ушло несколько дней. Двое лам парили рядом со мной с озабоченным видом, но они, разумеется, уже ничем не могли мне помочь. Вскоре они покинули меня, пообещав вернуться глубокой ночью.

Я медленно вошел в спальню, ставшую теперь моей, спотыкаясь, словно лунатик, и дергаясь, как механическая игрушка. Наконец я блаженно рухнул на кровать. По крайней мере, — утешил я себя, — отсюда я уже никуда не упаду! Мои окна выходили и на фасадную, и на заднюю часть дома. Чуть повернув голову вправо, я видел за небольшим палисадником дорогу, а за нею — маленькую деревенскую больницу, — не слишком утешительное зрелище в моем нынешнем состоянии.

На другой стороне комнаты было окно, через которое, повернув голову влево, я видел весь большой сад. Он был неухожен, сорняки росли кочками, словно на лугу. Густой кустарник разделял сады соседних усадеб. Травяную лужайку окаймляла живая изгородь из беспорядочно растущих деревьев и проволочная ограда. За нею виднелись очертания фермы и стало пасущихся невдалеке коров.

За окнами слышались чьи-то голоса, но звучали они настолько «по-английски», что я почти ничего не понимал. Английский язык, который мне доводилось слышать до сих пор, был в основном американским и канадским, а здесь странные придыхания и непривычные ударения в стиле выпускников старой школы просто ставили меня в тупик. Моя собственная речь была, как оказалось, затруднена. Попытавшись заговорить, я издал лишь глухое карканье. Мои голосовые связки казались мне загрубевшими и чужими. Я научился говорить медленно, заранее обдумывая, что собираюсь сказать. Я все время норовил произнести «ч» вместо «дж», из-за чего получалось «чон» вместо «Джон», были у меня и другие ошибки. Временами я сам с трудом понимал, что говорю!

Той же ночью ламы, совершив еще одно астральное путешествие, явились снова и постарались развеять мою подавленность, сказав, что теперь мне будет гораздо легче путешествовать в астрале. Еще они рассказали, что мое покинутое тибетское тело надежно хранится в каменном саркофаге под неусыпным присмотром трёх монахов. Изучение древних книг, сказали они, показало, что вернуться в свое тело мне будет довольно легко, но полная замена потребует некоторого времени.

Три дня я не выходил из комнаты, набираясь сил, заново учась двигаться и привыкая к своей новой жизни. Вечером третьего дня я под покровом темноты осторожно спустился в сад.

Только к этому времени я, как выяснилось, начал понемногу овладевать своим телом, хотя случались еще непредвиденные моменты, когда рука или нога отказывалась мне повиноваться.

На другое утро женщина, которая для всех стала теперь моей женой, сказала:

— Тебе надо бы пойти на биржу труда, узнать, не нашлось ли для тебя работы.

Биржа труда? Это название ничего мне не говорило, пока она не упомянула министерство труда. Только тогда меня осенило. Никогда прежде мне не доводилось бывать в таком месте, и я не имел представления, как там себя вести и что делать. Из разговора с нею я узнал, что биржа находится где-то в районе Хэмптон-Корт, но само это место называется Моулси.

По причине, которой я в то время не понимал, я не мог претендовать на пособие по безработице. Позднее я выяснил, что если человек уходит с работы по собственной инициативе, он лишается права на пособие, даже если до этого два десятка лет исправно платил взносы в фонд. При этом не имеет значения, насколько неприятной или бессмысленной была для него оставленная работа.

Стало быть, биржа труда! Я сказал:

— Помоги мне достать велосипед, и я съезжу.

Мы спустились по лестнице и свернули налево в гараж, заваленный старой мебелью. Нашелся там и велосипед, это орудие пытки, на котором до этого я проехался лишь раз в жизни в Чунцине, когда кубарем покатился с горы, не успев отыскать тормоза. Я осторожно взгромоздился на этот хитроумный механизм и покатил, виляя, по дороге в сторону железнодорожного моста, свернув на развилке влево. Какой-то человек приветственно помахал мне рукой, и взмахнув ему в ответ, я чуть не свалился на землю.

— Вы очень неважно выглядите, — окликнул он меня. — Поезжайте осторожнее!

И я налег на педали, чувствуя странную боль в ноге. Прямо, затем направо, как было сказано, и на широкую дорогу в сторону Хэмптон-Корта. По дороге ноги внезапно отказались мне повиноваться, я по инерции пересек дорогу и кувырком полетел на придорожный газон, а велосипед упал на меня сверху. Я сильно расшибся и несколько мгновений лежал, не в сил ах пошевелиться. И тут на меня с криком налетела какая-то женщина, возившаяся с ковриками у двери своего дома.

— Постыдились бы самого себя! Надо же так напиться среди бела дня. Я все видела. Вот я сейчас вызову полицию!

Хмуро взглянув на меня, она стремглав бросилась в дом, подхватила по дороге коврики и захлопнула за собой дверь.

«Ничего-то она не знает! — подумал я. — Ничего-то она не знает!»

Так я пролежал еще минут двадцать, приходя в себя. Люди подходили к дверям и выглядывали. Люди подходили к окнам и украдкой смотрели сквозь задернутые шторы. Две женщины сошлись у ограды соседних садов и стали громко судачить обо мне визгливыми голосами. И нигде не заметил я ни единой мысли о том, что я, возможно, болен или нуждаюсь в помощи.

Наконец с немалыми усилиями я поднялся на ноги, оседлал велосипед и поехал в сторону Хэмптон-Корта.

Глава 9

В поисках средств для осуществления миссии

Биржа оказалась довольно унылым зданием на одной из боковых улочек. Подъехав, я слез с велосипеда и пошел к входной двери.

— Вы хотите, чтобы у вас стащили велосипед? — спросил чей-то голос у меня за спиной.

Я обернулся к говорившему.

— Неужели безработные воруют друг у друга? — спросил я.

— Вы здесь, должно быть, новичок. Повесьте на велосипед цепь с замком, не то придется идти домой пешком.

Говоривший пожал плечами и вошел в здание. Я же вернулся и заглянул в седельную сумку. Там были и цепь, и замок. Только я собрался надеть цепь на колесо, как это делали другие, как меня вдруг словно громом ударило: *а где же ключ?* Порывшись в чужих карманах, я вытащил связку ключей. Перепробовав один за другим, я в конце концов нашел подходящий.

Пройдя по дорожке, я вошел в здание. Картонки с черными чернильными стрелками показывали, куда идти. Я свернул направо и вошел в комнату, плотно уставленную множеством жестких деревянных стульев.

— Привет, проф! — сказал чей-то голос. — Подсаживайся ко мне и жди своей очереди.

Я подошел к говорившему и, отодвинув пару стульев, сел рядом.

— Какой-то ты сегодня не такой, — продолжал он. — Что это ты с собой сделал?

Я позволил ему болтать без умолку, подбирая крохи информации. Клерк назвал фамилии, несколько человек подошли и сели перед его столом. Потом прозвучала фамилия, которая показалась мне знакомой.

«Может, это кто-то, кого я знаю?» — подумал я. Никто не отозвался. Фамилию назвали снова.

— Давай, это же ты! — сказал мой новый приятель. Я встал, подошел к столу и сел, как это делали другие.

— Что с вами сегодня? — спросил клерк. — Я видел, как вы вошли, но потом потерял вас из виду и решил, что вы ушли домой. — Он присмотрелся ко мне внимательнее. — Вы сегодня как-то непохожи на себя. Вряд ли дело в прическе, потому что волос на голове у вас совсем нет. — Затем он выпрямился и сказал: — Нет, боюсь, для вас ничего сегодня нет. Повезет в другой раз. *Прощу, следующий!*

Я вышел совершенно подавленный и поехал на велосипеде в Хэмптон-Корт. Там я купил газету и покатил дальше к берегам Темзы. Это было очень красивое место, куда лондонцы приезжали на выходные. Я сел на поросшем травой берегу, прислонился спиной к дереву, и стал читать колонки с объявлениями о найме на работу.

— Через биржу тебе нипочем не сыскать работу! — послышался голос.

Мой давешний знакомец сошел с дорожки и плюхнулся на траву рядом со мной. Потом сорвал травинку и задумчиво пожевал ее, перекатывая во рту.

— Они ведь не плотют тебе бабок на пособие, верно? Вот ты им и по фонарю. Они дают работу, только кому приходится платить. На этом экономят бабки, понял? Если същут работенку тебе, кого-то придется держать на пособии. А правительство им за это врежет как след, понял?

Я задумался. Все тут было ясно, хотя от грамматики этого человека голова шла кругом.

— Ну а вы как бы поступили? — спросил я.

— Я! Да ты чего, мне работа ни к чему, я хожу только за пособием, на него и живу, да еще зашибаю немного деньжат на стороне или вроде того. Вот что, мужик. Если тебе и взаправду нужна работа, наведайся в одно из этих самых бюро, — вот здесь, дай-ка я гляну.

Он взял мою газету, оставив меня в тупом недоумении относительно того, кто такие эти бюро. Век живи, век учишься, думал я. До чего же слабо я ориентировался в том, что имеет отношение к Западному миру. Слюнявя пальцы и бормоча под нос буквы алфавита, он усердно листал страницы.

— Вот они где! — обрадованно воскликнул он. — Бюро по найму — вот, смотри сам!

Я быстро пробежал глазами колонку, недвусмысленно помеченную грязным ногтем моего нового знакомого. Бюро трудоустройства, агентства по найму на работу, рабочие вакансии.

— Но это же для женщин, — не без отвращения заметил я.

— Скажешь тоже! — ответил он. — Читать не умеешь, что ли? Тут сказано, что для мужиков и для баб. Вали туда, поговори с ними и не дай им вытянуть из себя ни гроша. О! Им только дай — мигом обведут вокруг пальца. Скажи им, что хочешь получить работу, а не то!

В тот же день, поспешив в самое сердце Лондона, я поднялся по грязной лестнице в замызганную контору на одной из улочек Сохо. Ярко покрашенная искусственная блондинка с алыми коготками на пальцах сидела за металлическим столом в такой тесной комнатухе, что она скорее походила на буфет.

— Мне нужна работа, — сказал я.

Она смерила меня холодным взглядом, откинувшись на спинку стула, потом продемонстрировала в широком зевке полный рот гнилых зубов и обложенный язык.

— *Хтовы?* — сказала она. Я тупо уставился на нее. — *Хтовы* — повторила она.

— Простите, — сказал я, — но я не понял вашего вопроса.

— *Обооже!* — томно вздохнула она. — Вы что, по-английски не волочете? Вот, *заполните бланк*.

Она швырнула мне анкету, убрала со стола свою ручку, часы, книжку и сумочку и скрылась где-то в недрах конторы. Я сел и начал сражаться с вопросами. После долгого отсутствия она появилась снова и ткнула пальцем в ту сторону, откуда пришла.

— Заходите, — скомандовала она.

Я встал и поковылял в комнату чуть побольше размером. За выдавшим виды столом, на котором беспорядочной кучей валялись какие-то бумаги, сидел человек. Он жевал огрызок дешевой вонючей сигары, на затылке чудом держалась засаленная фетровая шляпа. Он знаком велел мне сесть перед собой.

— На регистрацию деньги есть? — спросил он.

Я сунул руку в карман и достал сумму, указанную в формуляре. Он взял у меня деньги, дважды пересчитал и спрятал к себе в карман.

— И где это вы ждали? — спросил он.

— В приемной, — невинно ответил я. — К моему полному недоумению, он взорвался громким хохотом.

— *Хо! Хо! Хо!* — ревел он. — Я ему: «Где это вы ждали?» А он мне — что в приемной! — Смахнув слезы, он с видимым усилием овладел собой и сказал: — Слушай, старина, комик из тебя неважный, да и мне с тобой некогда время терять. Ты официантом когда-нибудь служил или что-нибудь в этом роде?

— Нет, — ответил я, — мне нужна работа по одной из этих специальностей, — и я привел ему целый список того, что могу делать, — так вы можете мне помочь или нет?

Он, нахмурившись, изучил список.

— Почему я знаю? — сказал он с сомнением в голосе, — говоришь ты вроде как доктор...

словом, посмотрим, что можно будет сделать. Приходи ровно через неделю.

С этими словами он раскурил потухшую было сигару, положил ноги на стол и углубился в чтение газеты о скачках. Я разочарованно ушел, миновав по пути накрашенную девицу, которая проводила меня высокомерным взглядом и фырканьем, и спустился по скрипучей лестнице на грязную улицу.

Неподалеку находилось другое агентство, и я отправился туда. Уже при виде входа туда сердце у меня упало. Дверь черного хода, деревянная лестница без перил и грязные стены с облупившейся краской. Наверху, на третьем этаже я открыл дверь с надписью «вход». За нею оказалась одна просторная комната во всю ширину здания. Повсюду стояли шаткие столы, за каждым из которых перед стопками карточек сидел человек.

— Да? Чем могу служить? — спросил меня чей-то голос.

Оглянувшись, я увидел женщину лет семидесяти, хотя на вид ей было больше. Не дожидаясь ответа, она вручила мне анкету с просьбой ее заполнить и отдать сидящей за другим столом девушке. Вскоре я ответил на все многочисленные, нередко весьма личного свойства вопросы и, как было велено, отдал анкету девушке. Не удостоив ее даже взглядом, она сказала:

— Можете сейчас внести плату за регистрацию.

Я так и сделал, думая о том, что они довольно легко зарабатывают деньги. Она их тщательно пересчитала и передала через окошко еще одной женщине, которая тоже их пересчитала, и только после этого мне была выдана квитанция. Девушка встала и крикнула:

— Кто-нибудь свободен?

Человек за столом в дальнем углу комнаты вяло помахал рукой. Девушка повернулась ко мне и сказала:

— Вас примет вон тот джентльмен.

С трудом пробравшись между столами, я подошел к нему. Некоторое время он продолжал писать, не обращая на меня внимания, потом протянул мне руку. Я взял ее и пожал, но он резко выхватил руку и раздраженно произнес:

— Нет, нет! Я хочу видеть вашу квитанцию. Квитанцию, знаете ли.

Тщательно ее изучив, он перевернул бумагу и осмотрел пустую сторону. Еще раз перечитав лицевую сторону, он, по-видимому, решил, что она все же не поддельная, потому что сказал:

— Прошу присесть.

К моему изумлению, он взял чистый бланк и попросил меня ответить на вопросы, на которые я только что ответил письменно. Выбросив заполненный мною бланк в корзину для мусора и спрятав свой бланк в ящик стола, он сказал:

— Зайдите ко мне через неделю. Посмотрим, что можно будет сделать.

И он вернулся к своей писанине, которая, как я заметил, была личным письмом к какой-то женщине!

— Эй! — громко сказал я. — Я *требую* внимания.

— Дорогой мой! — взялся он меня увещевать. — Так быстро такие дела просто *не делаются*. Должна быть какая-то система, знаете, система!

— Вот что, — сказал я, — мне нужна работа *сию же минуту* или верните деньги.

— Боже, Боже! — вздохнул он. — Это совершенно ужасно!

Бросив быстрый взгляд на мое решительное лицо, он принялся выдвигать один ящик стола за другим, словно тянул время, пытаясь придумать, что делать дальше. Один ящик он выдвинул слишком далеко. Раздался громкий треск, и на пол вывалилось все его содержимое. Из лопнувшей коробки рассыпались скрепки — не меньше тысячи. Ползая по полу, мы принялись подбирать всю эту мелочь и сваливать в кучу на стол.

Наконец все было собрано и уложено в ящик.

— Этот проклятый ящик! — отрешенно сказал он. — Вечно он вот так вываливается, другие к этому уже привыкли.

Он немного посидел, порылся в картотеке, поискал что-то в стопке бумаг. Отрицательно покачав головой, он отшвырнул бумаги в сторону, попутно свалив на пол другую стопку.

— А! — вымолвил он наконец и умолк. Спустя несколько минут он сказал: — Да, у меня для вас есть работа!

Он снова порылся в бумагах, надел другие очки и не глядя протянул руку к стопке карточек. Взяв верхнюю, он положил ее перед собой и медленно начал писать.

— Так, где же это? Ага! Клэпхэм, вы знаете Клэпхэм? — И не дожидаясь ответа, он продолжил: — Это обработка фотопленок и печатание снимков. Работать будете по ночам. Уличные фотографы Вест Энда по вечерам приносят свои пленки, а утром забирают снимки. Г-мм, да, минуточку. — Он снова порылся в бумагах. — Иногда вам самому придется работать в Вест Энде как подменному фотографу. Отнесите карточку по этому адресу и поговорите с ним, — сказал он, подчеркнув карандашом фамилию на карточке.

Клэпхэм не относился к числу самых чистых районов Лондона. Адрес, по которому я отправился, представлял собой убогую улочку в трущобах, прилегающих к подъездным путям железной дороги. Словом, место было отвратительное. Я постучал в облупившуюся дверь с окошком, в котором отсутствующее стекло с успехом заменяла наклеенная бумага. Дверь чуть приоткрылась, и на улицу выглянула неряшливо одетая женщина со всклокоченными волосами, закрывающими половину лица.

— Да? Чего надо?

Я сказал, и она, отвернувшись, прокричала куда-то в глубину дома:

— Арри! К тебе какой-то тип!

И она захлопнула дверь, оставив меня на улице. Немного погодя дверь открылась снова, и ко мне вышел грубого вида мужчина с небритой физиономией, без воротничка, с сигаретой, свисавшей с нижней губы. Сквозь дыры в домашних тапочках просвечивали пальцы.

— Что надо, приятель? — спросил он.

Я отдал ему карточку из бюро по найму. Он взял ее, изучил со всех сторон, поднял глаза на меня, потом снова углубился в карточку и наконец сказал:

— Заморская пташка, а? Таких в Клэпхэме навалом. И не больно разборчивые, как мы, британцы.

— Что вы мне скажете насчет работы? — спросил я.

— Пока ничего! — сказал он. — Сначала я на тебя посмотрю. Идем ко мне в цоколь.

С этими словами он повернулся и исчез! Я в несколько обалделом состоянии вошел в дом. Как это он мог быть «в цоколе», если только что я его видел перед собой? И вообще, что такое этот «цоколь»?

В прихожей было темно. Я остановился, не зная, куда идти, и буквально подскочил на месте, когда у моих ног взревел чей-то голос:

— Так что, приятель, идешь ты вниз или нет?

— Послышался топот ног, и в слабо освещенном дверном проеме, ведущем в подвал, которого я вначале не заметил, показалась голова этого типа. Я последовал за ним по шатким деревянным ступенькам, боясь в любую минуту провалиться.

— Мастерская! — гордо объявил тип. В сигаретном дыму тускло светилась желтая электролампочка. Была ужасная духота. У стены стояла длинная скамья, вдоль которой тянулся сток для воды. На скамье выстроились в ряд кюветы. Немного поодаль на столе стоял выдавший виды фотоувеличитель, а на другом столе с обитой свинцом столешницей громоздились многочисленные бутылки.

— Я Арри, — сказал тип. — Ну-ка, приготовь растворы, а я посмотрю, чего ты стоишь. — И подумав, он добавил: — Мы пользуемся химикатами фирмы «Джонсон», — всегда получаются снимки что надо.

Арри отошел в сторонку, чиркнул спичкой о штаны и прикурил сигарету. Я быстро приготовил растворы — проявитель, стоп-ванну и закрепитель.

— О'кей, — сказал он. — Теперь возьми эту пленку и сделай несколько отпечатков.

Я хотел было сделать пробу на полоске фотобумаги, но он сказал:

— Нет, не трать бумагу, дай пять секунд выдержки.

Арри остался доволен моей работой. — Мы платим помесечно, приятель, — сказал он. — И чтоб никакой порнухи. Неприятности с фараонами мне ни к чему. Всю порнуху отдавай мне. А то парням стучает иногда что-то в голову, и они подсовывают какую-то особую порнуху для особых клиентов. Все это будешь отдавать мне, понял? Начнешь сегодня в десять вечера, уйдешь в семь утра. О'кей? Тогда лады!

В тот же вечер, незадолго до десяти, я шел по той же убогой улочке, пытаюсь в непроглядной темени разглядеть номера домов. Отыскав нужный дом, я поднялся по замусоренным ступенькам к облезлой и потрескавшейся двери. Я постучал, отступил немного назад и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Дверь, скрипя ржавыми петлями, распахнулась настежь. На пороге стояла та же женщина, которая открывала мне днем. Та же, но совершенно другая. Лицо ее было напудрено и покрашено, волосы тщательно уложены в прическу, а полупрозрачное платье, подсвеченное из прихожей, во всех подробностях обрисовывало ее пышные формы. Она одарила меня широкой белозубой улыбкой и проворковала:

— Заходи, милашка. Меня зовут Мэри. Кто тебя прислал? Не дожидаясь ответа, она наклонилась ко мне, причем ее низко вырезанное платье опасно затрещало, и продолжила:

— Тридцать шиллингов за полчаса или три фунта десять шиллингов за всю ночь. Я знаю всякие штучки, милашка!

Она отступила, чтобы дать мне войти, и на мое лицо упал свет из прихожей. Увидев мою бороду, она свирепо на меня воззрилась:

— Ах, это ты! — сказала она ледяным тоном, и улыбку смахнуло с ее лица, словно мел с доски мокрой тряпкой. Она фыркнула: — Я только время с тобой теряю! Подумать только! Эй, ты, — заорала она, — достанешь себе ключ. По вечерам в это время я всегда занята.

Я закрыл за собой входную дверь и спустился в замызганный подвал. Там уже были свалены в кучу кассеты для проявки, и мне показалось, что все лондонские фотографы сбросили свои пленки именно сюда. Я закрутился волчком в этом стигийском мраке, разряжая кассеты, цепляя к пленкам зажимы и опуская их в бачки. *Тик-так-тик-так*, — запущен таймер. Резко грянул звонок, возвестивший, что пленки пора переносить в стоп-ванну. От неожиданности я резко вскочил и треснулся лбом о низкую балку. Теперь быстренько все пленки из проявителя на несколько минут в стоп-ванну. Снова вынимаем пленки и опускаем на четверть часа в закрепитель. Еще одно погружение в ослабляющий раствор, и пленки можно промывать. Пока шла промывка, я включил желтую лампочку и сделал несколько отпечатков.

Два часа спустя все пленки были проявлены, закреплены, промыты и быстро высушены в метиловом спирте. Еще четыре часа, и работа значительно продвинулась. Я изрядно проголодался. Оглядевшись, я не нашел места, где можно было бы вскипятить чайник. Впрочем, чайника тоже не было, так что я сел, развернул пакет с сэндвичами и хорошенько вымыл фотомензурку, чтобы запить их водой. Я подумал о той женщине наверху, о том, как она сейчас пьет отличный горячий чай, и стал мечтать, чтобы она угостила меня чашечкой.

Дверь наверху с треском распахнулась, и вниз хлынул поток света. Я поспешно вскочил и бросился накрывать открытую пачку фотобумаги, чтобы она не засветилась, а голос сверху

рявкнул:

— Эй! Ты там! Выпьешь чашечку? Дела сегодня как сажа белая, вот я и заварила себе чайку, перед тем как завалиться на боковую. Никак не могу выкинуть тебя из головы. Не иначе, как это телепатия. Она расхохоталась собственной шутке и застучала каблуками вниз по лестнице. Поставив поднос, она уселась на деревянный табурет и шумно вздохнула.

— Фу! — сказала она. — Ну и жарница же здесь. Она распустила пояс халата, распахнула его — и к моему ужасу под ним не оказалось ничего! Заметив выражение моего лица, она хихикнула:

— Снимать тебя я не собираюсь, у тебя сегодня другие снимки в голове. Она встала, сбросив халат на пол, и потянулась к стопке подсохших отпечатков. — *Ты посмотри* только! — воскликнула она, листая снимки, — Ну и рожи. Ума не приложу, зачем только эти придурки позволяют себя фотографировать.

Она снова села, явно без сожаления расставшись с халатом, — здесь и без того было жарко, но мне стало еще жарче!

— Ты веришь в телепатию? — спросила она.

— Конечно, да! — ответил я.

— Ну, я видела как-то представление в Палладиуме, и там показывали телепатию. Я сказала, что все было по-настоящему, а мой приятель, который повел меня туда, сказал, что все это враки...

Есть одна легенда о путешественнике в просторах пустыни Гоби. Его верблюд пал, и человек полз через пески, чуть не умирая от жажды. Внезапно ему показалось, что он увидел перед собой бурдюк с водой, обыкновенный бурдюк из козьей шкуры, который обычно берут с собой в дальний путь. Из последних сил он бросился к бурдюку, склонился, чтобы напиться, но обнаружил, что бурдюк был полон первоклассных алмазов. Верно, какой-то другой путешественник, страдая от жажды, бросил его в пустыне, чтобы как-то облегчить свою ношу. Так и на Западе. Люди стремятся к материальным богатствам, к ракетам со все большей ударной мощностью, к беспилотным самолетам и даже пытаются исследовать космос. К истинным ценностям, астральным путешествиям, ясновидению и телепатии они относятся с подозрением, считая их подделкой либо сценическими трюками.

Когда британцы господствовали в Индии, было хорошо известно, что индийцы могли передавать послания на большие расстояния, сообщая о восстаниях, чьих-то приездах, словом, о любых интересных новостях. Подобные послания могли в считанные часы пересечь страну из конца в конец. Такие случаи отмечались и в Африке и получили известность под названием «телеграф буша». При наличии должной подготовки отпала бы всякая нужда в телеграфных проводах! И никаких телефонов, терзающих наши нервы. Люди могли бы обмениваться посланиями с помощью своих врожденных способностей. На Востоке все эти вещи изучались столетиями. Страны Востока «с симпатией относятся» к этой идее, там нет негативного образа мыслей, который сдерживал бы использование того или иного природного дара.

— Мэри, — сказал я, — я покажу тебе маленький трюк, который демонстрирует телепатию, или господство Разума над Материей. Я буду Разумом, ты будешь Материей.

Она глянула на меня подозрительно, даже немного зло, но потом ответила:

— Ну, хорошо, валяй шутки ради.

Я сосредоточил мысли на ее затылке и представил, как ее кусает муха. Я представил себе зримый образ этого насекомого. Внезапно Мэри хлестнула себя по затылку, охарактеризовав надоедливое насекомое весьма неприличным словом. Я вообразил укусы сильнее, и только теперь она посмотрела на меня и рассмеялась.

— Вот это да! — сказала она. — Если бы я такое умела, уж я бы точно покуражилась над

моими клиентами.

Ночь за ночью я приходил в этот грязный домишко на задворках большого города. Нередко, когда Мэри не бывала занята, она заходила ко мне с горячим чайником поболтать и послушать. Постепенно я начал понимать, что под грубой внешностью, несмотря даже на свой образ жизни, она могла быть по-настоящему доброй к тем, кто в ней нуждался. Она кое-что рассказала мне о человеке, который нанял меня на работу, и предупредила, чтобы в последний день месяца я задержался подольше.

Ночь за ночью я проявлял пленки, печатал фотографии и готовил их к утренней раздаче. Целый месяц я не видел никого, кроме Мэри. Тридцать первого числа я задержался подольше. Часов в девять по голым ступенькам лестницы затопал пронирыливого вида тип. Он спустился вниз и с откровенной враждебностью уставился на меня.

— Стало быть, ты хочешь получить свои бабки? — рявкнул он. — Ты работаешь по ночам, пошел вон отсюда!

— Я уйду, когда буду готов, не раньше, — ответил я.

— Ты! — заорал он. — Я тебе покажу, как держать язык за зубами!

Он схватил бутылку, отбил ударом о стену горлышко и двинулся на меня, целясь в лицо зазубренным краем. Я устал и был довольно зол. В свое время меня обучали приемам борьбы лучшие мастера этого искусства на Востоке. Разоружить этого слизняка было простым делом, после чего я перекинул его себе через колени и устроил ему такую трепку, какой он не видел никогда в жизни. Заслышав его вопли, Мэри выскочила из постели и теперь сидела на верхней ступеньке, любуясь этой сценой! Тип уже буквально рыдал, так что я сунул его голову в промывочный бачок, чтобы смыть слезы и прекратить поток площадной брани. Позволив ему подняться, я сказал:

— Встань в угол. Если шевельнешься без моего разрешения, я начну все сначала!

Он *ни разу* не шевельнулся.

— Ну и ну! Вот это зрелище ласкает глаз, — сказала Мэри. — Этот мозгляк — главарь одной из банд в Сохо. Ты его здорово напугал, хотя до сих пор он был самым свирепым драчуном, уж это точно!

Я сел и стал ждать. Примерно через час по лестнице спустился человек, который меня нанял, и побледнел, увидев меня и гангстера.

— Я хочу свои деньги, — сказал я.

— Месяц был очень неудачный, у меня нет денег, мне пришлось платить ему за защиту, — сказал он, показывая на гангстера. Я уставился на него.

— По-вашему, я задаром работаю в этой вонючей дыре? — спросил я.

— Дай мне несколько дней, и может, мне удастся что-нибудь наскрести. — Он, — кивнул он на гангстера, — отбирает у меня все деньги, потому что если я ему не заплачу, то моим парням крепко достанется.

Словом, ни денег, ни особой надежды их получить! Я согласился поработать еще две недели, чтобы дать «боссу» время раздобыть где-нибудь деньги. В глубоком унынии я вышел из дома, думая о том, какое счастье, что я приезжал в Клэпхэм на велосипеде, экономя деньги на проезд. Пока я снимал цепь с велосипеда, ко мне подкатился тот самый гангстер.

— Послушай, приятель, — хрипло прошептал он, — хочешь хорошую работенку? Иди ко мне в охрану. Двадцать фунтов в неделю и все расходы.

— Отвяжись от меня, ты, мозгляк сопливый, — зло ответил я.

— Двадцать пять фунтов в неделю!

Я раздраженно повернулся к нему, и он робко отскочил в сторону, бормоча:

— Ставлю тридцать, лучше некуда, любая девка, какую захочешь, выпивки — сколько осилишь, вот будет класс!

Увидев мое лицо, он поспешно перепрыгнул через ограду цокольного этажа и скрылся в чьей-то квартире. А я сел на свой велосипед и уехал.

Почти три месяца я держался за эту работу, то проявляя пленки, то работая подменным уличным фотографом, но ни мне, ни остальным не заплатили ни гроша. Наконец, совершенно отчаявшись, мы бросили это дело.

К тому времени мы переехали жить на одну из площадей с сомнительной репутацией в районе Бэйсуотер, и я снова зачастил на биржи труда в попытках получить работу. Под конец, вероятно ради того, чтобы от меня избавиться, один чиновник сказал:

— Почему бы вам не обратиться в отдел квалифицированных специалистов на Тэвисток-сквер? Я дам вам туда карточку.

Преисполнившись надежд, я отправился на Тэвисток-сквер. Там мне сделали множество «великолепных» предложений. Вот одно из них.

— Боже мой, разумеется, у нас есть *именно* то, что вам нужно. Мы подыскиваем человека на новую станцию ядерных исследований в Кэтнесе, что в Шотландии. Поедете туда на собеседование? — и он стал энергично рыться в бумагах.

В ответ я спросил:

— А они оплатят расходы на проезд?

— О Боже, конечно, нет! — последовал ответ. — Вам придется съездить туда за свой счет.

В другой раз я все же съездил за свой счет в Уэльс, в Кардиган. Там требовался специалист по гражданскому строительству. За свои деньги я пересек всю Англию и Уэльс. От вокзала до места собеседования оказалось ужасно далеко, и я брел по улицам Кардигана, пока не прошел город из конца в конец.

— Ой, ой! Вам еще так далеко идти! — сказала приветливая женщина, у которой я спросил дорогу.

И я шагал все дальше и дальше, пока не подошел к подъезду в дом, укрытый за деревьями. Подъездная дорожка была хорошо ухожена. Пройдя порядочный кусок в гору, я наконец подошел к дому. Меня принял какой-то весьма благожелательный человек и просмотрел мои документы (которые мне прислали в Англию из Шанхая). Изучив их, он одобрительно кивнул.

— С такими документами вы без труда найдете себе работу, — сказал он. — К сожалению, у вас нет опыта работы по строительным контрактам в Англии. Поэтому должности я вам предложить не могу. Но скажите мне, — попросил он. — Вы квалифицированный врач, почему же вы еще изучали гражданское строительство? Я вижу, у вас степень бакалавра в этой специальности.

— Как медик я собирался работать в отдаленных районах, поэтому хотел получить знания, которые позволили бы мне построить свою больницу, — сказал я.

— Гм! — пробормотал он. — Весьма сожалею, но ничем не могу вам помочь.

И я побрел прочь через весь Кардиган, на унылый вокзал. Целых два часа пришлось дожидаться поезда, но в конечном счете я все же добрался до дома с известием, что опять *нет работы*. На другой день я снова пошел в агентство по найму. Тот же человек, все так же сидевший за столом, — он словно никуда и не уходил, — сказал:

— Послушайте, старина, здесь просто невозможно разговаривать. Пригласите меня на ланч, и там я вам кое-что расскажу, ладно?

Больше часа я слонялся по улице, разглядывая витрины и мечтая о том, чтобы мои ноги перестали болеть. С другой стороны улицы ко мне хмуро приглядывался лондонский полисмен, явно не зная, то ли я безобидный прохожий, то ли преступник, собирающийся ограбить банк. А

может, у него тоже болели ноги! Наконец, мой человек отделился от стола и с громким топотом спустился по скрипучей лестнице.

— Семьдесят девятый, старина. Мы сядем на семьдесят девятый. Я знаю одно местечко, где очень недурно кормят за умеренную плату.

Пройдя немного пешком, мы сели на семьдесят девятый автобус и вскоре приехали на место, в один из тех ресторанов на прилегающих к главным магистралям улицах, где чем меньше здание, тем выше цены. Человек Без Стола и я сели за стол. Мой обед был чрезвычайно скромнен, зато его — чрезвычайно обилён. Затем, удовлетворенно вздохнув, он изрек:

— Знаете, старина, все вы рассчитываете получить хорошую должность, но не приходило ли вам в голову, что если бы имеющиеся должности были в самом деле настолько хороши, мы бы сами их заняли первыми? Ведь с нашей работой, знаете, тоже особенно не разгонишься.

— Ну, — сказал я, — должен же быть какой-то способ получить работу в этом закоснелом в невежестве городе или в его окрестностях?

— Ваша проблема в том, что вы непохожи на других, вы привлекаете внимание. К тому же у вас болезненный вид. Может, если бы вы сбрили бороду, это было бы вам на пользу.

И он вперил в меня задумчивый взгляд, явно придумывая предлог красиво уйти. Внезапно он посмотрел на часы и обеспокоенно вскочил на ноги.

— Послушайте, старина, мне уже просто пора *бежать* наш старый Рабовладелец не спускает с нас глаз. — Он похлопал меня по руке и сказал: — Та! Та! Не тратьте попусту денег на хождение к нам. У нас просто нет никаких вакансий, за исключением мест официантов и других, такого же пошиба!

С этими словами он развернулся волчком и умчался, предоставив мне платить по весьма внушительному счету.

Я вышел из ресторана и побрел по улице. От нечего делать я стал читать маленькие объявления в витринах магазинов. «Молодая вдова с маленьким ребенком ищет работу...» «Искусный резчик ищет заказы». «Массажистка проводит сеансы на дому». (Да еще какие, подумал я!) Шагая по улице, я задумался над вопросом: если все эти традиционные агентства, бюро, биржи и т. д. не в состоянии мне помочь, то почему бы не повесить объявление в витрине магазина? — Почему бы и нет? — сказали мои бедные усталые ноги, отупело топавшие по твердому бездушному тротуару.

В тот вечер я, придя домой, на все лады обдумывал способы заработать на жизнь и скопить достаточно денег на продолжение исследований человеческой ауры. Наконец я отпечатал шесть почтовых открыток с таким текстом: «Доктор медицины (диплом получен не в Великобритании) предлагает услуги психолога. Обращаться по указанному адресу». Потом я отпечатал еще шесть, гласивших: «Много путешествовавший профессионал, обладающий рядом научных специальностей, предлагает свои услуги для всего необычного. Отличные рекомендации. Писать на почтовый ящик...» На другой день, расклеив объявления на самых видных местах в нескольких стратегически выгодных витринах лондонских магазинов, я сел и начал ждать результатов. И они появились. Мне удалось получить достаточно работы по специальности психолога, чтобы сводить концы с концами, и едва теплившийся огонек наших финансов начал понемногу оживать. Помимо этого я дал еще несколько объявлений, и одна из крупнейших британских фармацевтических фирм предоставила мне работу с неполным днем. Если бы не действовавшая в то время инструкция о страховании персонала, директор, очень благородный и гуманный человек, принял бы меня на постоянную работу. Но я был слишком стар и слишком болен. Напряжение, связанное с переходом в другое тело, было ужасно. Напряжение, связанное с заменой молекул «нового» тела на мои собственные, почти исчерпало мои силы, но в интересах науки я выдержал и это. Теперь все чаще я по ночам или по выходным

дням путешествовал в астрале в Тибет, когда знал, что никто меня не потревожит, ибо если потревожить тело человека, путешествующего в астрале, то исход может оказаться для него роковым. Я находил утешение в обществе лам высокого звания, которых встречал в астрале, и наградой мне служило их одобрение моих действий. В одно из таких посещений я оплакивал уход моей домашней любимицы кошки, которая своим умом посрамила бы не одного представителя рода человеческого. Старый лама, бывший со мной в астрале, сочувственно улыбнулся и сказал:

— Брат мой, помнишь ли ты историю о горчичном зернышке?

Ах, да, горчичное зернышко! Я отлично помнил одно из основных положений нашей Веры...

«У одной бедной молодой женщины умер первенец. Обезумев от горя, она бродила по городским улицам, моля, чтобы кто-нибудь или что-нибудь вернуло к жизни ее сына. Одни отводили глаза, полные сострадания и жалости, другие насмехались и издевались над ней, говоря, что она сумасшедшая, если верит, что ребенка можно оживить. Ничто не могло ее утешить и никто не мог найти слов, которые облегчили бы ее боль. Наконец один старый священник, видя ее полное отчаяние, призвал ее и сказал:

— На всем свете есть лишь один человек, который может тебе помочь. Это Совершенный, это Будда, чья обитель находится на вершине вон той горы. Ступай к нему.

Убитая горем молодая мать, испытывая телесные муки под бременем своей печали, стала медленно взбираться по крутой горной тропе, пока не увидела за поворотом сидящего на камне Будду. Простершись перед ним ниц, она воскликнула:

— О Будда! Верни моего сына к жизни.

Будда встал и ласково коснулся бедной женщины со словами:

— Спустись в город. Обойди все дома и принеси мне горчичное зернышко из дома, в котором никто никогда не умирал.

— С криком радости молодая женщина встала и поспешила вниз в долину. Прибежав в первый дом, она сказала:

— Будда велел мне принести горчичное зернышко из дома, не познавшего смерти.

— В этом доме, — ответили ей, — умерло много людей. В соседнем доме ей сказали:

— Не сосчитать даже, сколько здесь умерло людей, ибо это старый дом.

Она ходила от дома к дому, прошла всю улицу, потом другую, третью. Лишь изредка останавливаясь, чтобы передохнуть и поесть, она дом за домом обошла весь город, но так и не нашла ни одного дома, который хотя бы однажды не посетила смерть.

Тогда она медленно пустилась в обратный путь на гору. Будда, как и в тот раз, сидел, погруженный в медитацию.

— Ты принесла горчичное зернышко? — спросил он.

— Нет, да я и не ищу его больше, — ответила она. — Мое горе настолько ослепило меня, что я подумала, будто лишь я одна страдаю и предаюсь печали.

— Зачем же ты тогда снова пришла ко мне? — спросил Будда, — Просить тебя, чтобы ты научил меня истине, — ответила она. И Будда сказал ей:

— Во всем мире человека и во всем мире Богов существует лишь один закон: ничто не вечно».

Да, я знал все эти поучения, но утрата любимого существа все равно оставалась утратой. Старый лама снова улыбнулся и сказал:

— Скоро к тебе придет одна очаровательная Маленькая Особа, чтобы внести немного радости в твою такую тяжкую и суровую жизнь. Жди!

Несколько месяцев спустя мы взяли в дом Леди Ку'эй. Это был сиамский котенок

непревзойденной красоты и ума. Воспитанная нами так, как воспитывалось бы человеческое существо, она и отвечала нам, как отвечал бы *хороший* человек. И, конечно же, она внесла луч света в наши горести и облегчила бремя людского вероломства.

Работа на свой страх и риск, без какого-либо легального статуса была очень нелегким делом. Пациенты придерживались того мнения, что если черту плохо, он и монахом притворится, а как черту полегчает — сразу станет самим собой! Историй, которые придумывали в свое оправдание пациенты, не желавшие платить, хватило бы на несколько книг, и критикам пришлось бы работать сверхурочно. Я не прекращал поисков постоянной работы.

— О! — сказал кто-то из моих друзей, — да вы же можете быть свободным писателем, писателем-призраком». Вы об этом не думали? Один мой друг написал так несколько книг, я вас ему представлю.

И я отправился в один из крупнейших лондонских музеев на встречу с этим человеком. Меня провели в кабинет, и на мгновение мне показалось, что я попал в музейный запасник! Я боялся шевельнуться, чтобы не свалить что-нибудь на пол, и сидел, застыв в неудобной позе. Наконец появился тот самый «друг».

— Книги? — спросил он. — Свободное писательство? Я свяжу вас с моим агентом. Может быть, он сможет что-нибудь вам устроить.

Он энергично нацарапал адрес на листке бумаги и отдал его мне. Не успел я опомниться, как оказался за дверью кабинета. Ну, — подумал я, — еще одна охота за химерами?

Я заглянул в клочок бумаги у меня в руках. Риджент-стрит? А в каком же конце улицы это может быть? Я вышел из метро на Оксфорд-серкус, и с моим обычным везением оказалось, что я вышел на противоположном конце улицы! По Риджент-стрит сновали толпы людей, у входа в большие магазины образовались настоящие людские водовороты. Какой-то оркестр не то бойскаутов, не то Армии спасения, громогласно шествовал по Кондуит-стрит. Я шел дальше, мимо одной из крупнейших ювелирных компаний, думая о том, сколь малая часть их золотого запаса дала бы мне возможность продолжать исследования. В том месте, где Риджент-стрит чуть изгибалась перед впадением в Пикадилли-серкус, я перешел на другую сторону улицы и стал искать этот чертов номер. Туристическое агентство, магазин обуви и никакого литературного агентства. Потом я все же увидел номер, зажатый между двумя магазинами. Я вошел в маленький вестибюль, в дальнем конце которого виднелась открытая дверь лифта. Увидев кнопку звонка, я нажал ее. Ничего. Я подождал минут пять и нажал еще раз.

Шаги.

— Вы меня вытащили из угольной ямы! — послышался голос. — Только я успел налить чашку чаю. Какой этаж вам нужен?

— М-р Б., — сказал я, — я не знаю, на каком он этаже.

— А, четвертый этаж, — сказал лифтер. — Он у себя, я его поднимал наверх. Это здесь, — сказал он, отодвигая железную дверь. — Повернете направо, в эту дверь. — И он исчез, вернувшись к своему стынущему чаю.

Я толкнул указанную мне дверь и подошел к небольшой стойке.

— М-р Б., — спросил я. — У меня с ним назначена встреча.

Темноволосая девушка вышла искать мистера Б., а я тем временем осмотрелся. На другом конце стойки девушки пили чай. Пожилому курьеру давали указания относительно доставки пакетов. У меня за спиной был стол, на котором лежало несколько журналов, — как в приемной у дантиста, подумал я, — а на стене виднелась реклама какого-то издательства. В конторе шагу нельзя было ступить — повсюду лежали связки книг, а у дальней стены аккуратными стопками были сложены машинописные тексты.

— М-р Б. через минуту будет здесь, — сказал чей-то голос, и я повернулся, чтобы

поблагодарить темноволосую девушку. В этот момент открылась боковая дверь, и вошел мистер Б. Я взглянул на него с интересом, поскольку это был первый литературный агент, какого я когда — либо видел или о котором слышал! Он носил бороду и чем-то напомнил мне старого китайского мандарина. Хотя это был англичанин, было в нем этакое внутреннее достоинство пожилого образованного китайца, которым на Западе не встретишь равных.

Мистер Б., войдя, поздоровался со мной, пожал руку и пропустил через боковую дверь в крошечную комнатку, похожую скорее на тюремную камеру, только без решеток.

— Ну, чем могу служить? — спросил он.

— Мне нужна работа, — сказал я.

Он попросил меня рассказать о себе, но по его ауре я видел, что ему нечего мне предложить, и он был вежлив со мной из уважения к человеку, который меня представил. Я показал ему свои китайские документы, и его аура оживилась цветами заинтересованности. Он взял их, изучил самым внимательным образом и сказал:

— Напишите-ка вы книгу. Пожалуй, я смогу организовать вам на нее заказ.

Вот это был удар, сразивший меня наповал. Чтобы я написал книгу? Я? О себе* Я всмотрелся в его ауру, чтобы убедиться, говорит он серьезно или это просто вежливый отказ. Его аура говорила, что он совершенно серьезен, но сильно сомневается в моих писательских способностях. И когда я уходил, его прощальные слова были:

— Вы должны написать книгу.

— О, не надо так расстраиваться, — сказал лифтер. — День такой солнечный. Он не захотел взять вашу книгу?

— В том-то все и дело, — ответил я, выходя из лифта. — Как раз захотел!

Я зашагал по Риджент-с-грит, думая о том, что все вокруг походили с ума. Чтобы я да написал книгу? Чушь! Все, что мне было нужно, — это работа, приносящая достаточно денег нам на прожитие и еще немного средств на исследования ауры. А все, что мне было предложено, — это написать какую-то дурацкую книгу о себе.

Незадолго до этого я ответил на объявление, где требовался технический писатель для составления учебных пособий по самолетам. С вечерней почтой я получил письмо, в котором приглашался прийти на следующий день на собеседование. А! — подумал я, — может, в конце концов я получу эту работу в Кроули!

На другой день рано утром, когда я завтракал перед отъездом в Кроули, в почтовый ящик упало письмо. Оно было от мистера Б. «Вы должны написать книгу», — говорилось в письме. — «Хорошенько все обдумайте и приходите ко мне».

— Ба! — сказал я себе. — Да мне ненавистна сама мысль о том, чтобы написать книгу! — И я поехал на вокзал в Клэпхэм, чтобы сесть на поезд в Кроули.

Поезд, по-моему, был самым медленным в моей жизни. Казалось, он подолгу торчал на каждой станции, а на перегонах полз так, словно локомотив или машинист были при последнем издыхании. Наконец мы прибыли в Кроули. К этому времени день раскалился докрасна, а я опоздал на автобус. И я потащился по улицам пешком, следуя ошибочным указаниям прохожих из-за того, что фирма, которую я разыскивал, находилась в очень неприметном месте. После долгих блужданий по городу, совершенно отупевший от усталости, я добрал до длинного грязного переулка. Там я отыскал домишко-развалюху, который выглядел так, словно в нем побывал на постое целый полк солдат.

— Вы написали замечательное письмо, — сказал человек, проводивший собеседование. — Мы захотели увидеть человека, который мог написать такое письмо!

Я охнул при мысли о том, что он заставил меня приехать в такую даль ради удовлетворения своего праздного любопытства.

— Но вы же давали объявление насчет технического писателя, — сказал я, — и я готов на любое испытание.

— А! Да, — сказал этот человек, — но с тех пор, как мы дали объявление, у нас было много всяких проблем, мы сейчас ведем реорганизацию и минимум полгода никого не будем брать на работу. Но мы думали, вам захочется приехать и познакомиться с нашей фирмой.

— Я считаю, что вам следует оплатить мне проезд, — отрезал я, — поскольку вы заставили меня приехать напрасно.

— О нет, этого мы не сможем сделать, — сказал он. — Вы же сами вызвались приехать на собеседование, а мы просто приняли ваше предложение.

Я был так расстроен, что долгий путь пешком до вокзала показался мне еще дольше. Неизменное ожидание поезда и неспешная дорога до Клэпхэма. Вагонные колеса, казалось, выстукивали: — Напиши книгу, напиши книгу, напиши книгу. — Во Франции, в Париже живет еще один тибетский лама, тоже прибывший на Запад с особой целью. Обстоятельства требовали, чтобы, в отличие от меня, он избегал всякой известности. Он делает свое дело, и лишь очень немногие знают, что он в свое время был ламой в тибетском монастыре у подножия Поталы. Чуть раньше я написал ему письмо, в котором спрашивал совета, и — здесь я немного опережу события — ответ свелся к тому, что писать книгу было бы с моей стороны неразумно.

Вокзал Клэпхэма показался мне в моем унылом расположении духа еще грязнее и мрачнее, чем обычно. Я вышел с перрона на улицу и побрел домой. Увидев мое лицо, жена не стала задавать вопросов. Мы поели, хотя мне кусок не лез в горло, и жена сказала:

— Сегодня утром я звонила мистеру Б. Он говорит, что ты должен написать конспект книги и дать ему на просмотр. Конспект! От одной этой мысли мне стало тошно. Затем я прочел пришедшие с последней почтой письма. В двух письмах говорилось: «Место занято. Спасибо, что прислали заявление». И прибыло то самое письмо от моего друга-ламы из Парижа.

Я сел за выдавшую виды пишущую машинку, которую унаследовал от моего «предшественника» и начал писать. Писательский труд для меня и неприятен, и тягостен. Нет речи ни о каком-либо вдохновении, ни о способностях. Я просто работаю усерднее многих, и чем меньше мне это нравится, тем усерднее и быстрее я работаю, чтобы поскорее покончить с этим делом.

День неспешно полз к концу, сумеречные тени заполнили улицы, потом их разогнали вспыхнувшие фонари и затопили ослепительным светом дома и людей. Жена включила свет и задернула шторы. А я все печатал. Наконец непослушными, наболевшими пальцами я поставил последнюю точку. Передо мной лежала стопка страниц числом тридцать, с плотно напечатанным текстом.

— Вот! — воскликнул я. — Если это ему не подойдет, я брошу все к чертям. А я надеюсь, что это ему *не* подойдет!

На другой день я снова зашел к мистеру Б. Он еще раз просмотрел мои документы, потом взял конспект и углубился в чтение. Время от времени он одобрительно кивал головой и, закончив чтение, осторожно сказал:

— Думаю, мы сможем ее пристроить. Оставьте это у меня. А тем временем садитесь писать первую главу.

Шагая по Риджент-стрит в сторону Пикадилли-Серкус, я не знал, то ли мне радоваться, то ли огорчаться. Наши финансы упали до опасно низкого уровня, и все же мне была ненавистна сама мысль о написании автобиографической книги.

Спустя два дня я получил письмо от мистера Б. с просьбой зайти, поскольку для меня есть хорошие новости. Сердце у меня упало — значит, мне все-таки придется написать эту книгу! Мистер Б. встретил меня сияющей благодушной улыбкой.

— У меня есть для вас контракт, — сказал он, — но сначала я хотел бы познакомить вас с издателем. Мы вместе отправились на другой конец Лондона, на улицу, бывшую когда-то фешенебельным районом с высокими жилыми домами. Теперь эти дома использовались под офисы, а жившие в них когда-то люди переехали в предместья. Пройдя немного по улице, мы остановились у неприметного на вид дома.

— Это здесь, — сказал мистер Б.

Мы вошли в темный вестибюль и поднялись по широкой винтовой лестнице на второй этаж. Наконец нас провели к Издателю, который вначале показался несколько циничным, но постепенно начал теплеть. Беседа была непродолжительной, и вскоре мы снова вышли на улицу.

— Идемте ко мне в контору. Батюшки! Где же мои очки? — забеспокоился мистер Б., лихорадочно роясь в карманах в поисках пропавших очков. Обнаружив пропажу, он облегченно вздохнул и продолжил:

— Идемте ко мне в контору, у меня готов к подписанию контракт.

Это наконец было уже нечто определенное, контракт на написание книги. Я решил, что свою часть контракта я выполню, и надеялся, что издатель выполнит свою. «Третий глаз», разумеется, принес Издателю «немного варенья на хлеб»!

Книга продвигалась вперед. Я строчил главу за главой и относил их к мистеру Б. Мне не раз доводилось навещать мистера Б. и миссис Б. в их очаровательном доме, и здесь я хотел бы отдать должное миссис Б. Она встретила меня очень радушно, как мало кто из ее соотечественников-англичан. Она старалась приободрить меня, и она была первой англичанкой, которая это сделала. Я всегда был желанным гостем в ее доме, а посему — благодарю вас, миссис Б.

В лондонском климате мое здоровье начало резко сдавать. Я держался из последних сил, чтобы довести книгу до конца. Призвав на помощь всю свою подготовку, я пытался хоть ненадолго отстранить болезнь. Как только я закончил книгу, как на меня обрушился первый приступ коронарного тромбоза, и я чуть не умер. Медицинский персонал одного очень известного лондонского госпиталя был весьма озадачен многими отметинами на моем теле, но я не стал проливать свет на их происхождение; возможно, эта книга сделает это за меня!

— Вам надо уехать из Лондона, — заявил специалист. — Здесь ваша жизнь в опасности. Уезжайте в другой климат.

«Уехать из Лондона? — подумал я. — Но куда же нам ехать?» Дома мы устроили совет и обсудили, где, как и на что жить. Несколько дней спустя мне пришлось вернуться в госпиталь на окончательное обследование.

— Куда вы собираетесь ехать? — спросил специалист. — Здесь ваше состояние не улучшится.

— Просто не знаю, — ответил я. — Столько всего надо принять во внимание.

— Принимать во внимание надо только одно, — нетерпеливо сказал он. — Если останетесь здесь — умрете. Если переедете — поживете немного дольше. Вы что, не понимаете, что ваше состояние очень *серьезно*

В который раз передо мной встала трудная задача.

Глава 10

Новые скитания

Лобсанг! Лобсанг! — я беспокоюсь заворачиваясь во сне. Сильная боль в груди, боль от этого сгустка крови. Судорожно вздохнув, я очнулся. Очнулся, чтобы снова услышать: — Лобсанг!

— Боже! — подумал я, — мне ужасно плохо!

— Лобсанг, — продолжал голос. — Слушай меня. Ляг на спину и слушай меня.

Я устало повернулся на спину. Сердце бешено колотилось, отдаваясь в груди глухими ударами. Постепенно в темноте моей уединенной комнаты проявилась фигура. Вначале это было голубое сияние, потом свет стал желтым и материализовался в облике человека примерно моего возраста.

— Сегодня я не могу путешествовать в астрале, — сказал я, — иначе мое сердце наверняка остановится, а мои задания еще не выполнены.

— Брат! Твое состояние нам хорошо известно, потому я и пришел к тебе. Слушай и ничего не говори.

Я откинулся на изголовье, хрипло хватая ртом воздух. Нормальное дыхание причиняло сильную боль, однако чтобы жить, надо было как-то дышать.

— Мы обсудили в своем кругу твою проблему, — сказал материализовавшийся лама. — Недалеко от берегов Англии есть остров, бывший некогда частью погибшего материка Атлантиды. Поезжай туда как можно скорее. Отдохни немного на этой приветливой земле перед путешествием на североамериканский континент. Поезжай не на западное его побережье, которое омывает бурный океан. Поезжай в зеленый город и потом в его окрестности.

Ирландия? Да! Идеальное место. Я всегда отлично ладил с ирландцами. Зеленый город? Ответ пришел сам собой. С большой высоты Дублин выглядит очень зеленым, благодаря парку Финикс и реке Лифи, бегущей к морю с горных склонов.

Лама одобрительно улыбнулся.

— Ты должен хотя бы отчасти поправить здоровье, ибо в дальнейшем оно подвергнется тяжелым испытаниям. А нам надо, чтобы ты жил и продолжал выполнять свое Задание, чтобы Наука Ауры начала наконец приносить плоды. Сейчас я удаляюсь, но когда ты немного поправишься, желательно, чтобы ты еще раз посетил Страну Золотого Света.

Образ растаял у меня на глазах, и в моей комнате сгустилась тьма и одиночество. Горести мои были велики, мои страдания были бы непосильными и даже недоступными пониманию многих. Откинувшись на подушки, я невидящими глазами уставился в окно. Что они говорили в мой последний астральный визит в Лхасу? Ах, да! — Тебе будет трудно найти работу? Разумеется, брат мой, ибо *ты не являешься частью Западного мира*, ты живешь одолженное время. Человек, чье жизненное пространство ты занял, все равно бы умер. Тот факт, что тебе на короткое время понадобилось его тело, и на более долгий срок — его жизненное пространство, означал лишь, что он может покинуть Землю с почетом и в неожиданном выигрыше. Это не Карма, брат мой, а задание, которое ты выполняешь в своей последней жизни на Земле.

«Кстати, очень тяжелой жизни», — добавил я про себя.

Наутро я вызвал некоторое удивление, а может быть, и раздражение, когда объявил:

— Мы будем жить в Ирландии. Сначала в Дублине, затем в его окрестностях.

В приготовлениях к отъезду от меня было мало толку. Я был очень болен и боялся сделать лишнее движение, чтобы не вызвать очередной сердечный приступ. Чемоданы были уложены, билеты куплены, и наконец мы тронулись в путь. Приятно было снова подняться в воздух, я даже

обнаружил, что там легче дышится. Экипаж самолета, имея пассажира-сердечника на борту не хотел рисковать. На полке у меня над головой лежал баллон с кислородом.

Самолет начал плавный спуск и сделал круг над землей, покрытой яркой зеленью и отороченной молочно-белым прибоем. Еще чуть ниже, и с громыханием выпущены шасси, а немного позже — визг колес, коснувшихся посадочной полосы.

На память мне пришел первый приезд в Англию и то, как со мной обошелся таможенный чиновник. «Как будет на *этот* раз?» — думал я. Мы подрулили к зданию аэропорта, и я был немало раздосадован, увидев, что для меня приготовлена инвалидная коляска. В таможенные чиновники строго посмотрели на нас и спросили:

— Сколько времени вы намерены здесь пробыть?

— Мы собираемся здесь поселиться, — ответил я.

Больше никаких проблем не было. Они даже не осмотрели наши пожитки. Всех очаровала Леди Ку'эй. Безмятежно и с полным самообладанием она стояла на страже нашего багажа. Эти сиамские кошки, если их правильно воспитать и обращаться с ними как с *разумными существами*, а не как с животными, проявляют высокий уровень интеллекта. Само собой, дружбу и преданность Леди Ку'эй я предпочитаю дружбе любого представителя рода человеческого. По ночам она сидит рядом со мной и будит жену, если мне плохо!

Наш багаж погрузили в такси, и мы поехали в Дублин. Кругом царила ярко выраженная атмосфера доброжелательности; неразрешимых проблем, казалось, не было вовсе. Вскоре я уже лежал в своей комнате, выходящей на территорию Тринити-Колледжа. Под моими окнами улица жила своей спокойной, размеренной жизнью.

Восстановление сил после переезда заняло некоторое время, но когда я смог выходить, дружески расположенные ко мне работники Тринити-Колледжа снабдили меня пропуском, который дал возможность проходить на территорию и пользоваться великолепной библиотекой. Дублин был городом сюрпризов; в нем можно было купить почти все. Выбор товаров там несравненно богаче, чем в канадском Виндзоре или американском Детройте. Несколько месяцев спустя, когда я уже писал «*Доктора из Лхасы*», мы решили перебраться в живописный рыбацкий поселок милях в двадцати от Дублина. Нам удалось купить дом, выходящий окнами на залив Балскэдден, дом с поистине великолепным видом на окрестности.

Я был вынужден подолгу отдыхать и не мог смотреть в окно через бинокль из-за искажающего эффекта оконных стекол. Местный строительный подрядчик Бруд Кэмпбелл, с которым я очень подружился, предложил установить зеркальное стекло. Когда все было сделано, я смог лежа в кровати наблюдать за рыбацкими суденышками в заливе. В поле моего зрения оказалась вся гавань вместе с такими приметными ориентирами, как яхт-клуб, контора капитана порта и маяк. В ясный день были видны даже далекие горы Мурн в оккупированной британцами части Ирландии, а с мыса Хаут в дымке Ирландского моря угадывались очертания гор Уэльса.

Мы купили подержанный автомобиль и частенько выезжали в горы в окрестностях Дублина, наслаждаясь чистым воздухом и живописной природой. В одну из таких поездок мы слышали о старой сиамской кошке, умиравшей от сильного внутреннего кровотечения. После долгих и настоятельных уговоров нам удалось забрать ее к себе в дом. Ее осмотрел лучший ветеринарный хирург во всей Ирландии и решил, что жить ей осталось несколько часов. Я уговорил его сделать операцию, чтобы прекратить кровотечение, вызванное небрежным обращением и слишком большим количеством котят. Она поправилась и оказалась самым ласковым существом из всех людей и животных, каких мне доводилось встречать. Сейчас, когда я пишу эти строки, она разгуливает по дому, как и полагается добродушной старушке. Она совершенно слепа, но ее прекрасные голубые глаза сияют умом и добротой. Леди Ку'эй ходит рядом с ней, либо телепатически направляет ее шаги, чтобы она не натыкалась на препятствия и

не ушиблась. Мы называем ее Грэнни Грейвискерз, потому что она и похожа на старенькую бабушку, которая, вырастив многочисленное потомство, наслаждается вечерней порой своей жизни.

Хаут принес мне счастье, которого я до сих пор не знал. Мистер Лофтус, полисмен, или «Страж», как их называют в Ирландии, часто навещался поболтать. Он всегда был желанным гостем. Настоящий здоровяк, всегда подтянутый, словно караульный в Букингэмском дворце, он пользовался репутацией абсолютно справедливого и абсолютно бесстрашного человека. Обычно он заходил, когда бывал свободен от дежурства и заводил разговор о дальних краях. Настоящим удовольствием было услышать его «Боже мой, доктор, мозгов у вас хоть отбавляй!» Полиция многих стран обращалась со мной дурно, но Страж Лофтус из ирландского поселка Хаут показал мне, что есть на свете и хорошие полицейские.

Мое сердце опять начало сдавать, и жена захотела установить в доме телефон. К сожалению, все линии «На Холме» были заняты, так что поставить нам телефон не было возможности. В один прекрасный день раздался стук в дверь, и вошла наша соседка миссис О'Грэди со словами:

— Я слышала, вам нужен телефон, но вы не можете его получить. Пользуйтесь нашим в любое удобное время. Вот вам ключ от дома!

Ирландцы относились к нам прекрасно. Мистер и миссис О'Грэди всегда старались сделать для нас что-нибудь, старались сделать наше пребывание в Ирландии еще более приятным. И для нас было большим удовольствием и честью пригласить миссис О'Грэди к себе в Канаду на слишком короткое, к сожалению, время.

Потом на меня внезапно обрушилась тяжелая болезнь. Годы концлагерей, постоянное напряжение организма и невероятные испытания, выпавшие на мою долю, — все это пагубно сказалось на моем сердце. Жена бросилась в дом О'Грэди и по телефону срочно вызвала врача. Спустя удивительно короткое время доктор Чэпмен уже входил в мою комнату и со сноровкой, которая приходит только с годами практики, взялся делать мне инъекции! Доктор Чэпмен принадлежал к врачам «старой школы», к «семейным врачам», у которых в кончике мизинца было больше знаний, чем у полудюжины столь популярных в наши дни врачей, «сошедших с конвейера». Что до нас с доктором Чэпменом, то это был редкий случай «дружбы с первого взгляда»! Под его присмотром я медленно поправился настолько, что смог встать с постели. Затем пришла пора консультаций у ряда специалистов в Дублине. В Англии кто-то советовал мне ни в коем случае не доверять свое здоровье врачу-ирландцу. Я, однако, доверился, и получил лечение и уход лучше, чем в любой другой стране мира. Здесь присутствовало личное человеческое участие, а это намного лучше, чем механическая холодность всех этих новомодных докторов.

Бруд Кэмпбелл возвел вокруг нашей усадьбы хорошую каменную ограду вместо разрушенной, потому что нам постоянно досаждали бродячие туристы из Англии. Из Ливерпуля наезжали целые экскурсии, вламывались на участки жителей Хаута и устраивали там пикники! Одна такая «экскурсантка» даже немало нас повеселила. Однажды утром раздался громкий стук в дверь. Моя жена открыла и увидела на пороге какую-то немку. Та попыталась было протолкаться в дом, но безуспешно. Тогда она объявила, что устроит привал прямо на пороге дома, пока ей не будет разрешено «сесть у ног Лобсанга Рампы». Поскольку я тогда лежал в постели, я вовсе не хотел, чтобы кто-нибудь сидел у моих ног, и ее попросили уйти. День стал клониться к вечеру, а она все еще сидела на месте. Тогда пришел мистер Лофтус с очень деловым и решительным видом и уговорил женщину спуститься с холма, сесть на автобус в Дублин и больше не возвращаться!

Потом потянулись дни, до отказа заполненные делами, как я ни старался беречь силы.

Доктор из Лхасы был уже завершён, но со всего света потоком шли письма. Почтальон Пат после долгого подъёма в гору пыхтя подходил к двери.

— А! Доброе вам утречко, — говорил он тому, кто открывал дверь, — как сегодня самочувствие Самого? А как же, от ваших писем у меня уже спину ломит!

Однажды ночью я лежал, глядя на мерцающие огоньки Портмарнока и кораблей в открытом море, и внезапно осознал, что рядом со мной сидит старец. Он улыбнулся, когда я повернул к нему голову.

— Я пришел, — сказал он, — чтобы увидеть, как ты поправляешься, ибо желательно, чтобы ты снова отправился в Страну Золотого Света. Как ты себя чувствуешь?

— Думаю, что смогу это сделать, если постараюсь, — ответил я. — Ты отправишься со мной?

— Нет, — ответил он, — ибо твое тело сейчас более ценно, чем когда-либо, и я останусь здесь, чтобы его оберегать.

За прошедшие несколько месяцев мне крепко досталось. Одной из причин моих физических страданий было то, что любого жителя Запада заставило бы недоверчиво отшатнуться: произошла полная замена моего прежнего тела. Временное тело было телепортировано в иное место и там рассыпалось в прах. Тем, кто всерьез этим интересуется, скажу, что здесь применялось древнее восточное искусство, и в некоторых книгах о нем можно прочесть.

Несколько минут я лежал, собираясь с силами. За окном неторопливо пропыхтело в порт запоздалое рыбацкое суденышко. Ярко светили звезды, и Око Ирландии купалось в лунном свете. Старец улыбнулся и сказал:

— Красивый у тебя отсюда вид!

Я молча кивнул, распрямил спину, согнул ноги и поплыл вверх, словно колечко дыма. На мгновение я завис над мысом, глядя вниз на освещенную луной местность. Око Ирландии, островок у самого побережья, потом чуть дальше остров Ламбэй. Позади светились яркие огни Дублина, современного, хорошо освещенного города. Поднимаясь все выше, я видел великолепный изгиб залива Килленни, так похожего на Неаполитанский, а за ним — горы Грейстоунз и Уиклоу. И я поплыл прочь из этого мира, из этого пространства и времени, в ту сферу существования, которую невозможно описать ни на одном языке трехмерного мира.

Это было похоже на выход из мрака в яркий солнечный свет. Меня уже ждал мой Наставник, лама Мингьяр Дондуп.

— Ты был молодцом, Лобсанг, ты много выстрадал, — сказал он. — Скоро уже ты вернешься сюда, чтобы никогда больше не уходить. Твоя борьба стоила того.

Мы медленно двинулись по немыслимо прекрасной местности в Зал Памяти, где мне предстояло узнать еще многое.

Некоторое время мы провели в беседе, — мой Наставник, группа августейших и я.

— Скоро, — сказал один, — тебе предстоит дорога в Страну краснокожих индейцев, где тебя ожидает еще одно задание. Передохни здесь несколько кратких часов, ибо испытания, выпавшие тебе в последнее время, серьезно подорвали твои силы.

— Да, — заметил другой, — и не огорчайся из-за тех, кто тебя критикует, ибо они не ведают, о чем говорят, ослепленные добровольным невежеством Запада. Когда Смерть закроет их глаза и они родятся для Высшей Жизни, тогда они пожалеют о тех невзгодах и горестях, которые причинили тебе без всякой нужды.

Когда я вернулся в Ирландию, земля еще была погружена в ночной мрак, лишь кое-где в утреннем небе слабо пробивались первые лучи рассвета. Вдоль длинной песчаной полосы Клонтарфа с тихими вздохами разбивался о берег прибой. Потом выплыл мыс Хаут — темная громада в предрассветном мраке. Спустившись ниже, я бросил взгляд на крышу дома. «Вот те

на! — заметил я про себя. — Чайки погнули мою антенну. Придется просить Бруда Кэмпбелла, чтобы он ее выпрямил». Старец все еще сидел у моей постели. Миссис Фифи Грейвискерз сидела у меня в ногах, словно на посту. Как только я вернулся в тело и оживил его, она подошла ко мне, потерлась мордочкой и замурлыкала. Потом она издала тихий зов, и вошла Леди Ку'эй, вспрыгнула на кровать и устроилась у меня на коленях. Старец некоторое время смотрел на них с нескрываемой нежностью, потом заметил:

— Воистину это существа высшего порядка. Мне пора уходить, брат мой.

С утренней почтой из Ирландского налогового ведомства пришла чудовищная оценка моего недвижимого имущества, подлежащего обложению налогом. Единственные ирландцы, которые мне не по душе, — это те, кто имеет отношение к налоговому ведомству; они всегда казались мне совершенно бесполезной, надутой публикой. В Ирландии для писателей налоги — это сущее наказание, и в этом вся трагедия, поскольку Ирландии отнюдь не помешали бы люди, тратящие свои деньги внутри страны. Впрочем, с налогами или без, я гораздо охотнее жил бы в Ирландии, чем в любом другом уголке мира за исключением Тибета.

— Мы едем в Канаду, — сказал я. Заявление было встречено помрачневшим взглядом. — А как мы повезем кошек? — последовал вопрос.

— Разумеется самолетом, они полетят вместе с нами, — ответил я.

Формальностей было не счесть, проволочек множество. Ирландские чиновники оказывали нам всяческое содействие, канадские же не слишком спешили помочь. Американское консульство помогло нам даже больше, чем канадское. У нас взяли отпечатки пальцев и подвергли допросу, после чего мы отправились на медицинское освидетельствование. Там-то я и попался.

— Слишком много шрамов, — сказал доктор — Вам надо пройти рентген.

Ирландский врач, делавший рентген, взглянул на меня с состраданием.

— Должно быть, у вас была страшная жизнь, — сказал он. — Эти ваши шрамы!.. Мне придется доложить о результатах в департамент здравоохранения Канады. С учетом вашего возраста, я полагаю, что они пропустят вас в Канаду, но выдвинут определенные условия.

Леди Ку'эй и миссис Фифи Грейвискерз прошли осмотр у ветврача и были объявлены здоровыми. В ожидании решения по моему вопросу я навел справки о возможности взять кошек с собой на борт самолета. На это согласилась только компания Свиссэйр, и мы заблаговременно заказали у них билеты.

Через несколько дней меня вызвали в канадское посольство. Чиновник окинул меня кислым взглядом.

— Вы больны! — сказал он. — Я должен быть уверен, что вы не станете обузой для нашей страны. — Он долго мямлил что-то еще, потом с видимым усилием произнес: — Монреаль дал вам добро на въезд при условии, что сразу же после прибытия вы явитесь в департамент здравоохранения и примете любое лечение, которое будет вам назначено. Если вы с этим не согласны, можете уходить, — добавил он с надеждой в голосе.

Мне всегда казалось странным, что многие посольские чиновники в разных странах грубят людям без всякой нужды. В конечном счете они ведь не более чем наемный персонал. Их можно даже назвать работниками социальной службы!

О своих намерениях мы не распространялись. Только самые близкие друзья знали, что мы уезжаем, и знали, куда мы уезжаем. Ибо на собственном опыте мы убедились, что стоит нам чихнуть, как тут же заколотит в дверь репортер, чтобы спросить о причине. В последний аз мы объехали Дублин и самые красивые места Хаута. Тоскливо было даже думать об отъезде, но никто из нас не приходит в этот мир ради собственного удовольствия. Одна очень толковая дублинская фирма согласилась доставить автобусом в аэропорт Шеннон нас самих, наших кошек

и наш багаж.

За несколько дней до Рождества мы были готовы к отъезду. Наш старый друг мистер Лофтус пришел попрощаться и проводить нас. Если в глазах его не было слез, то я, должно быть, ошибся. Да и я сам, конечно, чувствовал, что расстанусь с близким сердцу другом. Мистер и миссис О'Грэди тоже пришли проводить нас, причем миссис О'Грэди даже взяла выходной по такому случаю. «Ви От» была явно расстроена, Пэдди старался скрыть свои чувства под маской веселья, что, впрочем, никого не ввело в заблуждение. Я запер дверь, вручил ключ мистеру О'Грэди, чтобы тот переслал его адвокату, сел в автобус, и мы поехали прочь из самого счастливого времени в моей жизни с той поры, как я покинул Тибет. Покатали прочь от самых славных людей, которых я встретил за долгие-долгие годы. Автобус быстро помчался по гладкому шоссе в Дублин, прокладывая себе путь среди предупредительного здешнего транспорта. Дальше и дальше, на открытую равнину у подножия гор. Так мы ехали несколько часов. Добродушный шофер ловко вел машину, показывал по дороге примечательные места и всячески заботился о нашем удобстве и благополучии. На полпути мы остановились выпить чаю. Леди Ку'эй любит сидеть на возвышении, наблюдать за проезжающими машинами и ободряюще мяукать тому, кто сидит за рулем. Миссис Фифи Грейвискерз предпочитает сидеть в спокойных раздумьях. Остановка автобуса вызвала большое недовольство. *Почему это мы остановились? Все ли в порядке?*

Мы поехали дальше, потому что дорога была долгой, а до Шеннона довольно далеко. Сгустились сумерки и немного замедлили наше движение. Поздно вечером мы прибыли в аэропорт Шеннон и оставили там наш основной багаж, после чего нас отвезли в гостиницу, заказанную на сегодняшнюю ночь и завтрашний день. Принимая во внимание мое здоровье и двух наших кошек, мы пробыли в Шенноне ночь и день и вылетели только на следующий вечер. У нас были отдельные комнаты, между которыми, к счастью, была дверь, потому что кошки не могли решить, где им больше нравится. Они немного побродили по комнатам» втягивая носами воздух, словно пылесосы, и «вычитывая» информацию о людях, занимавших эти комнаты прежде, затем обе стихли и вскоре заснули.

Весь следующий день я отдыхал и осматривал аэропорт. Магазин беспошлинной торговли меня заинтересовал, но я не мог понять, какой в нем прок. Если купить в нем какой-либо товар, то все равно ведь придется заявить его в декларации где-нибудь в другом месте и уплатить ту же таможенную пошлину, но тогда в чем же выигрыш?

Работники авиакомпании Свиссэйр проявили любезность и готовность помочь, вскоре с формальностями было покончено, и нам только осталось ждать вылета. Пришла и миновала полночь, потом час ночи. В час тридцать мы поднялись на борт большого швейцарского самолета, мы и две наши кошки. Они произвели огромное впечатление на окружающих своим самообладанием и выдержкой. Их не встревожил даже шум двигателей. Вскоре мы уже мчались по взлетной полосе. Земля провалилась куда-то вниз, под крылом коротко мелькнула и исчезла река Шеннон. Перед нами вздыбились бурные просторы Атлантики, оставляя позади белую полоску прибоя у берегов Ирландии. Двигатели загудели в другой тональности, в соплах турбин показались длинные языки пламени. Нос самолета чуть опустился. Обе кошки молча взглянули на меня. Есть ли повод для тревоги, спрашивали они. Сам я уже в седьмой раз пересекал Атлантику и успокаивающе им улыбнулся. Вскоре они свернулись клубочком и уснули.

Долгая ночь шла своим чередом. Мы путешествовали вместе с темнотой, для нас ночь представляла собой двенадцать часов тьмы. В салоне пригасили огни, оставляя нас в тусклом синем свете и со слабой надеждой поспать. Двигатели с гудением уносили нас все дальше на высоте в тридцать пять тысяч футов над беспокойным серым морем. Звезды на небе понемногу перемещались. Постепенно в небесной дали над самым краешком Земли забрезжил слабый свет.

Суэта на кухне, стук тарелок, и медленно, как растет растение, включился свет. Приветливый старший стюард с неизменной заботливостью об удобствах пассажиров прошел вдоль кресел. Хлопотливые стюардессы принесли завтрак. Нет страны, равной Швейцарии по уровню обслуживания в воздухе, по заботе о нуждах пассажиров и по отличному качеству питания. Кошки проснулись и нетерпеливо стали дожидаться своей порции.

Далеко справа появилась серая дымчатая полоска и быстро разрослась. Нью-Йорк! Я вспомнил, как в первый раз прибыл в Америку, работая судовым механиком. Тогда нью-йоркские небоскребы возносились к небесам, поражая своими масштабами. Где же они теперь? Неужели эти маленькие точки? Огромный самолет сделал круг и лег на крыло. Снова сменился тон работы двигателей. Мы спускались все ниже и ниже. Постепенно дома на земле приобретали объемность, а то, что вначале казалось заброшенным пустырем, развернулось в международный аэропорт Айдлуайлд. Опытный швейцарский пилот посадил машину лишь с легким повизгиванием шасси, и мы тихо покатали по посадочной полосе к зданию аэропорта. — Пожалуйста, оставайтесь на своих местах! — обратился к нам старший стюард. С глухим толчком к фюзеляжу подкатил трап. Скрежетнул металл, и дверь салона распахнулась настезь. — До свидания, — сказали члены экипажа, выстроившись у выхода. — Желаем новых путешествий вместе с нами! — Мы медленно спустились по трапу и направились к административному зданию.

Айдлуайлд походил на свихнувшийся железнодорожный вокзал. Люди носились во все стороны, расталкивая тех, кто оказывался у них на пути. К нам подошел служитель: — Пожалуйста, сюда. Сначала таможенный досмотр. — Мы выстроились в ряд вдоль движущихся платформ. Внезапно появились огромные кучи багажа и двинулись по платформам, которые тянулись от входа до таможенных чиновников. Таможенники пошли вдоль рядов, роясь по дороге в открытых чемоданах. — А вы откуда будете? — обратился ко мне таможенник.

— Дублин, Ирландия, — ответил я.

— Куда едете?

— Виндзор, Канада, — сказал я.

— О'кей, порнографические открытки везете? — неожиданно спросил он.

Разобравшись с ним, мы предъявили наши паспорта и визы. Весь этот метод «обработки» людей напомнил мне чикагскую фабрику по расфасовке мяса.

Еще до отъезда из Ирландии мы заказали места в американском самолете на рейс до Детройта. Кошек нам тогда разрешили провезти с собой. Теперь же руководство авиакомпании аннулировало наши билеты и отказалось брать на борт кошек, которые благополучно и без всяких осложнений пересекли Атлантику. Мы, казалось, безнадежно застряли в Нью-Йорке, авиакомпания махнула на нас рукой. И тут на глаза мне попала реклама: «Воздушное такси — в любой уголок страны» из аэропорта Ла Гуардиа. Взяв такси в аэропорту мы проехали несколько миль и остановились в мотеле по соседству с Ла Гуардиа. — Можно нам взять в номер кошек? — спросили мы администратора при поселении. Он взглянул на двух наших жеманниц и сказал: — Конечно, конечно, милости просим! — Леди Ку'эй и миссис Фифи Грейвискерз с удовольствием воспользовались возможностью погулять и обследовать две новые комнаты.

Тяготы путешествия все-таки взяли свое, и мне пришлось прилечь. Жена отправилась через дорогу в Ла Гуардиа, чтобы выяснить, каких денег будет стоить воздушное такси и когда мы сможем вылететь. Через некоторое время она вернулась с озабоченным видом.

— Это стоит огромных денег, — сказала она.

— Не можем же мы торчать здесь, *надо* двигаться дальше, — ответил я.

Она взялась звонить по телефону, и вскоре заказала на завтра воздушное такси в Канаду.

В ту ночь мы хорошо выспались. Кошки вели себя совершенно беззаботно и, казалось, получали удовольствие от путешествия. Наутро после завтрака нас доставили в Ла Гуардиа, этот огромный воздушный терминал, где в любое время суток каждую минуту взлетают и садятся самолеты.

Наконец мы отыскивали стоянку воздушного такси и вместе с кошками и багажом погрузились на борт маленького двухмоторного самолета. Пилот, невысокий человечек с наголо обритой головой, коротко кивнул нам, и мы порулили на взлетную полосу. Так мы проехали мили две, после чего стали ждать своей очереди на взлет. Пилот большого межконтинентального лайнера махнул нам и что-то быстро заговорил в микрофон. Наш пилот произнес несколько слов, которые я не могу здесь повторить, и сказал:

— У нас... прокол.

Воздух содрогнулся от оглушительного воя полицейской сирены. По боковой дорожке на бешеной скорости примчалась полицейская машина и с отчаянным визгом тормозов остановилась у нашего самолета. Полиция? Что мы еще натворили? — спросил я себя. Снова взвыли сирены, и к нам подъехали пожарники, на ходу выскакивая из машин. Подбежавшие полисмены вступили в разговор с нашим пилотом, потом отошли к пожарникам, и наконец те и другие уехали. Приехала ремонтная бригада, поддомкратила самолет, в котором мы сидели, сняла пробитое колесо и умчалась восвояси. *Битых два часа* мы просидели в самолете, дожидаясь, пока его починят. Наконец колесо водворили на место, пилот снова запустил двигатели, и мы взлетели. Наш путь лежал над хребтом Аллегани курсом на Питтсбург. Над самыми горами стрелка топливомера — прямо у меня перед глазами — упала до нуля и начала постукивать об ограничитель. Пилот, похоже, этого не замечал. Когда я обратил на это его внимание, он шепотом заметил:

— Да ну, мы всегда сможем сесть!

Через несколько минут среди гор показалась ровная площадка, сплошь уставленная легкими самолетами. Наш пилот сделал круг над полем и приземлился, подрулив прямо к заправке. Стоянка длилась ровно столько, сколько потребовалось для заправки, а потом снова взлет с покрытой снегом, заледеневшей полосы. По краям полосы выстроились глубокие снежные сугробы, в горных долинах гуляли сильные ветры. Короткий перелет — и мы над Питтсбургом. От долгого пути мы устали и околели. Одна лишь Леди Ку'эй не теряла присутствия духа. Она сидела, глядя в окно, и явно была всем довольна.

Долетев до Кливленда, мы увидели прямо перед собой озеро Эри. У берегов громоздились в беспорядке огромные глыбы льда, а по скованной морозом поверхности змеились фантастические трещины и разломы. Пилот, не желая рисковать, взял курс на остров Пили, лежащий посреди озера. Оттуда мы полетели на Амхерстберг и дальше, в аэропорт Виндзора. Аэропорт показался нам на удивление спокойным, без обычной суматохи, свойственной таким местам. Мы подрулили к зданию таможни, покинули самолет и вошли внутрь. Одиноким таможенник как раз уходил с дежурства — было шесть часов утра. Он мрачно воззрился на наш багаж.

— Здесь нет чиновника иммиграционной службы, — сказал он. — Придется вам подождать, пока кто-нибудь придет.

Мы сели и стали ждать. Медленно ползли сонные минуты. Прошло полчаса. Время словно остановилось. С восьми утра у нас не было во рту ни крошки. На часах ровно семь. Появился сменный таможенник и тут же завел свою вольнку.

— Я ничего не смогу сделать, пока вас не пропустит чиновник иммиграционной службы, — сказал он.

Время, казалось, поползло еще медленнее. Появился какой-то долговязый человек и вошел в

офис иммиграционной службы. Вскоре с недовольным и покрасневшим лицом он вышел к таможеннику.

— Я не могу открыть стол, — сказал он.

Довольно долго они возились вместе, подбирая ключи, колотя и толкая дверцу. Наконец, отчаявшись, они взяли отвертку и взломали замок. Оказалось, что это не тот стол, в нем было пусто.

В конце концов бланки нашлись. Мы устало принялись их заполнять, ставя подписи то в одном месте, то в другом. Чиновник иммиграционной службы проставил в наших паспортах штампы «Вновь прибывший иммигрант».

— Теперь ступайте к таможеннику, — сказал он.

Чемоданы открыты, ящики тоже. Предъявлены заполненные бланки, в которых подробно описываются наши пожитки — пожитки «поселенцев». Еще несколько печатей, и наконец нам разрешено въехать в Канаду в Виндзоре, провинция Онтарио. Таможенник заметно смягчился, когда узнал, что мы приехали из Ирландии. Сам ирландец по происхождению, у которого еще были живы родители-ирландцы, он забросал нас вопросами и — чудо из чудес — даже помог нам донести багаж до автомашины.

На улице стоял мороз, земля была укрыта толстым слоем снега. На другом берегу реки Детройт ввысь взметнулись небоскребы. Во всех конторах и квартирах мерцали праздничные огоньки, потому что был канун Рождества.

Мы поехали по широкой Уэллетт Авеню, главной улице Виндзора. Реки не было видно, так что казалось, что мы едем прямо в Америку. Наш водитель, похоже, весьма смутно представлял, куда надо ехать. Пропустив нужный перекресток, он так лихо развернул машину, что у нас волосы встали дыбом. Но в конце концов мы все же добрались до снятого нами в аренду дома и с радостью покинули машину.

В скором времени я получил извещение от департамента здравоохранения с требованием явиться и жуткими угрозами — вплоть до депортации — если я этого не сделаю. К сожалению, угрозы относились к числу любимых увлечений чиновного люда провинции Онтарио, поэтому сейчас мы снова собираемся переезжать» на этот раз в более дружелюбную провинцию.

В департаменте здравоохранения меня просветили рентгеном, подробно расспросили и наконец разрешили вернуться домой. В Виндзоре ужасный климат, и это вместе с отношением к нам чиновников привело нас к решению переехать, как только будет закончена эта книга.

Ну, вот, теперь эта книга *действительно* закончена. Слова истины сказаны, как и в двух моих других книгах. Я многое мог бы поведать Западному миру, ибо, говоря об астральных путешествиях, я коснулся лишь краешка того, что возможно. К чему с таким риском посылать самолеты-шпионы, если, путешествуя в астрале, можно проникнуть в самые сокровенные тайники? Можно все увидеть и запомнить. При определенных условиях можно даже *телепортировать предметы*, если только это делается ради всеобщего блага. Но Западный человек поднимает на смех то, чего не в силах понять, обзывает «жуликами» тех, кто обладает способностями, каких нет у него, и с пеной у рта обливает грязью тех, кто осмеливается хоть немного отличаться от остальных.

Я с удовольствием отодвинул в сторону пишущую машинку и сел играть с Леди Ку'эй и слепой миссис Фифи Грейвискерз, которые так терпеливо дожидались этой минуты.

Той же ночью снова пришло телепатическое послание.

— Лобсанг! Твоя книга еще не закончена.

Сердце у меня упало, ведь я ненавижу писательство, зная, что лишь ничтожно малое число людей способно к постижению Истины. А я пишу о том, что вполне под силу человеческому разуму. Даже самые элементарные ступени этих возможностей все равно будут встречены с

недоверием. Зато стоит объявить, что русские отправили человека на Марс, и *это* немедля будет принято на веру! Человек страшится способностей своего же разума и может рассматривать лишь вещи, не имеющие никакой ценности, вроде ракет и космических спутников. Используя же ментальные процессы, можно добиться гораздо лучших результатов.

— Лобсанг! *Истина?* Ты помнишь древнюю еврейскую притчу? Запиши ее, Лобсанг, и напиши еще о том, что может произойти в Тибете!

«Одного раввина, известного своей ученостью и умом, как-то спросили, почему он так часто иллюстрирует великие истины простыми, незатейливыми историями. — Это, — сказал мудрый раввин, — лучше всего объяснить притчей! Притчей о Притче. В давние времена Истина ходила среди людей неприкрашенной, нагой, как и положено Истине. Кто ее видел — отворачивался от стыда или страха, ибо не мог смотреть ей в лицо. Так Истина и бродила среди народов Земли, нежеланная, всеми презираемая и отвергнутая. Однажды, неприкаянно ковляя по дороге, она встретила Притчу, беззаботно гуляющую по свету в дорогих ярких одеждах. — Почему ты так печальна и несчастна, Истина? — спросила Притча с веселой улыбкой. — Потому что я так стара и уродлива, что люди избегают меня, — скорбно ответила Истина. — Чепуха! — рассмеялась Притча. — Люди избегают тебя не поэтому. Надень кое-что из моих одежд, ступай к людям и сама увидишь, что будет. — И вот Истина нарядилась в красивые одежды Притчи, и теперь, куда бы она ни пошла, всюду ее встречали как желанную гостью. — И старый мудрый раввин с усмешкой сказал: — Люди не в силах смотреть в глаза нагой Истине, они предпочитают видеть ее в одеждах Притчи».

— Да, да, Лобсанг, это хороший перевод наших мыслей. А теперь сама Притча.

Кошки ушли на свои подстилки дожидаться, когда я по-настоящему закончу работу. А я снова сел за машинку, вкрутил чистый лист бумаги и продолжил...

Из дальнего далека мчался Наблюдатель, вспыхивая призрачной голубизной над континентами и океанами, переносясь из освещенной солнцем на ночную сторону Земли. Будучи в астральном состоянии, он был видим только ясновидцам, но сам видел все, и возвращаясь впоследствии в свое тело, помнил все. Безучастный к холоду и разреженному воздуху, он затаился за высокой горной вершиной и стал *ждать*.

Первые лучи утреннего солнца, коротко блеснув, позолотили горные пики, отражаясь мириадами оттенков в снегах расщелин. В посветлевшем небе забрезжили рассеянные потоки света, и солнце неторопливо показалось над дальним горизонтом.

Внизу, в долине, начали твориться странные вещи. Замелькали старательно замаскированные фары тягачей. Серебряная ниточка Счастливой Реки едва заметно поблескивала, ловя отражения солнечных лучей. Повсюду царила странная, тщательно скрываема суматоха. Коренные жители Лхасы либо попрятались в домах, либо лежали в казармах трудовых лагерей под бдительной охраной.

Солнце медленно шло своей тропой. Вскоре первые лучи, осторожно пробираясь вниз, коснулись странного сооружения, возвышавшегося в дальнем конце Долины. Солнце светило все ярче, и Наблюдатель смог лучше разглядеть эту громадину. Это был огромный цилиндрической формы предмет, а на его заостренном носу, нацеленном в небеса, были нарисованы глаза и оскаленная пасть. На протяжении столетий китайские моряки рисовали такие глаза своим кораблям. Теперь же на корпусе Монстра эти глаза горели ненавистью.

Солнце поднялось еще выше, и скоро вся Долина уже купалась в его лучах. Странные металлические конструкции были отведены в стороны от Монстра, который теперь лишь частично покоился в своей колыбели. Огромная ракета, опирающаяся на хвостовые плавники, выглядела зловеще, наводила смертный ужас. У ее подножия сновала целая армия техников, похожих в своих шлемофонах на потревоженную колонию муравьев. Пронзительно взывала

сирена, ее отголоски покатались по горам, отражаясь от скалы к скале, от стены к стене и смешиваясь в оглушительную, чудовищную какофонию звуков. Солдаты, охрана, рабочие стремглав бросились прятаться в дальних скалах.

Посреди горного склона луч солнца выхватил группу людей, сгрудившихся у радиостанции. Один из них взял микрофон и что-то сказал обитателям огромного бункера из бетона и стали, наполовину упрятанного в землю примерно в миле от ракеты. Гулкий голос начал отсчет секунд и умолк.

Несколько мгновений не происходило ничего, царил полный покой. Все замерло, кроме ленивых щупалец пара, сочащегося из ракеты. Потом пар вырвался мощными клубами, грянул нарастающий рев, вызывая небольшие камнепады. Сама земля, казалось, со стоном содрогнулась. Грохот становился все мощнее, достигнув уровня, от которого могли лопнуть барабанные перепонки. Из основания ракеты вырвался огромный язык пламени и пара, скрывая под собой все. Очень медленно, словно с гигантским усилием, ракета начала подниматься. В какой-то момент она, казалось, встала на огненном столбе, затем, набрав скорость, поползла вверх, в застонавшие небеса, изрыгая ненависть и презрение к человечеству. Она уходила все выше и выше, оставляя за собой длинный шлейф дыма и пара. Долго еще среди горных вершин отдавался эхом этот вой, хотя ракета давно уже скрылась из виду.

На склоне горы группа техников лихорадочно следила за экранами своих радаров, что-то тараторила в микрофоны, либо изучала небо в мощные бинокли. Далеко вверху вспыхнула и погасла яркая точка, и ракета легла на боевой курс.

Из-за скал показались перепуганные лица. Люди сбивались в маленькие кучки, временно позабыв обо всяких различиях между каторжниками и охранниками. Минуты с тиканьем вели свой счет. Техники отключили свои радары, ибо ракета уже вышла из зоны их контроля. Минуты с тиканьем вели свой счет.

Внезапно техники, бешено жестикулируя, вскочили на ноги, забыв от волнения включить микрофоны. Ракета с ядерной боеголовкой упала на далекую миролюбивую страну. Земля превратилась в крошечный ад, города лежали в руинах, а люди попросту испарились. Китайские коммунисты, включив на полную мощность громкоговорители, кричали и вопили, отбросив всякую сдержанность, радуясь своему ужасному достижению. Первый этап войны завершился. Преисполненные радости техники бросились готовить к старту вторую ракету.

Фантазия ли это? *Это вполне могла быть реальность!* Чем выше расположена точка запуска ракеты, тем меньше сопротивление атмосферы, тем дальше и с меньшим расходом топлива ракета может улететь. Ракета, запущенная с тибетских плоскогорий на высоте в семнадцать тысяч футов над уровнем моря, будет более эффективна, чем ракета, запущенная с равнин. Таким образом, коммунисты обладают огромным преимуществом над остальным миром, поскольку располагают самыми высокогорными установками для запуска ракет в космос или другие страны.

Китай напал на Тибет — но не покорил его — с тем, чтобы приобрести это преимущество над Западными державами. Китай напал на Тибет с тем, чтобы подобраться к Индии, когда будет к этому готов, и, возможно, двинуться через Индию на Европу. Может статься, Китай и Россия объединятся и возьмут мир в клещи, которыми сокрушат свободную жизнь во всех странах, которые окажутся у них на пути. Такое *может* произойти, если ничего не предпринять в ближайшее время. Польша? Перл-Харбор? Тибет? «Эксперты» уже заявляли, что такие аномалии невозможны. И они ошибались! Неужели они ошибутся снова?